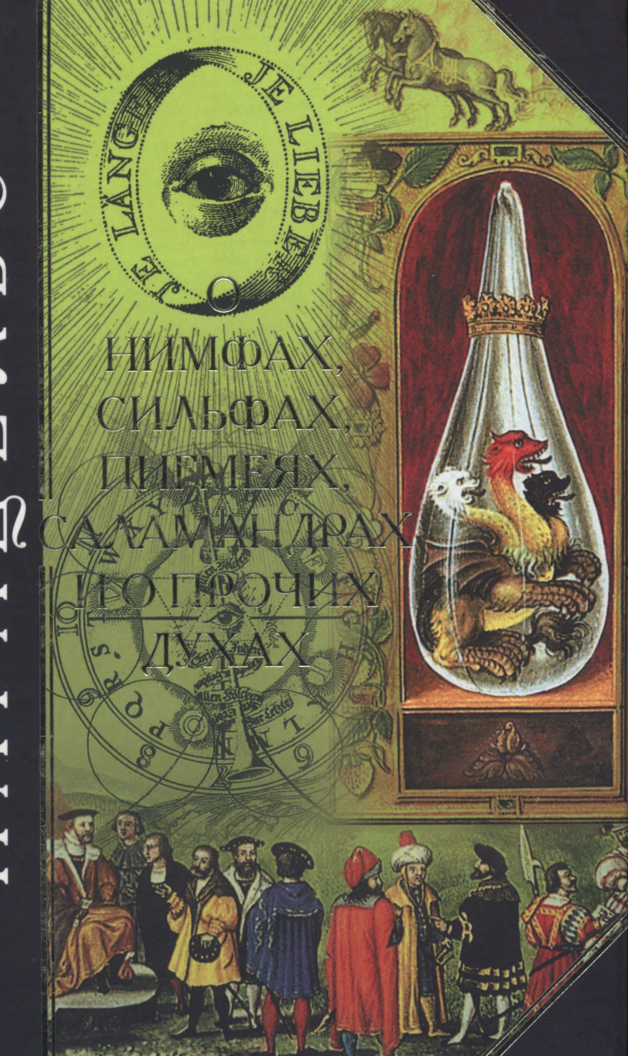
ПАРАЦЕЛЬС

О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах

Филипп Ауреол Бомбаст
фон Гогенгейм
ПАРАЦЕЛЬС

О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах

Москва
ЭКСМО
2005

УДК 82'04
ББК 84(0)4
П 18

Переводы с латыни *А. Шапошникова, Ю. Кулишенко*

Перевод с немецкого *Д. Мироновой*

Оформление серии и переплета *Е. Шамрай*

Дизайн книги *А. Пилипенко*

Парацельс
П 18 О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах. — М.: Изд-во Эксмо, 2005.— 400 с. — (Антология мудрости).

ISBN 5-699-12427-6

Имя и дела легендарного средневекового ученого Парацельса (1493—1541), известного также как Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, давно окружены мистическим ореолом. Великий алхимик, он верил в существование философского камня, оставил подробное руководство по изготовлению гомункула и вместе с тем заставил химию служить медицине, развеял множество заблуждений о лечении болезней, создал труды, вписавшие его имя в историю врачебного искусства.

Подлинных работ Парацельса сохранилось немного, и все они несут на себе неповторимый отпечаток его оригинального стиля, отмеченного любовью к парадоксам и неожиданным умозаключениям. «Книга о нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах» — одна из жемчужин наследия великого доктора и алхимика. Однако у этой работы есть еще одна примечательная особенность: она никогда раньше не выходила на русском языке. Первая публикация — перед вами.

УДК 82'04
ББК 84(0)4

ISBN 5-699-12427-6

От издательства

Филипп Ауреол Бомбаст Теофраст Парацельс фон Гогенгейм (1493—1541) — одна из крупнейших и в то же время противоречивейших фигур в медицине, философии и богословии немецкого Ренессанса. В наши дни он прославлен как первый теоретик современной медицины, отец ятрохимии, гомеопатии, антисептики и хирургии ранений.

Парацельс отверг книжную и схоластическую традицию античной и средневековой медицины ради науки, основанной на эксперименте, наблюдении и новой философии. Природа и человек, а не древние тексты, были источниками его уче-

ния: он верил, что искренняя христианская вера, свидетельство собственных глаз и система соответствий между микрокосмом и макрокосмом значат для знания больше, чем сведения, почерпнутые из писаний Гиппократа, Галена и Авиценны. Врача-философа он видел путешественником в царство природы, исследователем божественного единства Небес, Земли и Человека.

Астрологические, алхимические и оккультные представления Парацельса коренились в современной ему философии ренессансного неоплатонизма, природной магии и каббалистике. Эти представления быстро распространялись по меняющей свой интеллектуальный облик Европе, однако не затрагивали консервативную университетскую медицину. Радикальный подход ученого к методике лечения, популярный стиль изложения (современному читателю он даже в переводе может показаться путаным и тяжеловесным, однако в сравнении с трактатами средневековых медиков язык Парацельса представляется удивительно ясным) и презрение к невежеству и сектантству тогдашних профессионалов от медицины создали ему множество врагов по всей Европе в среде научных авто-

ритетов того времени. За непримиримость по отношению к существующей медицинской практике и стойкую волю к переменам и реформам Парацельса прозвали «Лютером медиков». Его неутомимость в поиске истины, бесконечные путешествия и скитания по всей Европе, удивительная творческая плодовитость: 50 трудов по медицине, 7 трудов по алхимии, 14 трудов о целебных свойствах растений, минералов, вод и других веществ, 9 трудов по естественной истории и философии и 26 трудов о магии, череда громких триумфов, перемежавшихся со скандалами и неудачами, вынуждавшими его вновь и вновь пускаться в странствия, создали вокруг имени ученого ореол легенды, не угасший и поныне.

Теофраст фон Гогенгейм родился в конце 1493 г. близ местечка Мария-Айнзидельн, в двух часах ходьбы от г. Цюриха в Швейцарии. Имя Парацельс он присвоил себе не раньше 1529 г. Греколатинское гибридное имя *Парацельс* (греч. приставка *para* знач. «от» и лат. *celsus* «высоко поднимающийся, высокий, высокопоставленный (почетное сиденье), возвышенный, благородный (ум), высокомерный, надменный») наполнено игрой

смыслов и намеков. В нем прочитывается и калька немецкого феодального *von Hohenheim* «родом из высокого Дома», и перевод нем. *Bombast* — «высокопарность, напыщенность», и «выводящий свое учение от Цельса» — имелся в виду древнеримский писатель Авл Корнелий Цельс, автор большого энциклопедического сочинения о сельском хозяйстве, медицине и военном деле «Искусства».

Отец Парацельса Вильгельм фон Гогенгейм был обедневшим потомком знатного швабского рода. Бомбаст (нем. высокопарный, напыщенный) было некогда дано роду Гогенгеймов за упрямство и неприступность. Поначалу отец сам обучал мальчика наукам, преподавал ему основы биологии, хирургии и терапии. От отца он научился видеть природу своими глазами, а не посредством книг. «Первым моим преподавателем был Вильгельм фон Гогенгейм — мой отец, который никогда меня не оставлял»,— напишет Парацельс позже. В Виллахе, наблюдая работы в штольнях и плавильных печах, Филлип приобрел некоторые знания минералогии.

Позднее мальчика отдали в обучение монахам монастыря св. Андрея в долине реки Савоны. В шестнадцать лет Филиппа отправили на учебу в уни-

Филипп Ауреол Бомбаст Парацельс фон Гогенгейм
(1493—1541)

верситеты (Вена, Базель). Но он был совершенно разочарован уровнем университетской образованности того времени. Филипп фон Гогенгейм был бунтарем от природы и уже в эти годы проявлял изрядную горячность и упрямство. Завершал свое образование Филипп в университете г. Феррары.

Вскоре Филипп оказался среди учеников Иоганна Тритемия из Шпангейма (1461—1516), настоятеля монастыря св. Якова в Вюрцбурге, одного из величайших приверженцев магии, алхимии и астрологии. Именно под влиянием этого учителя особенное развитие и практическое применение получили склонности Филиппа фон Гогенгейма к оккультным наукам. Тяга к сокровенному знанию привела его и в лабораторию серебряных копей Сигизмунда Фуггера в Шватце (Тироль), известного алхимика.

Не задержавшись там надолго, Филипп фон Гогенгейм начал свои познавательные странствия, которые длились с короткими перерывами почти до самой его смерти. Вспоминая эти годы, он писал: «Я долгие годы посещал высшую школу у немцев, итальянцев, французов. И я не только познал там науку и прочел многие книги, но пустился в даль-

нейшие путешествия: в Гренаду, Лиссабон, через Испанию, через Англию, через Марку, через Пруссию, через Литву, через Польшу, Венгрию, Валахию, Семиградье (Трансильванию), Хорватию, а также через другие страны; и во всех этих краях и местах я прилежно и старательно выспрашивал и исследовал верное и настоящее искусство врачевания не только у докторов, но также у цирюльников, банщиков, ученых врачей, знахарок, чернокнижников, как они ухаживают за больными, у алхимиков, в монастырях, у благородных и простых, у разумных и глупых».

В 1520 Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм поступил на службу к датскому королю Христиану. Затем переправился в Литву и Пруссию, недолго задержался в Польше. В 1521—1525 гг. Парацельс служил военным врачом императора Священной Римской империи германской нации Карла Габсбурга в его войнах с французским королем Франциском I в Неаполе и Северной Италии. Первую попытку превратиться из странствующего врача и диспутанта в члена городской медицинской корпорации фон Гогенгейм делает в Страсбурге.

Его популярность как врача растет. Вскоре он получает официальное предложение от имени магистрата Базеля занять должность городского врача и профессорскую кафедру в университете. В 1527 г., несмотря на враждебность базельских врачей, Парацельс получает возможность беспрепятственно заниматься врачебной практикой и начать преподавание в университете. В начале июня того же года вышло в свет его первое печатное произведение «Вступление к лекциям по медицине».

Однако в это время неожиданно умирает от удара его покровитель Иоганн Фробениус, знаменитый книгоиздатель — и Парацельс остается наедине со своими врагами: магистрат подписывает распоряжение об аресте Теофраста Бомбаста фон Гогенгейма — «порочного члена высшей школы, еретика факультета и нарушителя благочиния». Ученый бежит из Базеля, чтобы снова на долгие годы стать бесприютным странником. В спешке он вынужден бросить свое имущество, лабораторию и рукописи.

Во время долгих скитаний по Германии, приносивших ему одни лишь разочарования, Парацельс на некоторое время меняет врачебное искусство на

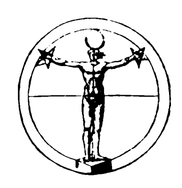
религиозное проповедничество. В это время Парацельс написал ряд религиозных трактатов, а также два своих фундаментальных произведения — «Парагранум», посвященное общим естественнонаучным основам врачебного искусства (физике, астрономии, химии и этике), и «Парамирум», в котором Парацельсом изложена общая этиология (учение о причинах болезней). А около 1536 г. он вновь достигает успеха как врач — на этот раз в Швабии. В это время им были написаны книга о тартарических болезнях, третья книга «Большой хирургии» и три книги «Разумной философии». С 1539 до 1541 года Парацельс вновь беспрерывно странствовал и жил недолго в Аугсбурге, Мюнхене, Бреславле, Гретце, Вене. После этого он побывал в Крайне и Венгрии.

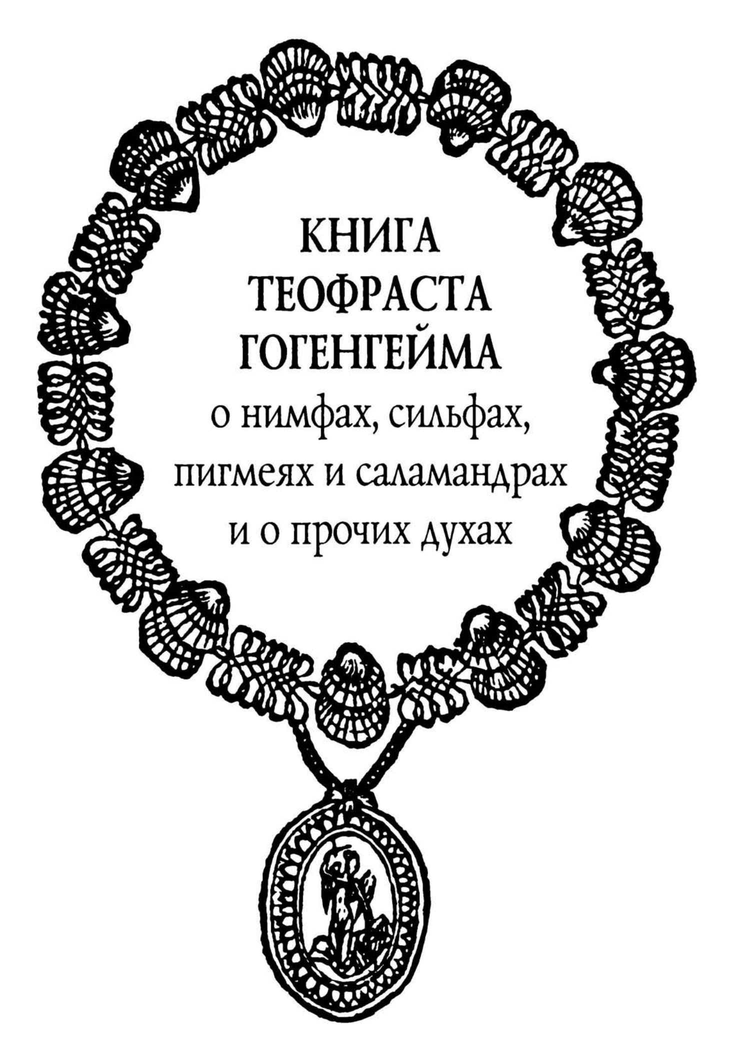
Уже в это время здоровье его пошатнулось. Теофраст осел в городе Зальцбурге, куда он был приглашен герцогом Эрнстом, пфальцграфом Баварским. Однако ему не суждено было наслаждаться заслуженным покоем — 24 сентября 1541 г. после непродолжительной болезни он умер.

Обстоятельства его смерти до сих пор неясны. Он упал на камень, проломил череп, и это спустя

несколько дней привело к смерти. Его современники сообщали, что Парацельс подвергся вероломному нападению бандитов, нанятых кем-то из его недоброжелателей. Надпись на его надгробии гласит: «Филипп Теофраст Парацельс, который стяжал столь великую славу мира (сего) за открытие химического золота, его изображение и кости; пока он снова не покроется своей плотью».

В наст. издание вошли трактат Парацельса «О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах», а также фрагменты его сочинений «Разумная Философия», «Книга Архидоксий», «Книга Парамирум», «Одиннадцать трактатов», «Медицина Парамирум», «О природе вещей», а также два текста о Парацельсе, принадлежащих основоположнику аналитической психологии Карлу Густаву Юнгу, одному из крупнейших ученых прошедшего века, преломившего в своем творчестве наследие Ренессанса.

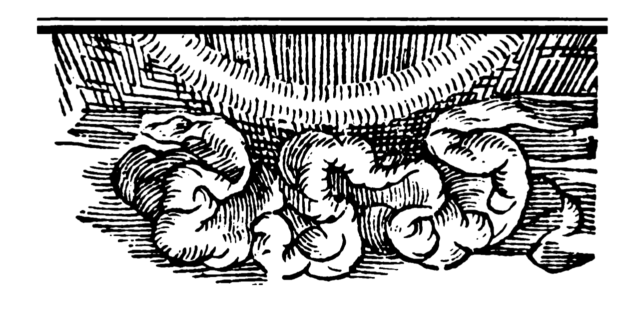

КНИГА ТЕОФРАСТА ГОГЕНГЕЙМА

о нимфах, сильфах, пигмеях и саламандрах и о прочих духах

КНИГА ТЕОФРАСТА ГОГЕНХЕЙМА
о нимфах, сильфах, пигмеях и саламандрах и о прочих духах

Пролог

Мы хорошо знакомы и свыклись весьма с творением всякого предмета, приведенного к существованию Богом. Каждая страна имеет знание о себе самой, о том, что появляется и произрастает в ней. Каждый человек осознает самого себя. И точно так же любое искусство или ремесло обладает знанием о своем предмете. Такое сознание присуще всем творениям, которых Бог привел к существованию, и нет ничего сокровенного,

чего человек уже не познал или не познает в будущем.

Это не значит, что все познание существует в одном, а именно, что один человек все знает; но каждый знает в своей области. И когда все сходятся вместе, тогда все и становится известно. И это вовсе не означает, что всякая страна имеет знание каждой другой страны, но что всякая владеет своим собственным знанием, а когда все они взяты вместе, тогда и появляется знание обо всех о них.

И всякий город, село и дом имеют собственное знание всех природных явлений. А что касается искусств и ремесел, то все сотворенные предметы используются, одни так,— а другие этак,— и пока все они используются, мы приходим к пониманию того, для какой цели они были созданы. А последнее умозаключение состоит в том, что все подвластно и подчинено человеку.

Однако вещей больше, чем мы осознаем и познаем в свете природы, и они над естеством и превыше него. Эти вещи не могут быть по-

няты при свете естества, то есть в свете природном, но только в свете человеческом, который превыше света природного. Только в нем они могут быть поняты.

Ибо природа излучает свет, при котором возможно ее ощущать, сама собою. Но и в человеке также есть свет, благодаря которому человек слышит, познает и проникает в суть сверхъестественного. Те, кто ищут в свете естества, говорят о природе. Те же, кто исследуют в свете человека, говорят о большем, нежели природа. Ибо человек — больше чем только природа. Он есть природа. Он также есть и дух. Он также есть и ангел. И он имеет качества всех этих трех сущностей.

Когда он блуждает в природе, то рабски служит природе. Когда он странствует в духе, он служит духу. Когда он переходит в ангела, его служение ангельское. Первому дано тело, а другим дана душа; они суть богатство души.

С тех пор как человек имеет душу и два других дара, он возносится над природой, дабы исследовать также и то, чего нет в природ-

ном естестве, и особенно для того, чтобы изучать и узнавать о преисподней, о Низвергнутом и его царстве. Таким же путем человек исследует Небеса и их сущность, а именно, Бога и его царство.

Ибо тот, кто должен отправиться в некое место, должен знать заранее характер этого места; тогда он будет в состоянии странствовать там, где бы ему ни захотелось.

Поэтому знай, что цель этой книги — описать творения, которые непознаваемы при свете природы, объяснить, как их следует понимать, и поведать, какие восхитительные изделия сотворил Бог.

Ибо в этом предназначение человека — узнавать о вещах и не быть слепым касательно их. Он наделен был способностью рассуждать о восхитительных творениях Божиих и представлять их другим. Для человека возможно исследовать сущность и качества любого отдельного творения, которое создал Бог. Ибо нет ничего сотворенного, чего человек не мог бы исследовать. И все это было некогда со-

творено для того, чтобы человек не пребывал в праздности, но следовал путями Божиими через труды Его и изделия Его. И следовал ими не в грехе, не в прелюбодеянии, не в азартных играх, не в пьянстве, не в грабеже, не в присвоении товаров или накоплении богатства для червей. Но прилагая свою душу, свой внутренний свет, свою ангельскую суть к глубокому познанию божественных предметов.

И больше благодати в описании нимф, нежели в описании медалей. И больше благодати в описании происхождения гигантов, нежели в описании придворного этикета. И больше благодати в описании Мелюзины, нежели в описании кавалерии и артиллерии. И больше благодати в описании подземного горного народца, чем в описании фехтования и дамского угодничества.

Потому что в этих вещах дух используется для движения в божественных творениях, в то время как в прочих вещах дух используется для достижения мирского обхождения и рукоплесканий, тщеславия и бесчестия.

Тот, кто сопереживает и внемлет многому на свете, будет столь же знающим и в воскрешении, тогда как тот, кто ничего не знает, будет унижен. Ибо в доме Бога есть много обителей, и каждый обретет свою обитель согласно своим познаниям.

Мы все образованны, но не в равной мере, все мудры, но не в равной мере, все искусны, но не в равной мере; и лишь тот, кто исследует явленный мир глубоко — самый образованный, и мудрый, и искусный.

Ибо исследование и стремление познания пребывают в Господе и избегают грехов этого мира; и избегают они мирского служения, угодничества перед князьями, придворных манер, изящных жестов; и учат они языки, в которых также есть ругательства и ложные реченья.

Но что касается дивных творений Божиих, человек изучает их через посредство своего внутреннего света и не взыскует для этого языков. Покорность Богу — вот повеление человеку! Покорность людям — что же это еще, как не пустая тень? За покорность не платят,

и нет за это вознаграждения. Человек смертен, и когда он мертв, он обращается в прах. Что же делать ему? — Он должен научиться большему, нежели покорность, и дать покорности действительно быть, и должен возлюбить ближнего своего; тогда покорность появится сама собой, как цветок и плод появляются на добром дереве.

О, как радостен тот, кто мыслит вослед своему Творцу! Он обретает бисер, который не будет брошен свиньям. Но тот, кто мыслит вослед человеку, взыскует бисера, подобно свинье, которая перерывает все и не находит ничего полезного.

Итак, знай, как понимать начало этой книги. Я не пишу о милых вещицах и занимательных историях, но о сверхъестественных явлениях, которые не требуют изысканных повествований, но предоставляют самой себе людскую молву.

Начинается книга Теофраста

Трактат 1

Глава 1

Для начала было бы пристойно, если бы я объяснил предмет, о котором буду писать ниже,— о чем это все. Знай же, что цель этой книги — описать четыре вида духов, а именно: водного племени, горного племени, огненного племени и воздушного племени. В эти четыре вида включаются еще великаны, мелюзины, обитатели Венусберга и подобные им.

Мы считаем их людьми, хоть и не от Адама, но другими творениями, отличными от человека и прочих животных, вопреки тому факту, что они являются среди нас и от них рождаются дети, однако не их вида, а нашего.

Мы опишем их так, как и следует описывать относящееся к нам, а именно в следующем порядке: во-первых, опишем их творение и чем они являются; во-вторых, их область и среду обитания, где они пребывают и каков

их образ жизни; в-третьих, как они приходят к нам и делаются видимыми, как они смешиваются и имеют с нами сношения; в-четвертых, расскажем о том как Мелюзина, жители Венусберга и подобные им совершают некоторые дивные проделки; в-пятых, о рождении великанов и их происхождении, а также об их исчезновении и возвращении.

Воистину, ученый должен строить свои рассуждения на Святом Писании и брать из него свои аргументы. Но в Писании ничего особенного не сказано ни об этих вещах, ни о том, что с ними делать или как исследовать их. Есть только несколько упоминаний о великанах.

Несмотря на то, что эти вещи рассматриваются без помощи Писания, их изучение оправдано тем фактом, что они действительно существуют. И предметы эти должно исследовать точно так же, как и волшебство, если нам следует верить в него, — а мы так и поступаем, и желаем выяснить его происхождение.

Писатели Ветхого и Нового Заветов обсудили, каким образом должна поступать душа

по отношению к Богу, и как Бог по отношению к душе, и от этого учения не следует отступать.

Но если нам разрешено знание о дьяволе, и о духах, и о прочих подобных существах, тогда это есть нечто, также заслуживающее исследования в отношении к его природе. Мы достаточно могущественны, чтобы вникать во все творения Божии, врачи — в целебные природные снадобья, апостолы — в апостольские средства утешения. Ибо, как больной человек призывает врача, предметы исследования призывают философа, христианин призывает взявшего на себя грехи, а всякая работа — своего умельца.

Такие творения Божии также необходимы и также имеют свое отличительное качество, ведь и они не были сотворены всуе.

Ибо и Самсон был человеком. Но он имел силу превыше всех людей, которая была и неестественная, и неправдоподобная. И была она сосредоточена в волосе; и это считается людьми излишним и не необходимым, но оно имеет

собственную причину, по которой это явление должно было существовать.

Давид, который был человеком небольшого роста, убил великана Голиафа. Так должно было случиться, и все же это не выглядит возможным для человека. Отсюда следует, что ничто не было сотворено без того, чтобы оно не имело в себе тайны, и эта тайна может быть весьма велика.

В Ветхом завете встречаются причудливые рассказы, которые никто не может истолковать, затем Новый завет толкует о них; о том, как вещи оказались в данном месте и по какой причине. Так что в конце концов узнаешь лишь то, что они действительно случились.

То же самое относится и к вещам, о которых пишу я ниже — люди не находят их необходимыми и полагают бесполезным говорить о них. Но, до тех пор пока имеется причина для них, которая проступает явно и о которой я напишу в шестом трактате, вовсе не бесполезно, а, напротив, необходимо исследовать эти вещи и включать их в нашу мудрость и мышление,

чтобы размышлять над этими вещами вместе с другими, какова их конечная цель.

Глава 2

Некий дух и душа; или дух есть во плоти и плоть-дух; пример воскрешения

Плоть надо понимать так: есть два вида плоти — плоть от Адама и та, что не от Адама. Плоть от Адама — это грубая плоть, ибо это плоть земная и есть не что иное, как плоть, которую можно связать и схватить подобно дереву или камню. Другая плоть, что не от Адама,— это тонкая плоть и не может быть связана или схвачена, ибо она не создана из вещества Земли. И потому плоть от Адама — это человек от Адама. Он груб, подобно земле, которая обладает плотностью. И оттого не может человек пройти сквозь стену. Ему приходится делать отверстие, чтобы проникнуть сквозь стену, так как ничто не расступается перед ним.

Но перед плотью, которая не от Адама, стены расступаются, и сие означает, что такая плоть не требует дверей или отверстий; и проходит она через стены, оставляя их неповрежденными.

Обе эти плоти суть кровь, кость и все, к человеку относящееся, и в своей природе в целом они как плоть человеческая. Но они отличаются в том, что у них два разных происхождения, как у двоюродных братьев и сестер; плоть, которая не от Адама, равным образом подобна как духу, так и человеку.

Дух проходит через любые стены, и ничто не может замкнуть его; человек, однако, не может, и его можно замкнуть на щеколду или на замок.

Точно так, как вы способны делать различия и отделять дух от человека, так же вы узнаете племена, о которых я пишу, с тем лишь отличием, что они отделены от духов, имея кровь, и плоть, и кости. К тому же они рождают детей, говорят и едят, пьют и ходят, а духи — нет.

Вот почему они подобны духам в скорости движения, подобны человеку в движении, стати и еде. Таким образом, они племя, которое имеет характер духов и человека в равной степени, и оба характера в них слиты воедино.

Несмотря на то, что они одновременно дух и человек, все же они ни то, ни другое. Они не могут быть людьми, так как они духи по поведению. Но они не могут быть духами, так как они едят и пьют, имеют кровь и плоть. Вот почему они — творения особого рода, вне этих двух видов, но видом подобны обоим, смесь обоих, как сложное снадобье из двух субстанций, кислой и сладкой, даже если не выглядят так, или два цвета, смешанных вместе, которые превращаются в один цвет, но по-прежнему их два.

Следует понимать далее, что, хотя они дух и человек, все же они ни то, ни другое. Человек имеет душу, а дух не имеет. Дух не имеет души, а человек имеет. Это существо, однако, подобно обоим, но не имеет души, и все же не тождественно духу. Ибо дух не умирает, а это

существо умирает. И, таким образом, это не подобно человеку, оно не имеет души; это зверь, но превыше зверя. Оно умирает как зверь, а тело животного также не имеет никакой души, только человек имеет душу. Вот почему это зверь. Но они говорят, смеются как человек; вот почему они более похожи на людей, чем на зверей, но они и не человек, и не зверь. Они относятся к человеку, как обезьяна, которая есть животное, очень напоминающее человека в жестикуляции и действиях. И как свинья, которая имеет анатомию человека, будучи внутри подобна человеку, но это все же свинья, а не человек. Подобным образом эти существа относятся к человеку как обезьяны и свиньи, только еще ближе, чем они. Ибо они подобны человеку во всем, но без души и лучше человека, ибо они подобны духам, которых никто не может понять. Христос умер и был рожден для тех, кто имеет душу, то есть для тех, кто от Адама, а не для тех, кто не от Адама, ибо они люди, но души не имеют. Так много можно подобрать о них в

Писании, что должно признать их людьми; но что касается души, там нет знания о наличии таковой у них.

Нет ничего удивительного в том, что такие творения существуют. Ибо Бог дивен в делах Своих, которые Он часто являет удивительным образом. Ибо эти вещи не находятся ежедневно перед нашими глазами, но очень редко; и мы видим их только для того, чтобы мы могли знать об их существовании, ибо они существуют и даже являются нам как во сне. Великая премудрость Бога непознаваема, как и Его великие дивные творения познаваемы не более, чем требуется для познания нашего Творца в Его дивных деяниях.

Теперь они отделены от нас, потому что они не от Адама и непричастны той же самой земле, из которой был сотворен Адам. Но Бог распорядился, чтобы мы с удивлением видели их, что имеет особое значение, так как это будет рассматриваться на Последнем Суде.

Они имеют детей, и их дети суть их вида, не нашего. Они обладают живым умом, богаты, му-

дры, бедны, немы подобно нам, которые от Адама. Они напоминают нас во всех отношениях.

Точно так, как некто изрек, что человек — образ Божий, то есть он был сотворен по образу Его, таким же образом можно сказать, что это племя имеет образ человеческий и было создано по образу и подобию человека. Человек — не Бог, хотя он сотворен по подобию Его, но лишь как образ. То же самое и здесь: они не люди лишь потому, что были созданы по подобию их. Но они остаются теми же самыми созданиями, какими они были сотворены, точно так же и человек остается тем же самым, каким Бог сотворил его. Так как Он желает, чтобы всякое творение оставалось на том же месте, где оно было сотворено.

И как человек не может хвалиться, что он Бог, но лишь творение Божье, так как был создан Богом и Бог так желает, несмотря на то, что он сотворен по образу и подобию Его. Точно так же и эти племена не могут похвастать, что они имеют душу подобно человеку, хотя они выглядят как он. Так, человеку недо-

стает того, что он не Бог. А этим диким племенам недостает души. Вот почему они не могут сказать, что они люди. Таким образом, одним недостает Бога, другим — души. Так, Бог единственный есть Бог, а человек единственный есть человек.

Итак, они суть люди и племя: умирают вместе со зверьми, ходят вместе с духами, едят и пьют вместе с людьми. То есть они умирают подобно зверям, так что ничего не остается; ни вода, ни огонь не могут причинить им вреда, как и духам, и никто не может замкнуть их, как и духов, но они воспроизводятся как люди, и вследствие этого разделяют участь человека. Они имеют человеческие заболевания и здоровье, но их лекарства не из земли, из которой сотворен человек, но из стихии, в которой они сами живут. Они умирают подобно людям, но мертвы подобно зверям. Их плоть разлагается как любая другая плоть, а их кости — как кости иных людей, и ничего не остается от них. Их обычаи и поведение человеческие, что справедливо и в отношении их

способа говорить, лучше или хуже, нежнее или грубее. То же самое применимо и к их телосложению: они различны, как и люди. В еде они подобны людям, они едят и наслаждаются плодами своего труда, прядут и ткут свои собственные одежды. Они знают, как пользоваться вещами, обладают мудростью общественного управления, правосудием, чтобы сохранять и защищать общину.

Ибо, хоть они и звери, все они обладают разумом человека, за исключением души. Вот почему у них нет завета служить Богу, ходить по Его стопам, так как они не имеют души. Зверь, рожденный по природе, требует справедливого подхода к себе, так же поступают и они, но они имеют высший разум, превосходя всех прочих животных. Точно так же, как человек на земле превыше всех тварей и ближе к Богу в способностях рассудка и возможностях, так и они, среди всех зверей, ближе всего к человеку, и столь близки, что их именуют племенем и людьми и принимают за таковых. Так что нет другого отличия от людей, кроме

как их подобного духам образа действий и отсутствия души. О причудливые и удивительные творения!

Трактат 2

Об их среде обитания

Их среда обитания четырех видов, а именно — соответственно четырем стихиям: одна обитель в воде, одна обитель в воздухе, одна обитель в земле и одна обитель в огне.

Те, которые обитают в воде, суть нимфы, те, которые в воздухе, — сильфы, те, которые в земле, — пигмеи, а те, которые в огне, — саламандры.

Эти имена не слишком хороши, но тем не менее я использую их. Эти имена были даны им людьми, которые не понимали их сущности. Но, поскольку они обозначают этих существ и поскольку их можно распознать по их именам, я оставлю все как есть.

Именем водного племени является также ундина, воздушного племени — сильвестры, горного племени — гномы, а огненного племени — скорее вулканы, чем саламандры. Как бы ни понимать это различение, пусть оно так останется.

Теперь же вам следует знать, что если их области обитания необходимо разделять, то и их самих следует подразделять на группы. Ибо водное племя не имеет сношений с горным народцем, а горное племя — ни с ними, ни с саламандрами. Каждое племя имеет особенное пристанище, но они являются и человеку, о чем уже упоминалось, так, чтобы он мог распознать и узреть, как удивителен Бог в Его творениях, что не оставил ни одну из стихий праздной и пустой, без того, чтобы она не имела в себе великих чудес.

А теперь следуй за четырьмя стихиями, что объясняет различие среды обитания, а также обличие, сущность и вид, как они, отличаясь один от другого, все же более подобны чело-

веку, чем друг другу, и, однако же, все они люди, как было разъяснено в первом трактате.

Вы знаете, что существует четыре стихии: воздух, вода, земля и огонь; вы также знаете, что мы, люди от Адама, стоим и ходим в воздухе и окружены им, как рыба водой, и мы можем существовать без него ровно столько, сколько рыба без воды. Так как рыба имеет свое обиталище в воде, то и вода, в которой она живет, занимает для нее место воздуха. Поэтому воздух занимает место воды для человека, по сравнению с рыбой. Таким образом, все было сотворено в своей стихии, чтобы передвигаться в ней. Из этого примера вы понимаете, что ундины имеют свое жилище в воде, и вода дана им, как нам воздух. И как мы удивлены тем, что им приходится жить в воде, так и они удивлены тем, что мы существуем в воздухе.

То же применимо и по отношению к гномам в горах: земля — их воздух и их свободное пространство. Ибо все живет в пространстве, то есть все имеет свое обиталище в пространст-

ве, движется и покоится внутри него. Вот почему земля — не более чем простое пространство для горного народца. Ибо они проходят сквозь монолитные стены, сквозь скалы и камни, подобно духу; вот почему эти предметы — всего лишь простое пространство для них, то есть пустота (ничто). Из этого следует, что, сколь мало нам препятствует воздух, столь же мало им — гора, скалы или земля. И сколь легко нам проходить сквозь воздух (и воздух не может остановить нас), столь же легко преодолимы для них утесы и скалы. И, следовательно, те предметы, что все суть пространство для них, не пространство для нас. Ибо стена, перегородка останавливают нас, так что мы не можем пройти сквозь них, а для гномов это свободное пространство. Вот почему они проходят сквозь нее (стену); для них это их воздух, в котором они живут и ходят, как человек в воздухе, что расположен между небом и землей.

И чем тверже пространство, тем тоньше существо, обитающее в нем, и чем тоньше пространство, тем грубее существо. Горное племя

обладает грубым пространством, поэтому они должны быть самыми нежными существами; а человек имеет нежную среду обитания, вот почему он все же более груб. Итак, имеются разные виды среды обитания, и их обитатели приспособлены жить в них по своей природе и качеству.

Таким образом, одно из чудес объяснено — чудо их обиталища. И вы теперь знаете, что их обиталища в четырех стихиях, в их свободных пространствах, точно таких же, как для нас воздух, и с ними не может произойти ни утопление, ни удушение, ни горение в своей стихии, ибо их стихии суть не что иное, как воздух для существ, живущих в нем. Поскольку вода есть рыбий воздух, рыба не тонет, и так же ундина вовсе не тонет. Как в воде, так и в земле: земля есть воздух для гномов; вот почему они не задыхаются. Им наш воздух не потребен, а нам — их. Точно так же обстоит дело с саламандрами: огонь есть их воздух, как наш воздух есть наш воздух. А сильвестры — ближайшие к нам, ибо они также пребывают

в нашем воздухе и они подвержены тому же виду смерти, что и мы, а именно: они горят в огне — и мы тоже; они тонут в воде — и мы тоже; они задыхаются в земле — и мы тоже. Ибо всякий остается целым и невредимым только в своей среде обитания; в других средах он умирает.

Вот почему вы не должны изумляться по поводу вещей, кажущихся нам невероятными: у Бога все возможно. Он сотворил всякие вещи для нас не согласно нашим мыслям и разумению, но превыше наших представлений и разумения. Ибо Он желает, чтобы мы на Него взирали как на Бога, который удивителен в Его созданиях. Если бы Он сотворил лишь то, во что поверить было бы просто для человека, Бог оказался бы слишком слабым, а человек стал бы равен Ему. Вот потому Он сотворил вещи как Бог и позволил человеку изумляться им, и сделал так, чтобы Его дела были столь велики, что никто не может в достаточной мере изумиться также этим существам. Богу угодно, чтобы это было так.

Давайте поразмыслим далее об их пище. Знайте, что всякая среда имеет свои две сферы — небеса и твердь. У нас, людей, земля и небо дают нам нашу пищу, а среда находится между этими двумя. Таким образом, мы кормимся в промежутке между двумя сферами. Точно так же те, кто живет в воде, имеют землю в основании, воду в качестве среды и небеса также в воде; так что они существуют между небом и землей, а вода — это их среда. Их обиталище соответствует их виду. Точно так же и у гномов, чья твердь — это вода и чья среда обитания земля, и небо есть их сфера. То есть земля стоит в воде. Для них земля — среда обитания, а вода — твердь. Пища произрастает для них таким же образом. Сильфы подобны людям, они питаются как люди на просторе — травами в лесу. Для саламандр твердь — это земля, их небо — воздух, а огонь — их среда обитания. Так что пища произрастает для них из земли и огня, а созвездия из воздуха — это их небеса.

Теперь о том, что они едят и пьют, вы можете понять больше. Вода утоляет нашу жажду, но не жажду гномов или нимф, или двух других видов существ. Далее, если вода была сотворена для нас, чтобы удалять нашу жажду, тогда другая вода должна была быть создана для них, такая, которую мы не можем ни видеть, ни исследовать. Они должны пить, но пить то, что в их мире является питьем. Точно так же они должны есть согласно составу их мира. Нельзя выяснить больше об этих предметах, кроме, пожалуй, только того, что их мир имеет собственную природу точно так же, как и наш.

Об их одежде: они одеты и прикрывают свой срам, но не тем способом, что в нашем мире, а своим особым способом. Ибо они имеют стыд и подобные качества (какие должны иметь и люди), имеют законы и подобные предписания, имеют свои власти, подобно муравьям, которые имеют своего короля, и подобно диким гусям, которые имеют вожака, но не по закону людей, а согласно их врожденной природе. Животные имеют своего предводи-

теля, и они тоже, и даже больше, чем все животные, потому что они больше всех подобны людям.

Бог одел всех существ и наделил их скромностью, чтобы ходить и стоять перед человеком. Для зверей одежда врожденная по природе. Но не для этих племен. У них нет ничего, врожденного по природе; они должны производить это, подобно человеку, которого они так напоминают. Их произведения, как и плод труда человека, по своей природе и виду относится к их собственному миру и той земле, на которой они живут. Ибо тот, кто дал нам шерсть от овец, дает ее также и им. Ибо для Бога возможно сотворить не только овцу, которая известна нам, но также нечто подобное в огне, воде и земле. Ибо Он одевает не только нас, но также гномов, нимф, саламандр и сильвестров. Все они под защитой Бога и все они одеваются и руководятся Им. Ибо Бог имеет власть не только снабжать человека, но также и кого бы то ни было еще, о ком человек ничего не знает и о котором он медленно узнает.

И когда человек видит или слышит нечто, это всего лишь диво, которое не приносит плода, потому что он не дает себе труда подумать об этом еще, но остается упрямым и слепым, как тот, кто, имея доброе зрение, не имеет благодати видеть.

Что касается их дня, ночи, сна и бодрствования, знай, что они отдыхают, спят и бодрствуют подобно людям, то есть в равной мере с человеком. Вместе с тем у них солнце и небесная твердь такие же, как и у нас. То есть у горного народца земля является их средой обитания. Для них она есть всего лишь воздух, а не почва, чем она является для нас. Из этого мы должны заключить, что они видят через землю, как мы — через воздух, и что солнце сияет для них сквозь землю, как оно делает сквозь воздух для нас, и что у них солнце, луна и целая небесная твердь находятся перед глазами, как и у нас, людей. Для ундин средой обитания является вода. И вода также не заслоняет от них солнца; и точно как мы зрим солнце через воздух, они зрят его в равной ме-

ре через воду. Точно так же и вулканы видят солнце через огонь.

И таким же образом, как солнце сияет нам и делает землю плодородной, знай, что то же самое происходит у них, как и у нас. Следствием этого является то, что у них тоже бывает лето, зима, день и ночь. Но у них нет необходимости в нашем дожде, снеге и т.п. У них это происходит иначе, нежели у нас. Это — великие чудеса Бога.

Из всего этого мы можем сделать вывод, что они также подвержены бубонной чуме, лихорадке, плевриту и всем небесным болезням, точно так же как и мы, и что они походят на нас во всех этих делах, так как они люди. Но на Страшном Суде Божием, при воскрешении, они будут зверьми, а не людьми.

Об их обликах знай, что они различны. Водное племя выглядит как люди,— как мужчины, так и женщины. Сильвестры не соответствуют, но они грубее, более неотесанные, выше и сильнее, чем нимфы и люди. Горное племя низкорослое, примерно две пяди. Саламандры

длинны, узки и склоненные вперед. Их место пребывания и убежище находятся в их средах обитания, как уже было упомянуто выше.

Нимфы обитают в воде, в текущих ручьях и прочих подобных местах, так близко, что они хватают людей, которые переезжают вброд на коне или купаются в воде.

Горное племя имеют средой обитания горы, и там они строят свои хижины. Вот почему часто случается наткнуться в земле на чердак, своды и подобные строения, высотою примерно в метр. Они были сооружены этим племенем в качестве убежища и жилищ. Водное племя делает то же самое в различных местах своей среды обитания. Знай также, что племя вулканов живет в горных пещерах. Вот почему странные сооружения встречаются и обнаруживаются в подобных местах. Это их работа. Знай также и об огненном народе, чьи пронзительные крики, стук молотков и рабочие шумы можно слышать в вулканических горах. Это можно также услышать, когда превращается в пепел стихии. Ибо все эти вещи те же самые, как и у нас, но соответственно их тайному качеству.

Те, кто путешествует через дикие области, познает смысл подобных существ и обретает информацию. Там обнаруживаются эти существа. Они обнаруживаются в копях поблизости от доброй руды и т.д., и в водах то же самое. А вулканы — поблизости от Этны. Существует еще больше причудливых вещей касательно их монет, платежей и обычаев, рассказывать о которых было бы слишком долго в этой связи, но которые будут описаны в своем месте.

Трактат 3

Как они приходят к нам и становятся видимыми для нас

Все, что Бог сотворил, он открыл человеку и позволил предстать перед ним, так что человек имеет и приобретает знание обо всех явлениях этих творений. Так, Бог открыл дьявола человеку, чтобы человек знал о дьяволе. И он же представил духов и другие, еще менее возможные для человеческого восприятия пред-

меты. Небесных ангелов он также ниспослал человеку, чтобы человек мог действительно видеть, что Бог имеет в услужении ангелов. Такие откровения действительно случаются, но редко. Настолько часто, насколько это необходимо, чтобы верить и иметь веру в них.

То же самое случается с существами, о которых я здесь пишу. Они также являются. Не с той целью, чтобы они оставались, жили и смешивались с нами, но Бог позволяет им приходить к нам и быть с нами столь часто, сколь это необходимо, чтобы мы познакомились с ними и узнали, что Бог творит дивные вещи. Когда Он посылает нам ангела, мы узнаем, что Писание говорит истинно о них. И раз уж мы знаем такое об одной вещи, мы знаем достаточно обо всем и навсегда, сколь долго продлится семя человека, так что нет необходимости являть подобные вещи каждый день.

И потому Бог также явил этих существ человеку, позволил им быть видимыми, иметь дело с людьми и разговаривать и так далее. Он сделал это не с тем, чтобы человек мог знать, что существуют такие существа в четы-

рех стихиях, которые дивным образом предстают перед нашими очами, а с тем, чтобы мы хорошо узнали эти вещи.

Водное племя не только было воистину увидено человеком, но женилось на нем и рождало от него детей. Точно так же горное племя: не только было видимо, но люди говорили с ним, получали от него деньги, дары и подобные вещи. То же самое случалось и с лесным племенем: люди видели их, имели с ними дело, гуляли с ними. Точно также и с вулканами, которые являлись человеку и открывались по существу, каковы они были и что следовало понять о них всех.

И так много прошло перед человеком, что из этого он может извлечь и взять на вооружение истинную философию, рассматривающую творения Бога посредством света разума человека, который был дарован одному человеку из всех других творений. Ибо подобное должно восприниматься подобным, поскольку человек есть дух и человек, вечное и смертное. Из этого разумно следует знание других вещей, а именно — что он единственный был

создан Богом по подобию Бога. Так, человек не может философствовать в любое время о чем-нибудь, пока у него нет предмета. Предмета, от которого отталкивается его рассудок, и на чем он основывается.

Если такой человек одержим злым духом, он должен это знать и размышлять над тем, что это значит. Ибо не существует ничего, что остается сокрытым и не открывается. Все должно выйти наружу: творение, природа, дух, зло и добро снаружи и внутри, и все искусства, и все доктрины, учения и все, что было создано. Иногда подобные вещи становятся явными только настолько, насколько они остались в памяти народной. Они по-прежнему сокровенны и не имеют широкой (всеобщей) известности. Так, известно, что человек никогда не становится столь же явным для других, сколь эти существа становятся явными для человека.

А именно, нимфы становятся явными для нас, но не мы для них, за исключением того, что они говорят о нас в своем собственном мире, как говорил бы паломник, который побывал

в чужих странах. Они не нуждаются в таком восторге, который горное племя испытывает по отношению к нам. Ибо они имеют власть над человеком, но их мир не таков, чтобы они могли бы воспринять нас. Человек телом не столь нежен, он грубоват телом, а его среда нежна, в то время как у них все наоборот. Вот почему они могут хорошо переносить нашу среду обитания, а мы не можем переносить их среду. Их стихия также есть в себе их среда обитания, что для нас может не быть средой. Так они являются нам, пребывают с нами, выходят замуж за нас, умирают с нами, а также вынашивают детей.

Теперь тот факт, что они будут раскрыты, равен Божественному повелению. Бог посылает нам ангела, представляет ему свое творение и затем опять забирает его прочь. И тем же самым образом эти существа представлены перед нашими глазами. Так происходит с водным племенем. Они приходят к нам из своих вод, становятся известными, действуют и ведут с нами дела, возвращаются в свои воды,

опять приходят — и все это для того, чтобы позволить человеку созерцать Божественные творения.

Теперь они люди, но только со стороны животной, без души. Из этого следует, что они выходят замуж за мужчин. Водная женщина берет в мужья человека от Адама, ведет его хозяйство и дает рождение детям. О детях мы знаем, что они наследуют отцу. Так как отец — человек от Адама, ребенку дается душа, и дитя становится как обычный человек, который имеет вечную душу. Более того, это также хорошо известно и должно быть принято во внимание, что такие женщины также получают души, выйдя замуж за людей, чтобы они были спасены перед Богом и спасены самим Богом, подобно другим женщинам.

Это было испытано многими способами, что они не вечны, но когда они связаны браком с человеком, они становятся вечными, то есть наделяются душой подобно человеку. Вы должны понимать это следующим образом: Бог сотворил их столь подобными человеку и столь напо-

минающими его, что ничто другое не может быть более похожим, и случилось чудо, что у них не было души. Но когда они входят в союз с человеком, тогда этот союз дарует им душу. Так же, как союз, установленный Богом, который человек имеет с Богом и Бог с человеком, позволяет нам войти в царство Бога. Если бы не было такого союза, какая польза была бы для нас в душе? Никакой. Но теперь есть такой союз с человеком, и поэтому душа на пользу человеку, иначе союз не имел бы смысла. Это демонстрируется также нимфами: они не имеют души, умирают, и ничего не остается от них, лишь зверь, пока они не войдут в союз с людьми, а тогда они получают душу. И человек, который не состоит в союзе с Богом, точно подобен им. Итак, они демонстрируют, что они звери без человека, и, подобно им, человек без Божественного союза — ничто. Союз двух существ друг с другом может достичь столь многого, так как низший извлекает пользу из высшего и обретает его могущество.

Из этого следует, что они ухаживают за человеком и что они усердно и тайно ищут его.

Язычник просит крещения и домогается его с тем, чтобы обрести свою душу и стать живым во Христе. Точно так же и они домогаются любви с человеком, чтобы быть в единении с людьми. У них вся мудрость и разум суть вне качеств души. Через добродетель плода Адама они и их дети получают душу, свободу и силу, которая удерживает их и возносит к Богу.

Следует также подумать о том, что Бог сделает с ними в конце мира, раз уж они столь близки человеку и должны рассматриваться как дикие люди точно так же, как мы говорим, что волк — это дикий пес, горный козел — это дикий козел и тому подобное.

Следует также знать, что не все из них могут выходить за нас замуж. Первыми идет водное племя — они самые близкие к нам. Следующим после них идет лесное племя, затем горный и земной народец, который, однако, редко сочетается браком с человеческим родом, а только обязан служить людям. Знай также, что эти два племени — земной народец и вулканы — считаются духами, а не тварями, и рассматри-

ваются лишь как видения или как духи. Ты должен знать, однако, что как только они являются, так они уже плоть и кровь, подобно другим людям, и вместе с тем они подвижны и быстры подобно духу, как уже говорилось в начале книге. Они также знают все будущие, текущие и прошлые дела, которые не явные, но скрытые. В этом деле они могут служить человеку, защищать и предупреждать его, руководить им и тому подобное. Ибо они имеют рассудок общий с людьми (за исключением души). Они имеют знание и разум духа (за исключением Духа Святого в отношении Бога). Таким образом, они высокоодаренные, и они знают и предупреждают, так что человек может узнать о таких вещах, и видеть их, и верить в существование таких творений. Для этой цели Бог позволил им являться человеку, чтобы он мог обрести знание и узнать, что Бог приводит в исполнение в подобных созданиях.

О нимфах же говорится, что они приходят к нам из воды и сидят на берегах ручьев, где находится их обитель, где их видят, берут также,

хватают и женятся на них, как мы уже сказали прежде. Лесной народ, однако, телесно грубее, чем они. Они не говорят. То есть они не могут говорить, хотя у них есть языки и достаточно всего того, что необходимо для речи. В этом они отличаются от нимф, ибо нимфы могут говорить на языках разных стран; людское племя, однако, не может, но они могут быстро научиться. Горные человечки наделены даром речи, как и нимфы, а вулканы ничего не говорят, хоть они могут говорить грубо и редко. Нимфы появляются, как уже было сказано прежде, в человеческой одежде, с человеческими чертами и желаниями. Горное племя подобно людям, но не высокого роста, а низкого; иногда они достигают половины роста человека или около того, иногда больше.

Так же и таким же образом являются вулканы пламенные, с огнем во всех их чертах и одежде. Они те самые, о которых говорится: «огненный человек или дух проходит через дом»; «там идет горящая душа» и т.п. Случается, что такие фигуры видны. Они также — языки пламени,

которые часто наблюдаются в виде мерцающих огней на лугах и полях, бегущих по направлению друг к другу и один сквозь другой. Это вулканы, но их не найдешь живущими с людьми по причине их огненной природы. Однако их часто можно обнаружить со старухами-ведьмами в услужении у последних. Следует также знать, что дьявол берет власть над ними точно так же, как он это делает с людьми, и ходит с ними, приводя их к ведьмам, и доводя до многих других вещей, которые происходят, когда кем-то овладевает дьявол. Но это займет слишком много времени, чтобы описать их здесь. Надлежит знать, однако, что есть некая опасность, сопряженная с огненным племенем, потому что всеми ими обладает и беснуется в них дьявол, что причиняет великий вред человеку.

Также знай, что он (дьявол) в равной мере берет власть и над горным народом, и таким образом заставляет их быть в услужении у него, и так же с лесным народом. Его можно обнаружить в одержимых лесными сильфами и осме-

ливающихся делить ложе с женщинами, которые живут в лесных областях. Все они становятся как прокаженные, паршивыми и шелудивыми, и нет для них никакой помощи.

Когда же эти существа не во власти дьявола, они человечны и стремятся к союзу с людьми, как уже было упомянуто. Но они придерживаются образа поведения духов в том, как они исчезают. Тот, кто имеет женой нимфу, не должен позволять ей приближаться к какой бы то ни было воде или, по крайней мере, не наносить ей оскорблений, пока они у воды. А тот, кто имеет с собой горного человечка, не должен оскорблять его, особенно в местах, где они могут потеряться. Они столь признательны человеку и столь крепко с ним связаны, что не могут уйти от него до тех пор, пока не будет на то причины, а это случается в местности, из которой они пришли. Если у кого-то жена, она не уйдет от него до тех пор, пока ее не побудят к этому в то время, когда они у воды. В противном случае она не исчезнет, и ее можно удержать при себе. Горные человечки также

должны соблюдать свои обеты, когда они в услужении и дали поручительство. Но следует также соблюдать обязательства, данные им, во всем, что их касается. Если обязанности соблюдаются как должно, они честны, постоянны и сосредоточены на своей работе. И следует знать, что они в особенности преданы человеку и весьма склонны тратить деньги на него. Ибо горное племя имеет деньги, потому что они сами чеканят их. Вот как это следует понимать. Чего желает иметь дух, он имеет, а их желания и стремления таковы, что, когда горный человечек желает или хочет сумму денег, он имеет ее. Так, они дают деньги многим людям в горных штольнях, чтобы принудить их уйти; они откупаются от них. Все это — Божественное повеление, чтобы так они являлись нам и чтобы мы видели то, о чем трудно поверить по рассказам.

Человек — самое привязанное к земле из всех творений. То, что он должен иметь и чего желает, он должен сделать сам для себя, но он не обретает ничего одним лишь своим желани-

ем и вожделением. Но те племена имеют то, в чем они нуждаются и чего желают. И никто из них ничего не делает для этого. Они обладают этим без труда.

Трактат 4

По мере того как мы подходим к концу нашего исследования, мы в достаточной степени обсудили насущные потребности этих существ, и как они приходят к человеку. Теперь надобно знать более того — об их исчезновении из людской среды и об их деяниях вместе с нами, о многих таких рассказах и историях, что случились с ними во множестве странных способов.

Во-первых, о тех из них, кто вышел замуж за людей и родил им детей. Когда их обижали мужья во время нахождения у воды, они попросту погружались в воду, и никто не мог их больше отыскать. Для мужа это — как если бы она утонула, потому что он никогда не увидит ее снова. И все же, хотя она канула в воду, он не может считать ее мертвой. Она жива, и он

не может брать другую жену. Если он сделал это, он расплатится своей жизнью и никогда не вернется в этот мир, ибо его брак не расторгнут, но по-прежнему сохраняет свою силу. Это то же самое, как и в случае, если жена сбежала. Она не развелась со своим мужем, а он не развелся с ней. Это по-прежнему действительный брак, который не был расторгнут, и никто не может никогда его расторгнуть, пока длится жизнь. Когда она канула в воду и бросила мужа и детей, ее брак по-прежнему действителен, и она предстанет в Судный День с учетом ее брачного союза и обета. Душа не будет отнята или отделена от нее. Она должна следовать за душой и придерживаться своего обета до самого конца. Несмотря на то, что она остается водной женщиной и нимфой, она должна поступать, как того требует душа и обет, который она дала, за исключением того случая, когда она разошлась со своим мужем и когда нет возврата, а он взял другую жену. Тогда она возвращается и приносит ему смерть, как случалось уже много раз.

Случается, что рождаются сирены. Они тоже водные женщины, но живут больше у воды, чем в воде. Они не созданы в образе рыбы, но скорее подобны деве, но их внешний вид не совсем такой же, как у женщины. Они рождают не детей, но уродов, точно так же, как странное человеческое существо может родиться от двух нормальных родителей. Я бы выразил это так: водное племя воспроизводится подобно людскому, но когда случается, что они производят урода, эти уроды — сирены, что плавают по воде, ибо они отвергают их и не содержат их должным образом. Вот почему они появляются во многих формах и обличиях, как это происходит и является в случае со всеми уродами. Так, мы изумляемся не только водному племени, но и сиренам, у которых много странных черт и которые сильно отличаются от людей. Некоторые могут петь, некоторые могут свистеть в тростниковые флейты, некоторые могут и то, и другое. «Водные монахи» также рождаются от нимф — это урод, который имеет облик монаха. Надо это знать, а именно,

что такие выросшие существа, которые сопоставимы с людьми и обнаруживаются в некоторых местах, происходят от людей, то есть они происходят от водного племени, земных человечков и подобных существ. Для правильного понимания этого предмета помни, что Бог проявляет странные вещи в своих творениях.

Это подобно тому, как и в случае с кометой. Рожденная от других звезд, комета есть не что иное, как новообразование, выходящее из ряда. То есть новообразование, которое имеет не природный путь, как должна иметь звезда, но с целью направлена Богом по другому пути. Вот почему комета имеет великую значимость.

Такую же значимость имеют и морские дива, и другие подобные вещи, которые происходят от водного племени. Они также суть такие кометы, которые Бог являет человеку с определенной целью, не без смысла и значимости. Нет необходимости писать об этом здесь. Но это надо знать: великие вещи исходят от таких людей, которые должны быть великими зеркалами перед глазами человека.

Но любовь остыла во многих людях, и так они, всецело поглощенные извлечением пользы, личной выгоды, игрой в азартные игры, пьянством, не обращают внимания на знамения, на предметы, которые истолкованы этими существами, как если бы они говорили: смотрите на уродов, такими вы станете после смерти; остерегайтесь, будьте внимательны! Но ничего не делается по этому поводу.

В продолжение обсуждения этих существ, знайте, что такие люди сходятся и собираются в одном месте, где они могли бы жить совместно и домогаться общения с мужчиной, ибо они любят его. Причина этого заключена в том, что плоть и кровь стремятся к плоти и крови. В таких группах больше женщин, чем мужчин, вот почему они следуют за мужчинами, где бы им ни представился случай. Из таких людей образуется группа, которую называют «обитатели горы Венеры —Венусберга». Она состоит не из кого иного, как из вида нимф, сброшенных вместе в пещеру или отверстие их мира. Но не в их собственной среде, а в среде чело-

веческой. Знай о них то, что они достигают очень преклонного возраста, но ты не можешь заметить этого, потому что их внешность остается той же самой с самого начала и до конца, они так и умирают неизменившимися.

Венера была нимфой и ундиной, которая превосходила других и царствовала долгое время, но она умерла, а последующая Венера была не так одарена, как она. Она умерла с течением времени, и ее царство исчезло. Есть много сказаний о ней. Некоторые люди верят, что она будет жить до Судного Дня, подразумевая ее саму и ее семя. Все эти существа предстанут перед Богом, распадутся и обретут окончание своего существования. Говорят также, что те, кто приходят к ним, никогда не умрут. Но это неверно, ибо все существа обретают конец в смерти, и ничто не останется, ни они, ни другие племена; ничего нет без конца. Это благодаря семени все виды доживут до Судного Дня.

Есть история с другим началом. Она повествует о королеве, которая имела резиденцию там, на Венусберге, и провалилась под землю.

Это была водная женщина, которая пребывала там. Она вошла в гору под прудом, который был над ней, в ее области. Там она обрела пристанище, а для любви она построила галерею, чтобы она могла добраться до парней, а они к ней. Там случались такие странные вещи, что никто не был в состоянии рассказать об этих существах, каковы они были или откуда они взялись, пока это не кончилось. Это вполне возможно, что это могло бы случиться еще, если бы пришла другая нимфа, равная ей. Не случается ли часто так, что есть мужчина, поразительно превосходящий других, а затем на многие годы нет никого равного ему. Так, особое знамение было о нимфах, которые были названы в честь Венусберга, по идолу Невоздержанности. Много таких странных историй случалось на земле, но они были слишком презираемы. Все же этого не следует делать, потому что ни одно подобное явление не случается без того, чтобы ему уделили великое внимание. Отсюда, их не следует презирать. Нет нужды писать об этом здесь больше.

Существует еще истинная история о нимфе, жене фон Штауфенберга, которая сидела у дороги во всей своей красе и служила господину, которого она выбрала. Совершенно верно, что для богословов такое существо — дьявольский дух, но, определенно, не для истинных богословов. Какое иное указание есть в Писании более значимое, чем погружать все в зрелое понимание и суждение, исследовать все вещи и не отвергать ничего без предварительного исследования. Становится вполне очевидным, что они имеют малое понимание этих существ. Короче, они именуют их дьяволами, хотя знают весьма мало о самом дьяволе.

Вы должны знать, что Бог позволяет случаться таким чудесам не для того, чтобы переженить нас всех на нимфах или чтобы мы жили с ними, но с целью показать странные деяния Божественных творений и чтобы мы увидели результат Его труда. Если бы это было дело дьявола, им можно было бы пренебречь, но это не так, ибо он не способен сделать такое, один лишь Бог способен.

Наша нимфа была водной женщиной. Она обещала выйти за фон Штауфенберга и также пребывала с ним, пока он не женился на другой женщине и стал принимать ее за дьявола. Принимая ее за дьявола и считая ее таковой, он женился на другой женщине и, таким образом, нарушил данное ей обещание. Вот почему во время свадебного пира она дала ему знак через потолок, и тремя днями позже он был мертв.

Требуется великая опытность, чтобы рассудить подобные дела, ибо нарушение обета никогда не остается без кары, какова бы она ни была, чтобы поддержать честь и порядочность и воспрепятствовать другому злу и греху. Если бы она была духом, откуда бы она обрела плоть и кровь? Если бы она была дьяволом, куда бы она спрятала дьявольские отметины, которые всегда сопутствуют его делам? Если это был дух, зачем ему понадобилось бы такое существование? Она была женщиной и нимфой, как мы уже описали их, женщиной чести, а не бесчестия, и вот почему она желала сохра-

нить обязанности и преданность. Как только они не были соблюдены, она сама, по Божественному предопределению, наказала прелюбодея. Ибо никакой судья не вынес бы приговора по ее иску, так как она не была от Адама. Так Бог даровал ей (возможность свершить) возмездие, соответствующее прелюбодеянию, и позволил ей быть самой судьей после того, как мир отверг ее как духа или дьявола. Случалось много больше подобных вещей, которые оставлены в небрежении людьми, что плохо само по себе и является знаком великой тупости.

Нам следует равным образом уделить большое внимание Мелюзине, ибо и она была не тем, чем ее считали богословы, а нимфой. Однако это правда, что она была одержима злым духом, от которого она бы избавилась, если бы осталась до конца со своим мужем. Ибо таков дьявол, который изменяет этих существ в иные обличия так же, как он поступает с ведьмами, превращая их в кошек, вурдалаков, собак и прочих. Это случилось и с ней, ибо она никогда не была свободна от колдовства, но прини-

мала в нем участие. Ей приходилось становиться змеей по субботам. Это было ее обязательство перед дьяволом за то, что он помогал ей заполучить мужчину. Иначе говоря, она была нимфой с плотью и кровью, плодовитой и хорошо сложенной для того, чтобы иметь детей. Она пришла из мира нимф к людям на землю и жила там. Но из-за того, что суеверие соблазняет и досаждает всем существам, она ушла от своего племени в суеверном убеждении, в места, куда приходят совращенные люди, охваченные суеверными предрассудками и околдованные. Имейте в виду, что она оставалась той же самой змеей до конца своей жизни, и один Бог знает, как долго продолжалась ее жизнь.

Таким образом, эти существа являются нам предостережениями, чтобы дать нам понять, что мы на земле и что странными путями дьявол орудует нами и преследует нас в любом уголке света. Ничто не скрыто от него, ни в глубинах моря, ни в центре земли, где он проводит время. Но, где бы мы ни находились,

там есть и Бог, который воздает повсюду тем, кто принадлежит Ему. Однако глупо считать таких женщин духами или дьяволами на основании таких случаев и потому, что они не от Адама. Это недооценка творений Божиих — считать, что они отвержены лишь потому, что содержат суеверия. Ведь еще больше суеверий у Римской церкви, чем у всех этих женщин и ведьм. И, таким образом, это может быть предостережением, что если суеверие превращает человека в змею, оно также может превратить его в дьявола. То есть, если это случается с нимфами, это также случается с вами в Римской церкви. То есть вы тоже будете превращены в таких змей, вы, которые ныне миловидны и красивы, украшенные большими венцами и драгоценностями. В конце концов вы станете змеей и драконом, как Мелюзина и другие из ее рода.

Поэтому обдумайте такие вещи тщательно и не будьте слепы со зрячими глазами и немы со здоровыми языками, особенно с тех пор,

как вы не позволяете, чтобы вас именовали немыми и слепыми.

Трактат 5
О великанах (гигантах)

Далее, вы должны знать, что есть еще два вида, которые относятся к видам нимф и пигмеев, а именно — вид великанов и вид карликов, которые не рождены от Адама. Хотя это факт, что святой Христофор был великаном, все же он получил рождение от человеческого семени, поэтому мы не станем писать о нем. Но мы напишем о других великанах, о которых есть упоминания в историях Берна, Зигенотта, Хильбранта, Диттриха и прочих, а также о карлике Лаурине и других. Эти истории нередко отвергаются, но вы должны знать, что те самые люди, которые отвергают их, отвергают и гораздо более важные истины. Они разрушают слово Христа и выпячивают самих себя. Они имеют много больше права прене-

брегать вещами, которые случались в этой области знания, но их неверие все то же самое.

Великаны слишком сильны и слишком странны для нас. Они превыше нас, и поэтому мы склонны отрицать их существование и считать их духами. То же самое мы желаем проделать с Христом. Он также слишком силен для нас. И мы склонны поступить с ним, как с великанами, так, чтобы не иметь никого, кто мог бы противостоять нам, или никого, кого нам следовало бы бояться.

Начало богословия — это просвещение человека. Он должен быть просвещенным во всех делах природы и должен познать их. Раз уж он имеет суждение об этих предметах, он не может воспринять Христа и Писание легко. Но, по необходимости врожденного света, он должен оценить их выше и истолковать их шире, чем другие, которые не видят ничего, кроме букв. Вот почему слепые люди не должны прикасаться к Писанию, но только те, кто вырос при свете человека. Остальные склонны становиться соблазнителями и еретиками. Вот

почему изучайте и исследуйте опытным путем все, что подлежит изучению и опыту. А не ныряйте в Писание, совершая насилие над тем, что кажется недостоверным для ваших неопытных мозгов.

Итак, вы должны иметь знание об этих двух видах, великанах и карликах. Великаны происходят от лесного племени, а карлики — от земных человечков. Они уроды, подобно сиренам, происходящим от нимф. Так рождаются эти существа. И хотя это случается редко, все же это случается столь часто и при таких чудесных обстоятельствах, что их существование хорошо известно и запоминается. Великаны и карлики странные по размерам и по силе. Нечего сказать об их сходстве с видом родителей, потому что они не походят на свой вид, но суть уроды вне вида, из которого они произошли. И все же они не были рождены напрасно, но по Божественному повелению, чтобы означить нечто, и эта значимость не мала, но велика. Отсюда следует, что достойно описания их происхождение, почему Бог дал им родиться от

людей, по каким причинам. Нет необходимости обсуждать это здесь, когда мое намерение лишь приоткрыть происхождение всех этих творений.

Нам придется рассказать, как странно и непривычно они выглядят, об историях и деяниях, что они совершили на земле. А также о том, как уроды, которых Бог создал с определенной целью, вымерли на земле без наследников своих тела и крови, так что как великаны, так и карлики исчезли и вымерли.

Во-первых, мы должны написать об их душе то, что мы можем выяснить на этот счет. Родители, от которых они были рождены, не имеют души, все же они человечны, как уже было сказано. Эти существа рождены от зверей, которые человечны. Из этого следует, что они не унаследовали души от своих родителей. Они монстры вдобавок, и это особенность их природы. Из этих двух аргументов следует, что у них нет души, вопреки тому факту, что они нередко совершали добрые дела, были преданы друг другу и обладали качествами, обыкновенно связываемыми с душой. Но точно так

же, как попугай может говорить, и обезьяна может подражать человеку, и еще случаются многие подобные вещи, их врожденная природа в равной мере способна совершать и составлять такие вещи. Но то, что они должны иметь душу, невозможно заключить из этих фактов. Лишь Бог может наделить душой кого ни пожелает, может также дать душу этим племенам, как Он сделал для других.

Мы упоминали о союзе между человеком и Богом, и о подобном союзе между нимфами и мужчинами. И все же они не были рождены ради души, но ради творения, в котором Бог признается самым дивным в своих творениях; не то, чтобы Бог хотел, дабы души были у великанов, раз уж один человек подобен другому в царствии Божьем. Вот почему я по-прежнему считаю их зверьми, чья душа мне не известна. И хотя они также совершили добрые дела, все же я не могу почувствовать, чтобы они искали спасения; в это было бы трудно поверить, но, скорее, они действовали как умные животные. Поистине, если бы лиса или волк

могли говорить, они бы не стали совершенно иными. Должно допускать в значительной мере возможность природного разумения, что не служит той цели, которой служит тот, у кого есть душа.

Лесное, то есть воздушное племя, производит великанов, когда они сходятся вместе для сношений, точно так же как конъюнкция звезд производит комету, землетрясение или подобные происшествия. Когда такой урод должен родиться, он рождается, не следуя течению естества, но вопреки этим правилам, по особому Божественному провидению. Нет необходимости писать здесь об этом. Итак, это лесное племя соединяется вместе и рождает уродов, но мы должны описать, каким образом и как. Это невозможно понять иначе, как Божественные дело и волю, которые могут быть объяснены только по аналогии с астрономией, когда мы вспомним кометы и сотворение вещей, которые суть не закономерное течение естества, но которые все же сотворены Создателем, такие как землетрясения и подобные происше-

ствия. Они приходят и затем не являются долгое время. Также мы должны понимать и великанов. Они произведены тем же путем, созвездием, которое среди людей, а не на небесах, ибо небеса никак не связаны с сотворением монстров, таких, как эти. Люди не касаются небес в их созвездии, хотя все они живут под небом и их судьбы определяются им, но они имеют тело и другую среду обитания. Вот почему небеса не могут повлиять на них, ибо они не сочетаются. Но если вы можете понять естественный ход небес, вы сможете понять также и отдельное явление, его подъем, смерть и падение. Каждый должен знать, что, если среди нас рожден особенно высокий или очень маленький человек, это не должно быть приписано небесам, но собственному течению естества. Нет необходимости писать здесь об этом.

О карликах вы должны знать, что они рождены от земных человечков в горах. Отсюда следует, что они не так высоки, как великаны, но в той же пропорции меньше, в какой земной народец меньше лесного племени. Они та-

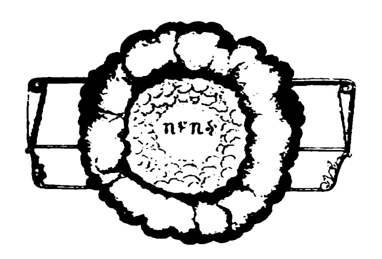
кие же уроды, как и великаны, а их рождение должно понимать таким же самым образом.

Так что мы должны высоко оценить слова Иоанна Крестителя, который сказал евреям: «И не думайте говорить сами себе, что так как вы дети Авраама, то можете противостоять Богу и оказывать открытое неповиновение Ему, как если бы вы были не Его собственный народ, а Он был бы ничем, если бы Он не смог создать других людей. Ибо я говорю вам, что Бог способен произвести людей из этих камней». Это следует также понимать в том смысле, что, хотя мы от Адама, все же есть племена, которые не от Адама, такие как великаны и карлики, которые крупнее и сильнее нас. Это также означает, что, если вы не будете исполнять честно свое дело, Бог может искоренить вас и оставить всех вас высыхать подобно плодам на дереве и создать после этого другое племя. Если ему было возможно сотворить Адама и его детей из глины, также возможно для Него сотворить другие племена без глины, таких как нимф, великанов и другие подобные, и насе-

лить, и поддерживать свой мир ими. Так, они являются предупреждением, что мы не единственные и не можем осилить Бога. Если Он может сотворить одну вещь, Он также может создать и другую. Если Он может создать человека высотой в семь стоп, Он также может сделать его высотой в двадцать или тридцать стоп. Это очевидно в случае с великанами и подобными существами, что все они являются предостережениями, чтобы заставить нас осознать, что Бог — Господь, который может создавать вещи и наделять существо душой одним лишь Своим дыханием.

Приближаясь к заключению главы, скажу вам: знайте, что такие люди, как великаны и карлики, могут сделать женщин от Адама беременными, потому что подобное стремится к подобному, и природа может это позволить. Но все же вы должны знать, что уроды бесплодны, хотя они монстры только в отношении их силы и размера; но сложены неплохо. Но им доступно только одно семя, то есть они не достигают третьего, четвертого и дальней-

ших поколений. Знайте также, что, когда они сходятся с человеческим видом, результат неясен. Если ребенок телом выйдет в мать, он попадет в ее вид; если нет, он становится зверем подобно отцу. Невозможно ему стать смешанным существом потому, что семя одного из двух всегда возобладает. Иначе выходит, что оба становятся единым семенем, но не в данном случае. И если это было одно семя, оно должно быть приписано одному из партнеров, тому, кто дает душу. В других философских трактатах сказано больше об этом предмете, и нет необходимости пересказывать это здесь. Их вид, однако, вымер и они не оставили потомков, чтобы заместить их место. Кометы подобным образом не оставляют семени после себя, но приходят и уходят по временам вперед и назад, а по временам снизу вверх, совершенно внезапно, и затем исчезают.

Трактат 6
О причинах подобных существ

Теперь, когда нам следует поразмыслить в терминах натурфилософии о причинах этих существ, мы должны помнить факты, все положения, многие из которых обсуждались в предыдущих трактатах. Нам нет нужды повторять их здесь снова. Следующие причины, которые могут быть исследованы, таковы: Бог приставил опекунов к природе для всех вещей, и Он не оставил ничего без присмотра. Так, гномы, пигмеи и маны* присматривают за сокровищами земли, металлами и подобными богатствами. Там, где они, есть огромные сокровища в величайшем количестве. Они оберегаются этим

* Маны — древнеримские божества загробного мира. Первоначально — обожествленные души предков, в честь которых в дни поминовения приносились жертвы. На могилы родичей приносились угощения и цветы. Маны, в отличие от лемуров, считались благими божествами, но и перед ними испытывали благоговейный страх. Маны также считались хранителями гробниц.

племенем, хранятся скрытыми и потаенными так, что их невозможно отыскать до тех пор, пока не пришло время для этого. Когда они обнаруживаются, люди говорят: «В стародавние времена были здесь горные человечки, земляной народец, но теперь они ушли». Это означает, что теперь пришло время открыть местонахождение сокровища. Сокровища земли распределены таким образом, что металлы (серебро, золото, железо и проч.) обнаруживались от начала мира и до сих пор обнаруживаются время от времени. Они оберегаются и охраняются этими людьми так, чтобы они не были обнаружены все сразу, но одно за другим, время от времени, ныне в этой стране, завтра — в другой. Поэтому копи перемещаются с течением времени из страны в страну и распределяются от первого дня до последнего. То же самое приложимо и к огненному племени. Они также являются опекунами очагов, в которых они живут. В этих местах те сокровища, которые оберегаются другими, плавятся, обрабатываются и доводятся до готовнос-

ти. Когда огонь иссякает, попечение переходит к земным человечкам. А после охраны земного народца сокровища открываются. То же самое и с воздушным племенем. Они оберегают камни, созданные огненным племенем, которые лежат на поверхности, и, помещенные на то место, которому они принадлежат, попадают в руки людей. Они оберегают их, пока не пришло время. И где бы ни были сокровища, такие племена всегда поблизости. Это спрятанные сокровища, которые еще не должны быть открыты. Раз уж они опекуны подобных вещей, мы можем хорошо понять, что такие охранники не наделены душой, но все же подобны людям и похожи на людей.

Нимфы в воде — хранительницы великих водных сокровищ, которые лежат в море и прочих водах, которые также были выплавлены и выкованы огненным племенем. Поэтому общепринято, что где есть нимфы, там находятся значительные сокровища и минералы и подобные предметы, которые они оберегают. Это очевидно во всех отношениях.

Побудительная причина существования сирен, великанов, карликов, а также блуждающих огоньков, которые суть уроды огненного племени, та, что они предвещают и предсказывают нечто новое. Они не несут охраны, но означают, что неудача грозит людям.

Так, когда видны блуждающие огоньки, это означает неминуемый упадок страны, то есть обыкновенно знаменует разрушение монархии и подобные вещи.

Так и великаны означают неминуемое великое разрушение страны и земли или некое иное, столь же великое бедствие.

Карлики означают великую нищету среди многих частей народа.

Сирены знаменуют падение князей и господ, возникновение религиозных сект или фракционных раздоров.

Ибо Бог хочет, чтобы мы были одной сущности. То, что противится этому, он разбивает. А когда этому суждено случиться, являются знамения. Эти существа — такие знамения, как уже было сказано, но не только они одни;

есть еще много больше. Вы должны знать, что такие знамения все время изменяются. Они не являются одним и тем же путем, но скрыты от наших глаз.

И, наконец, последняя причина нам не известна. Но когда приблизится конец света, тогда все вещи будут открыты, от малейшей до величайшей, от первой и до последней. Чем каждая вещь была и что она есть, почему она стояла там и почему исчезла, по каким причинам, и каково было ее значение. И все, что есть в мире, будет разоблачено и выйдет на свет.

Тогда лжеученые будут разоблачены, те, кто высокообразованны лишь по званию, но ничего не знают по опыту. Тогда истинные ученые и те, которые лишь болтуны, будут распознаны, каковы они на самом деле, те, кто писал правдиво и те, кто торговал ложью, глубокие и мелкие умы. И каждому будет отмерено согласно его усердию, честному намерению и правдивости. В том месте не всякий будет или останется магистром или даже доктором, потому что там будут отделены плевелы от зерна и от-

руби от пшеницы. Тот, кто ныне громко вопиет, будет утешен, а тот, кто ныне пересчитывает страницы, лишен будет своих перьев для письма. И все вещи откроются до наступления дня Страшного Суда, повелевая, чтобы это было обнаружено обо всех ученых, от прошлого до того самого дня — кто обладал знанием, а кто нет, чьи писания были правильны, а чьи неверны. Ныне, в мое время, это еще неизвестно. В те дни будут благословенны те люди, чей разум будет открыт, ибо то, что они произвели на свет, будет открыто всему народу, как если бы это было написано у них на лбу.

Я также выношу свои писания на суд в то время и прошу, чтобы ничто не было утаено. Так это будет, ибо Бог даст свету проявиться, то есть каждый увидит, как он сиял.

От переводчика

Мы не знаем точно, в какое время Парацельс написал свой трактат «О Нимфах, Сильфах, Пигмеях и Саламандрах». Похоже, это произошло в последние годы его жизни, когда он писал и другие философские и теологические книги.

Это очень непритязательный трактат по сравнению с такими книгами, как «Philosophia sagax». Временами он написан в стиле, который напоминает нам сказки. И все же он дает прекрасную картину философских и теологических взглядов Парацельса.

Как и другие богословские труды, трактат о нимфах, сильфах, пигмеях и саламандрах не был опубликован при жизни Парацельса. Он был впервые напечатан в 1566 г. как отдельная книга. А в 1567 г. он включен в собрание его философских трудов, которое позднее было переведено на латинский язык и опубликовано в 1569 г.

Эпоха рационализма многое сделала для уничтожения веры в духи стихий. Но они продолжали жить в народных сказках и оставались излюбленным сюжетом поэтов и писателей, которые нередко пользовались и трактатом Парацельса.

В XIX в. этот трактат был еще несколько раз напечатан, дважды на немецком и один раз на итальянском языках. Это был период романтизма и расцвета готического романа.

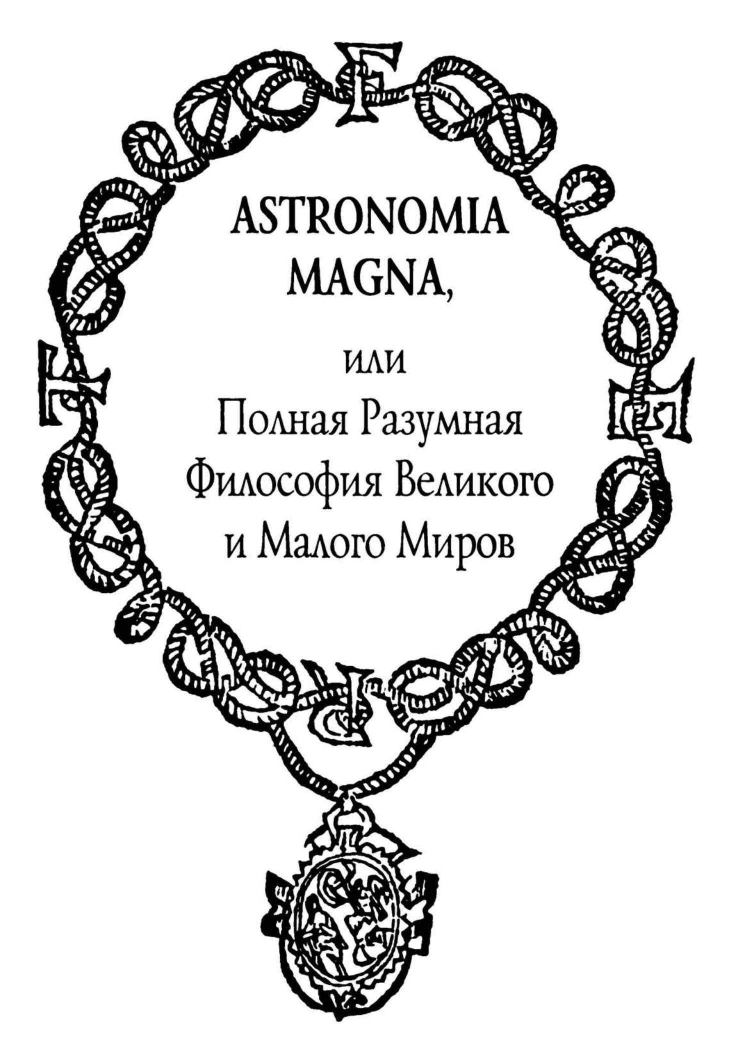
В первой половине XX в. Жан Жироду воздал должное Парацельсу в предисловии к своей «Ундине». А Генри Сигерист закончил свое предисловие к переводу этого трактата, опубликованному в 1941 г., такими словами:

«История духов стихий в религии, теологии, философии, литературе и искусствах до сих пор ждет своего писателя. Это увлекательная тема, а ее исследование проиллюстрирует историю всей цивилизации с многих углов зрения. В такой истории Парацельс непременно займет важное место. Его трактат не только представляет предмет в новом свете, но также приоткрывает завесу над личностью самого автора, его подходом к природе как ученого и как мистика. Это также свидетельство его глубокого почтения и любви ко всем объектам природы».

Он мог бы сказать вместе с Леонардо да Винчи:

«L'amore и tanto più fervente, quanto la cognizione и più certa». — «Чем пламеннее Любовь, тем более отчетливо познание».

ASTRONOMIA MAGNA,

или

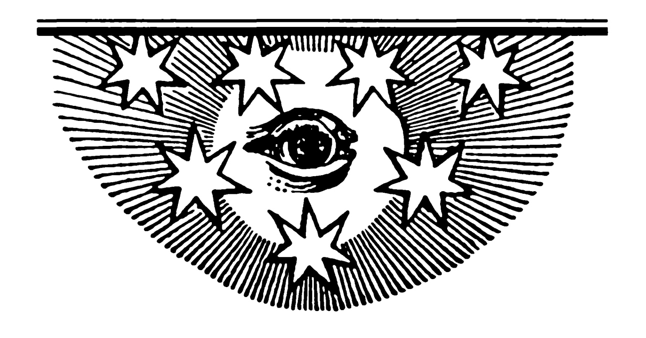
Полная Разумная Философия Великого и Малого Миров

ВЕЛИКАЯ АСТРОНОМИЯ,

или

Полная Разумная Философия
Великого и Малого Миров
(1537—1538)

Предисловие

Разумная философия описывает религию всех творений в полноте ее и классифицирует ее основоположения и искусства. Дабы понять их правильно, необходимо уметь различать их разновидности. Хотя прочие философии не упоминают об этой классификации, пренебрегать ею не следует. Прежде всего, она разумна, ибо Господь ниспослал людям Природу и Искусства посредством небес, потому как небеса — это свет Природы. Кроме того, она еще и полезна, ибо все полезные искусства проистекают из нее. Краеугольным

камнем великого искусства медицины является искусство астрономии, от которой следуют все болезни человека, здоровье его и смерть его. И всякий, кто будет помнить об этом,— не ошибется. Ибо целителя, не понимающего астрономии, нельзя назвать подлинным целителем, потому как более чем половина всех болезней обусловливаема небесами. Более того, это разумное искусство не исчерпываемо астрономией, но имеет также касательство к вечной мудрости.

Заметь также, что искусство астрономии позволяет уразуметь врожденные тайны сердца, а также добра и зла в природе человеческой. Причина сему в том, что человек сотворен из Великого Мира и в нем имеет свою природу. И поскольку есть одна природа человеческая, происходящая от земли, и другая, что проистекает от небес, необходимо рассказать, в чем суть каждой из них.

Я подробнейшим образом объясню, что все, в чем человек подвержен свету Природы, происходит от звезд. Все естественные науки и му-

дрость человеческая даны нам от звезд; звезды — учитель наш, и мы — ученики его. Господь повелевает всем в мире Природы, а нам у нее должно учиться. Лжепророки этой науке вредят, а лжецелители появляются из-за пренебрежения ее сутью. Они не понимают ни учения Природы, ни Господнего учения, и не понимают, почему одно вечно, а другое преходяще. Они не понимают и себя, потому что предположение и мышление наукою разделены со знанием и умением: а потому астрономия учит с великою разумностью тому, как все на свете является и преходит. И все, что есть вечного,— познается от Бога, а все преходящее — познается через небеса.

Дабы это предисловие не было чрезмерно долгим, следует сказать тебе, что многие притязают на то, чтоб зваться астрономами: они ищут многословия, но крохотной жемчужины истины не находят. А теперь я вкратце расскажу тебе об искусстве астрономии в девяти частях; и кто поймет их правильно, тот станет астрономом. И как я уже говорил, для начала

я должен описать все роды искусств, чтобы понятно стало, что астрономия всем им — мать.

Хорошее врачевание, хорошая философия, справедливость, вечная мудрость, свет Природный — все это основой своей имеет астрономию. То же справедливо относительно религии. И ни в одной науке нельзя достичь совершенства без астрономии. И когда мы правильно поймем свет Природный, сможем лучше мы уразуметь и все дела Господни по отношению к человеку.

Посмотрите, друзья мои, сколько тупости и глупости в тех ученых людях, которые разбираются лишь в своем деле. Астролог отвергает магию, прорицания, чтение знаков, *Artes incertae*; он признает лишь изготовителя своих инструментов. Но маг отвергает астролога, изготовителя инструментов и чтеца знаков. А чтец знаков презирает остальные шесть искусств. И прорицатель не говорит ничего об иных, кроме своего. Некромант не знаком с

положениями прочих наук. А практикующий *Artes incertae* считает лучшим лишь себя. Изготовитель инструментов использует свои инструменты и мало вникает во все прочее. Вот почему необходимо привести все науки в должный порядок, чтобы суть каждой стала ясна вполне.

В Боге — лишь один наш путь, одна наука, одно учение, один обычай, одна сущность. Но в свете Природном путей много: для мастерства, для наук, для различных способностей и религий. Каждая наука должна быть познана целиком: астрологу следует знать свое искусство, магу — свое, прорицатель, некромант, чтец знаков, практикующий *Artes incertae*, изготовитель инструментов — все они должны разбираться в своих искусствах подобным же образом. Но велик лишь тот, кто охватил умом все семейство наук как единое целое, собрав их все вместе. Ему понятны чудеса Господни и способен он распознавать *магналии* (божественные деяния в Природе) и иметь с ними дело.

Два вида мудрости есть в этом мире — одна из них вечна, а другая преходяща. Вечная мудрость проистекает непосредственно от света Духа Святого, другая же — прямо от света Природы. Та, что происходит от света Духа Святого, бывает одного лишь рода — а именно мудрость праведная и безупречная. Та же, что происходит от света Природы, бывает двух родов — добрая и злая. Добрая мудрость причастна Вечности, злая — проклятию.

Разве не великое это сокровище для человека — способность отличать вечную мудрость от преходящей, поскольку человек есть образ Господень, и понимать, что смертное ничтожно по сравнению с вечным. Следовательно, нужно всегда искать соответствия этому образу и знать, как различить добрую и злую разновидности преходящей мудрости. Так человек сможет принять зло или добро, и так он уразумеет, что служит злу и куда следует добро. И из этой мудрости сможет он получить толь-

ко доброе, а злое отвергнуть. Ибо не мудрость тобою повелевает, но сам ты повелеваешь собою.

Как можно свет Отца нашего осуждать как языческий и меня считать за язычника, когда я — христианин и живу во свете Христовом, древнем и новом? Ведь если Отец и Сын есть одно, как я смогу восхвалять два света? Я стану тогда идолопоклонником. Но первый из них защищает меня. И поскольку возлюбил я обоих, и каждый наделяет меня светом своим, как предписано Господом всем нам, то как могу быть я язычником? Я знаю точно, что свет Природы — не вечен, но я должен обрести жизнь вечную через вечный свет. Но могут ли свет смертной души и вечный свет не слиться воедино? Тело и душа — одно. Можно ли не жить этими двумя светами, когда Господь сделал так, чтоб было у человека две сущности, природная и вечная, до тех пор, пока не объединятся они при воскресении? Таким образом, природная сущность человека предназначена для земли, а вечная — для царства Божия. Напи-

сал я сие как христианин, и не язычник я, а немец.

Два тела есть у человека: одно от земли, другое от звезд — таким образом они легко различаемы. Стихийное, материальное тело умирает вместе со своей сущностью; *сидерическое**, тонкое тело распадается постепенно и возвращается к своему истоку; а дух Божий в нас, сотворенный по Его Образу, возвращается к Тому, Чьим подобием он является. А значит, каждая часть умирает так же, как была она создана, и конец свой находит соответственным образом.

Христос и Его апостолы пророчествовали о грядущем народов, а астроном пророчествует о грядущем Природы. В этом большое различие; запомните это, естествоиспытатели и богословы. Ибо то, что Богом напророчено, — сбывается, и никак этого нельзя предотвратить. А что астроном напророчит — может

* *Сидерический* — звездный (от *лат.* sidus — звезда; род. падеж — sideris).

сбудется, а может и нет. Ибо пророчество — из одного источника, а астрономия — из другого. Истинное знание сущности человека может быть достигнуто только на основе человеческой жизни; и не может быть обретено из каких-то других источников.

Мировая махина из двух частей состоит: одной, осязаемой и воспринимаемой, и другой, невидимой и неощутимой. Осязаемая часть — это тело, неосязаемая — звезды. Осязаемая часть, в свою очередь, состоит из трех частей: Серы, Ртути и Соли; неосязаемая — также из трех: чувства, мудрости и искусства. Две части вместе составляют жизнь.

Все творенья в этом мире созданы таким образом; и все творенья подразделяются на эти два рода: чувственные и бесчувственные. Чувственные творенья двух видов бывают: разумные и неразумные — но и те и другие — животной природы. Люди умом своим понимают, что им следует делать и когда, у них есть суждения, в то время как звери — неразумны.

Все живое управляемо звездами — люди по-человечьи, а звери по-звериному.

Человеческий разум, выражаемый в искусствах, мудрости и расположении духа, направляется звездами, а сущность звериной природы — просто в еде состоит и в питье. Звериная природа происходит от звезд, а человек свои преходящие мудрость, разум и искусства также от звезд обретает; и все, что от света Природы получается, только через свет Природный может быть изучено, исключая один лишь только образ Господа нашего, который есть субъект духа, данного Богом человеку. Дух наставляет человека в сверхъестественном и вечном, а после разделения своего с веществом он возвращается к Творцу. Ибо дан он человеку только в качестве наставника для просвещения касательно всего вечного.

Свет Природы в человеке происходит от звезд, а плоть его и кровь — от материальных стихий. Потому два воздействия есть на человека. Первое — свет небесный, просвещающий естественную мудрость, разум и искусства. Все

они — дети одного отца. Второе влияние исходит от вещества и включает в себя вожделение, питание и питье, и все, что имеет отношение к плоти и крови. Следовательно, нельзя приписывать звездам того, что порождается плотью и кровью. Ибо никого не делают небеса алчным или похотливым. От звезд нам достаются только мудрость, наука и разум. От небес — все наши способности, все науки, все умения, вся мудрость, весь разум, равно как и глупость и все, что с ней связано; ибо нет в человеке ничего, что не было излито на него светом Природы. Но все, что присутствует в свете Природном, есть субъект воздействия звезд. Звезды — это школа наша, где должно нам учиться.

Если б не было Венеры, никогда бы не была изобретена музыка, а если б не было Марса, никогда бы не были изобретены ремесла. Потому как звезды учат нас всем искусствам, какие есть на земле; и если бы звезды не воздействовали на нас и мы вынуждены были бы все делать сами, ни одно искусство не возникло бы.

Подобно тому, как созвездия на небе добавлялись со времен Адама до наших дней, так и новые искусства возникают от года к году. И не только искусства, но также все войны, все правительства и все, что нашим разумом производимо, направляемо звездами и ныне, и во все времена. И если бы все музыканты и ремесленники умерли, этот их учитель остался бы и всегда бы мог новых обучить.

Не все звезды завершили уже свои деяния и запечатлели свои воздействия. Значит изобретение искусств также еще не подошло к своему концу. И по этой причине тому, кто изобрел нечто новое или берется исследовать какую-либо неизвестную область, не следует от этого удерживаться. Должно заботиться о тех, кто каждый день ищет нечто новое и каждый же день находит нечто новое, в какой бы области это ни было, — в естественной ли мудрости, в искусствах ли или в обычаях. Ибо небеса ответственны за это. И значит новые учения, новые искусства, новые порядки, новые болезни, новые лекарства отсюда происходят, ибо не-

беса в постоянном деянии находятся. А человеку остается решать, какие из этих вещей ему следует воспринять, а от каких — воздержаться.

Ибо древние совершенствовали исследовательский дух (в отношении света Природного) и понимали, что небеса были матерью всякой человеческой мудрости, от коей получали они превеликую пользу для науки и искусств своих. Знания и науки, так обретенные, по всеобщему признанию — ограниченны и преходящи. Однако сие есть божественный дар познания света Природы. Потому, еще до рождества Христова, мир уже обладал научным знанием. Но человек вырождается, и теперь развивает он вымыслы, порожденные его воображением: лжемудрость, лжеискусства и лжемедицину, ничего общего со светом Природным не имеющие. Во времена Христа так поступали фарисеи и книжники, и из-за их глупости астрономия была забыта.

Христос учил вечной мудрости, и чудеса Его превосходили свет Природы; искусства магии, прорицания и другие разновидности астроно-

мии были поэтому преданы забвению, как светило меньшее. Люди подумали, что лучше следовать Христу, чем Природе, что лучше быть апостолом, чем магом, и лучше быть пророком, чем астрономом. Потому Дионисий Ареопагит отрекся от астрономии в Афинах и последовал по пути святого Павла.

Но логика вмешалась, дабы погасить и свет Природы, и свет мудрости, и введена была чуждая доктрина, забвению предававшая оба вида мудрости. Перед явлением Христа люди принялись гасить свет вечного и свет Природы и затемнять свое учение. Но Христос и ученики Его ничего у света Природы не отнимали; то были фарисеи старой закваски, они переходили из школы в школу и все размышляли, желая победить силу Природы. Они не следовали ни Христу, ни свету Природному. Они — мертвецы, мертвых хоронящие; нет в их деле жизни, ибо нет света, у которого они чему-либо научиться могут,— как бы ни желали они поступать сами, будто природный и вечный света вместе. Потому свет Природы, а также тот, что

исходит от Духа Святого, были ими подавляемы и пренебрегаемы.

Природный разум и вечная мудрость вместе составляют пару. Природный разум может быть без вечной мудрости, когда языческим путем идет и к Вечному отношения не имеет. Но не может вечный разум быть без природной мудрости, ибо должно человеку находить вечное в природном. Следовательно, тот, кто в Господе пребывает, тот и разум природный, и вечную мудрость имеет своими водителями во всех делах.

Ибо Священное Писание являет собой начало всей философии и естественной науки; без начала этого вся философия была бы используема и применяема напрасно. Следовательно, если философ не исходит из теологии, не имеет он той опоры, на которой его философия основываться будет. Ибо истина происхождение свое имеет из теологии и без ее помощи открыта быть не может.

Человек не из ничего сотворен был, но создан был из субстанции. Писаниями доказы-

вается, что взял Господь *limus terrae* (первичное вещество земли) и сделал человека из этой массы. Далее ими доказывается, что человек есть зола, пыль и земля; и это достаточное доказательство того, что человек был создан из *примордиальной субстанции*. Ибо пыль эта — *limus terrae*. Но *limus terrae* — это также Мир Великий, а значит человек был сотворен из небес и земли, то есть из верхнего и нижнего творений. *Limus terrae* — экстракт тверди небесной и стихий.

После того, как Бог создал все творенья, стихии и звезды в соответствии с волей Своей, в конце концов, создал Он человека и сделал это следующим образом: взял от каждой из четырех стихий и выделил из звезд сущность мудрости и наук. А затем Он смешал обе натуры, элементальную и астральную, с *массой*, известной в Писании как *limus terrae*. Так из массы получилось два тела: сидерическое (астральное) и элементальное (стихийное). И составляют они, соответственно свету Природы, *квинтэссенцию*, то есть пятую сущность; а это значит, что

масса — экстрагирована, а твердь небес и стихии сведены в одно. Из чего следует, что все, что было извлечено из четырех элементов, вместе создает пятый, и четыре пятому служат матерью. Более того, пятая сущность есть основа и сердцевина всех сущностей и свойств этого мира; длань Господня правит всею Природой, добродетелями, свойствами и сущностями верхнего и нижнего миров и человека по образу Божиему и подобию из всего этого создала.

Пятая сущность извлечена была из двух тел и сведена в одном, дабы образовать человека. То есть человек получает мудрость небесную, разум, искусства и тому подобное от звезд, а плоть и кровь — от стихий. Следовательно, человек есть пятая сущность, микрокосм и дитя всего мира, потому что он был создан Господом как экстракт всего творенья. Значит, человек подобен звездам и в то же время — стихиям, из коих он сотворен. И поскольку он содержит все свои свойства в себе самом, Великий Мир напитывает его мудростью, разумом,

едою и питьем, как свою собственную плоть и кровь, таким чудесным образом рожденную.

Мудрец — это тот, кто живет божественной мудростью, являет собою образ Того, по чьему подобию сотворен. Мудрец управляет обоими телами — *сидерическим* и *элементальным*. Человек должен использовать оба, идти путем каждого из них, дабы исполнять закон Божий и жить в гармонии с Природой, волей Господней и божественным духом. И не должен он ни предпочитать смертное тело и его умения вечному образу, ни отвергать этот образ ради животной плоти, ни принимать мудрость животного тела за вечную святость. Мудрец живет в соответствии с образом Божиим, а не мирскими обычаями. А тот, кто живет в соответствии с образом Божиим, покорит звезды.

Подобно тому, как человек происходит от Великого Мира и нераздельно связан с ним, так и женщина сотворена из мужчины и отделена от него быть не может. Ибо, если бы Ева была создана каким-либо другим образом, а не из тела Адамова, взаимное желание никогда бы между

ними не возникло. Но поскольку они есть единая плоть и единая кровь, не возможно для них друг друга избегнуть.

Воля Господня такова, что семя человеческое не в элементальное тело должно быть посажено, но в тело женщины; что Его образ должен быть через нее представлен и через нее рожден, а не через посредство творения извне. А еще женщина также по-своему представляет собой область земли и от последней нисколько не отлична. Она ее восстанавливает, и, говоря иными словами, она есть поле, земля и сад, в котором дитя садится и растится, и в человека вырастает.

Господь сотворяет дом; человек также может построить его. Руки и стопы Господни — в слове Его, а у человека это конечности. Один человек может лечить другого с помощью лекарств, которые должны воздействовать на больного через телесное посредство врачевателя; Господь же осуществляет это одним словом своим, не используя ни рук, ни ног. Человек ходит ногами, а дух ходит без ног. Господь пожелал, чтоб росли на земле деревья и всевозможные

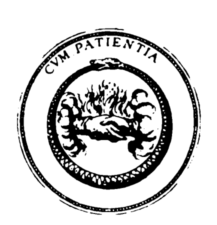
фрукты и чтоб были на свете твари всех видов. Подобным же образом Он пожелал, чтобы все искусства — музыка, механика, ремесла, религиозные учения, — которые сотворил он во тверди небесной, должны найти свое воплощение в реальности. И воплощаются они в людях таким же образом, как плоды вызревают на деревьях. Ибо звезды для своего действия нуждаются в средстве, и это средство — человек и лишь он один. Человек был сотворен таким, чтоб через него *магналии* Природы приобрели видимую форму, в которой мы их воспринимаем.

Бог движим такою сильною любовью, что создал микрокосм, чтоб открыть человеку через труд его не только тайны звезд, но и все природные загадки стихий. И без человека всех их бы не было. И желает Господь, чтобы все, что невидимо, видимым стало. И оттого, что повелел так Господь, не должен человек бездействовать и пребывать в праздности и в покое, но должен ежедневно познавать тайны Природы. Затем Бог сотворил человека, чтоб невидимые труды Его через него видимо воплотились. И не хочет

Бог, чтоб тайны Его были просто видимы, но такова воля Его, чтоб явлены они были и постигнуты только трудами человека, а последний сотворен был, дабы сделать их видимыми. Потому Христа, в коем никто не признал второго лица Троицы, все считали человеком, ибо кто Он воистину — видно не было. Ибо человек есть открыватель того, что во всех вещах скрыто. И по отношению к самому человеку все так же происходит, потому как то, что есть «человек»,— скрыто и никто не видит, что в нем, за исключением одних лишь деяний его. Следовательно, должно человеку постоянно трудиться, дабы открыть, что дано ему Богом. Нам также следует выявлять то, что Им в нас вложено до тех пор, пока неверующие не увидят, что Бога можно достичь через человека.

Разница в форме и очертании между двумя телами, видимым и невидимым, материальным и вечным, так же велика, как и между их природами. Они — как супружеская пара: едины во плоти, но двояки по природе своей. И поскольку это так, присутствует в человеке проти-

воречие. А именно то, что у звезд — иной разум, иной настрой, иное намерение, нежели у низших стихий; и, с другой стороны, у этих стихий разум и настрой тоже не такие, как у звезд. Например: элементальный, материальный человек хочет жить в роскоши и разврате; астральное, эфирное тело хочет учиться, заниматься искусствами и так далее. В результате возникает в самом человеке противоречие. Видимое, материальное тело одного хочет, а невидимое, эфирное тело хочет другого, и не похожи они одно на другое. А потому есть в каждом из тел побуждение превзойти данное ему, и ни одно из них не желает держаться середины и соблюдать меру; и возникает между ними вражда. Ибо все, что превосходит свою меру, ведет к разрушению.

Сколько есть разновидностей астрономии, каковы их движение и порядок, и как их вместе с их родами распознать можно, и как эти роды подразделяются на виды

Поскольку пытаюсь я описать влияния, соответствия и преимущества внешнего по отношению к человеку, полезно будет разделить их на фигуры. Очень важно понимать различия между этими четырьмя фигурами и то, как одна от другой происходит; и здесь будет дано тебе простейшее и яснейшее объяснение всех следующих проявлений. И дана будет фигура, которая покажет, что астрономия состоит из родов. И фигура, которая описывает составляющие каждый род виды, давая отдельное объяснение влияниям, родам их и видам, дабы философия была правильно понята и изучена самым основательным образом.

Фигура первая. Есть четыре категории в астрономии, и ни одна на другую не похожа. Но

поскольку их действие подобно, все они справедливо именуются влияниями. Из фигуры видно, как эти четыре влияния объединяются, соответствуют, впечатляют и воздействуют на человека, каждое сообразно своей природе и свойству.

Вот четыре категории астрономии:

Natural
Supera
Olympi Novi
Inferorum

Естественная астрономия

Эта астрономия является с небес и создана Богом-Отцом; это наука предназначена и дана микрокосму, сотворенному из *limus terrae*.

Supera

Эта астрономия имеет место на небесах и дана всем, кто восстанет вновь из мертвых. Ее исток во Христе, Им она осуществляется, пользуется и управляется.

Olympi Novi

Эта астрономия имеет свое происхождение в вере: всего, чего небеса природные ни соделяли бы, эта астрономия достигает верою; и дана она верующим и ими же практикуема и проявляема.

Inferorum

Эта астрономия происходит от небес природных, однако используется одними лишь демоническими духами, ибо они — природные астрономы, способные разновидности этой астрономии проявлять сами собою и через людей самым ловким образом.

Фигура вторая показывает, что астрономия бывает четырех разновидностей, и каждая обладает своим порядком и устройством, и ни одна из них на другую не похожа, но все они в конечном итоге одним путем следуют. Далее, есть в астрономии девять родов, которые могут служить для человека науками. Также в астрономии есть четыре науки, а каждая из них состоит

из девяти частей; и хотя части эти сходны друг с другом в разных науках, используются они в каждом случае по-разному.

Четыре разновидности астрономии подразделяется на девять родов, и каждый из этих видов используется соответственным образом. Вот составные части четырех разновидностей астрономии, и ни больше их не может быть, ни меньше, и через них все разновидности астрономии практикуются:

Magia
Nigromantia
Nectromantia
Astrologia
Signatum
Artes incertae
Medicina Adepta
Philosophia Adepta
Mathematica Adepta

Фигура третья. Кроме того, есть еще подразделение на виды, и каждый род из ряда видов складывается.

Magia

1. Описание сверхъестественных звезд
2. Перенос одного живого тела в другое
3. Создание знаков и других благословений
4. Создание *Gamaheu* и наделение их силой
5. Картины и то, как они создаются
6. Кабалистика и Кабала вместе с их силами

Nigromantia

1. Сидерический и элементальный духи, и как распознать их после смерти
2. Как управлять этими духами
3. Как направлять природные *Метеорические Воздействия*
4. Как навредить человеку, не вредя его телу
5. Как делать вещи невидимыми и как этим пользоваться

Nectromantia:

1. *Visiones Speculare*
2. *Ars Berillistica*
3. *Thesaurinella*
4. *Abstracta retrahere*
5. *Abscondita invenire*
6. *Adech Plumbeus*
7. *Virgulta directa*
8. *Adech Somnialis*
9. *Ars Lucis*
10. *Superstitio indirecta*
11. *Artes transversae*
12. *Carbonis Speculum*
13. *Scientiae perversae*
14. *Ars literata*

Astrologia

1. *Summus Motor*
2. *Stellarum Cursus*
3. *Firmamenti Natura*
4. *Astorum Operatic*
5. *Conceptionem declarare*

6. Concordantia cum Elementi
7. Coelorum Proprietates
8. Prognosticationes Tempestatum
9. Prognosticationes Temporales
10. Prognosticationes Indiciales
11. Prognosticationes Accidentales
12. Prognosticationes Medicae
13. Novae generationis ventura

Signatum

I

Chiromantia Venarum
Chiromantia Manuum
Chiromantia Pedum
Chiromantia Linkarum

II

Physionomia Faciei
Physionomia Naris
Physionomia Oris
Physionomia Aurium
Physionomia Menti

Physionomia Colli
Physionomia Buccarum
Physionomia Frontis
Physionomia Oculi

III

Substantina Capitis
Substantina Colli
Substantina Pectoris
Substantina Ventris
Substantina Pudicitae
Substantina Dorsi
Substantina Juncturarum
Substantina Cannarum

IV

Moos и *Usus Contraria*
Moos и *Usus Liberalitas*
Moos и *Usus Tristitia*
Moos и *Usus Gaudium*
Moos и *Usus Phantasia*
Moos и *Usus Vires*
Moos и *Usus Animus*

Moos и Usus Cor
Moos и Usus Jngenium

Artes incertae

I

Geomantia
Cretina
Arramentina
Taxillata
Sortina
Artes Casu

II

Pyromantia Flaminis
Pyromantia Noctilucis
Pyromantia Zundena
Pyromantia Lucis
Pyromantia Carbonum
Pyromantia Stellarum

III

Hydromantia Lotialis
Hydromantia Undae

Hydromantia Pluviarum
Hydromantia Nubeculae
Hydromantia Fluminis
Hydromantia Roris
Hydromantia Nebulae

IV

Haomantia Borealis
Haomantia Australis
Haomantia Zephyria
Haomantia Eurona
Haomantia Fulgurina
Haomantia Tonitruata
Haomantia Tempestatum
Haomantia Flata

Medicina Adepta

I

Morborum Coelestium cognitio
Physica Coelestis
Chirurgia Coelestis
Chirurgia Pestifera

Chirurgia Chronca
Inulatia vel Immutatio

II

Morborum
Coelestium coelestis cura
Herbata
Nata
Geminina
Incorporata lignea
Metallina constellata

Philosophia Adepta

I

Coelestium virium in Elementis
и *Elementatis cognitio*
Gladialis
Autoritatis
Portiva
Incusina

II

Coelestium virium in Elementis
и *Elementatis Scientia componendi*
Vulneraria
Sanaria
Doctrinata
Scientena
Saprientina
Inventuata

Mathematica Adepta

I

Geometria
Terrena
Spaerae
Plana
Indirecta
Concava
Spacii

II

Cosmographia Infera
Supera

Concordiae
Peregrina

III

Allgoritmus
Tabularum
Olympi
Globuli
Fructuum

IV

Instrumentorum praeparatio
Stellarum diversarum
Terrarum universalium

V

Numerus

VI

Linea

VII

Mensura

VIII

Circulus

Если хочет кто достичь в астрономии совершенства, то должен тот понять эти виды и научиться распознавать их. А объяснение родов астрономии и составляющих их видов следует далее.

Объяснение *magia* и ее видов: магия бывает шести видов. Начинается она с объяснения неприродных знаков и того, как можно распознать их сверхъестественным путем в небесах, а также путем естественным, как в случае со звездою Вифлеемскою. Звезда эта светила среди всех прочих звезд, когда Христос явился на земле человеком среди людей. Звезды распознаваемы одними лишь магами, подобно тому как и Христа узнали лишь особенные люди. Так, маги — это толкователи сверхъестественных знаков в небесах, а апостолы служили толкователями слов Христовых. А также маги являются толкователями пророчеств и апокалиптического откровения. Эти виды магического искусства зовутся *magica insignis*.

Есть еще вид магии, известный еще во времена Моисеевы, и занимается он трансформацией одного тела в другое. Действие его подобно тому, как Христос осуществил трансфигурацию и воссиял, как солнце. Именно так следует понимать этот вид магии, и зовется он *magica transfigurativa*.

Третий вид магии учит тому, как получить слова, способные призывать силы небес. Вот пример: эта магия с помощью слов способна делать все, что умеет врач, излечивающий больных с помощью лекарств. Этот вид зовется *characteralis*.

Четвертый вид учит тому, как создавать камеи и самоцветы, способные делать все, что можно совершить естественным путем. Например, ключом открывают замок, мечом наносят раны, латы защищают от ударов и стрел; а четвертый вид магии может невидимо совершать то, что в Природе делается видимым образом. Этот вид зовется *gamaheos*.

Пятый вид учит создавать картины, способные вызывать то, что изображено на них. И все,

что можно сделать естественным путем, осуществимо и с помощью магии: и, подобно тому, как Природа способна вызвать сильную боль, паралич, слепоту или бессилие, а может и вернуть человеку здоровье, так же и магия всего этого может добиться. А зовется такая магия *altera in alteram*.

С помощью магии можно также услышать голос с того берега Океана; и тот, кто на Западе, может магическим путем поговорить с тем, кто на Востоке. И если Природа позволяет нам слышать голос с расстояния в тысячу шагов, то магия дает нам возможность услышать его с расстояния в сто немецких миль. И подобно тому, как Природа позволяет гонцу или иному всаднику проехать некоторый путь за месяц, эта разновидность магии сделает так, чтоб он преодолел его за день. А для чего Природа потребует потратить целый год — магия то сделает за месяц. И зовется этот вид — *ars cabalistica*.

Вот такие шесть видов у магического искусства.

Объяснение *nigromantia* и ее видов: *нигромантия* бывает пяти видов.

Во-первых, после смерти человека на земле остаются два смертных духа: элементальный и сидерический. Всякий, кто уразумеет их, а также постигнет их свойства, природу и поведение — овладел первым видом нигромантии, имя которому *cognito mortalem*.

А кто сумеет этих духов подчинить, — тот овладел вторым видом нигромантии. Распоряжаться ими, будто они слуги, возможно, и такая нигромантия именуется *tortura noctis*.

Третий вид имеет дело с духами, что рождены на небесах и парят в хаосе, пока не умрут и не возродятся снова.

А кто научится использовать этих духов, подобно тому как врач пользуется травами, тот овладел третьим видом нигромантии, название которому — *meteorica vivens*.

А если человек способен нанести другому рану, не разверзая его плоти, или умеет вытащить рыбу из воды, не пронзив водной поверхности или, не прикоснувшись к воде, положить в нее

что-либо, то это значит, что овладел он четвертым видом нигромантии. И может он извлечь из тела что-либо, а может и что-то вложить в него. А называется этот вид *clausura nigromantica*.

Тот же, кто знает, как сделать видимое тело невидимым и скрыть его от взоров, подобно тому как скрывает человека ночная тьма,— тот овладел пятым видом нигромантии, который зовется *obcaecatio nigromantica*.

Объяснение *nectromantia* и ее видов: *нектромантия* бывает четырнадцати видов.

Первый из них зовется *visiones*, и понять его поможет следующий пример: у хозяина есть слуга, которому поверяет он все свои тайны. Так вот, если кто пожелает эти тайны раскрыть, а хозяин о них сказать не захочет, то нужно узнать их от слуги. Подобным образом надобно понимать и нектромантию — как искусство выведывать тайны людские. Может человеку казаться, будто он сам по себе, однако во всех наших словах и делах присутствует нечто, чего

увидеть нельзя. И посвящено оно во все тайны человека и зовется оно *flaga*. Кто сумеет покорить его и сделать послушным своей воле, как слуга бывает послушен своему господину, тот овладел нектромантией.

И хотя много у нектромантии видов, все они делятся на две группы. Те, что в первую входят, занимаются тем, как сделать *flaga* видимым, а те, что ко второй относятся, — тем, как заставить их невидимо выполнять волю нектроманта. И это есть искусство выведывать тайны людей, насколько это возможно делать, не проникая в их сердца. Вот пример тому: все, что бы один человек ни поверил другому в виде тайны, и все, что бы он ни совершил телесно,— станет явным. И сие следует из того, что всему, что говорится или совершается, *flaga* является свидетелем, и нектромант его понять способен.

А далее последует объяснение того, как понять *flaga*. Можно его подстрекнуть или принудить открыть тайну таким же образом, как мы бы это сделали с посвященным в чьи-либо

тайны. Подчинить себе *flaga* и сделать его видимым можно с помощью зеркала, стекла и угля. Также это можно сделать незаметно, указав пальцем. Так можно разыскать спрятанные сокровища; так можно обнаружить то, что кем-то было скрыто; так можно вернуть потерянное. И кто сумеет подчинить *flaga* своей воле, дабы открыть чьи-либо тайны или найти нечто, кем-либо спрятанное,— тот может практиковать нектромантию, а сам он —хороший нектромант.

Всего, чего нельзя достичь миром, можно добиться силою. А потому нектромантия — это искусство поступать и ласково, и грубо. Ибо как простой человек подчиняется императору и его мечу, так и *flaga* можно заставить проявиться с помощью зеркал, стекол, угля и ногтей; также можно принудить их давать указания, используя волшебную палочку, свинец, камень и прочее. А еще можно открывать тайны, гася свечи.

Объяснение *astrologia* и ее видов: *астрология* бывает тринадцати видов.

Уразуметь, что есть астрология и кто такой астролог, можно из следующего примера. Подобно тому, как все мы понимаем, что люди ходят по земле, кто туда, кто сюда, кто ровно, а кто прихрамывая, таким же образом некто может понять движение звезд; и этот некто — астролог.

Однако астрологу нужно знать еще одну вещь — цель этого движения, подобно тому как посылающий гонца с каким-либо поручением точно знает, в чем это поручение заключается. И как мы понимаем, какую вещь изготовит некий мастер, так астролог должен знать, что и какая звезда предполагает совершить. И тот, кто понимает это, — тот лучше овладел астрологией, нежели тот, кто знает лишь только, как звезды в небе передвигаются.

Также полезно знать, на что звезды способны, а чего они сделать не могут. Ибо много вещей человек начинает, но до конца довести не может. Следует понимать, что звезды в небесах также, подобно людям, оставляют многие свои дела без завершения. Ибо и звезды,

и люди подобные друг другу способности имеют. И кто знает о делах людей, тот знает и об их намерениях и о том, что может быть совершено, а чего до конца довести нельзя. Достоинство астрологии — в подобном же знании, ибо понимает астролог *summum motorem* — *высочайший движитель* — и знает, что вся природа находится в руках его. Он также знает, что не может изменять небеса, как это делает *высочайший движитель*. И следует астрологу знать природу и сущность звезд, их характер и свойства подобно тому, как врачу надлежит знать природу пациента, и соответствия звезд друг другу, а также отношения их с людьми, животными, четырьмя стихиями и всем, что из стихий происходит и произрастает. Тот, кто во всем этом сведущ,— имеет основания говорить об астрологии.

Надлежит тебе знать также, что астролог должен уметь найти в небесах свой путь при помощи естественного разума, равно как философ или врач решают, как им поступать при помощи вещей этого мира, от стихий происхо-

дящих. Однако не следует астрологу переоценивать свое искусство и доверять ему более, чем приличествует узнику в темнице. Ибо узник также обладает всеми человеческими качествами, однако не имеет возможности проявить их, и не может он делать все, чего захочет. Так же и с небесами: они находятся и порабощены высочайшим движителем, а его намерения остаются астрологу неведомы.

Хотя астрология и является родом астрономии, высочайший движитель может ее искусству препятствовать, способствовать или же изменять его. Но тот, кто знает и понимает естественные свойства звезд, коих рука высочайшего движителя не коснулась, — есть астролог и может практиковать астрологию.

Объяснение *signatum* и его видов: *сигнатум* (чтение знаков) бывает четырех видов. Нет на свете ничего, что Природою не было бы обозначено так, чтобы человек этот знак не прочитал и не уразумел бы его сущность. Например, звезды движутся в небе и этими своими движениями известны; подобное и для человека спра-

ведливо, за исключением лишь одного того, что у звезд есть неподвижные траектории, по которым их передвижение проследить можно. И как движение звезд, так и пути людей всегда бывают некоего определенного рода. Убедись сам: каждому растению придана форма, соответствующая его внутренней природе. И так же, как по внешнему виду можем мы судить о том, что это за растение, так и о человеке можем мы судить по ряду знаков. И не идет здесь речь об имени, половой принадлежности или иных подобных характеристиках, но о свойствах, внутренне человеку присущих.

Искусство чтения знаков учит нас истинным именам всех вещей, соответственным присущей им природе. Волка нельзя называть овцой, а голубя не следует именовать лисицей; и всякое творенье должно называться именем, подходящим ему по сути.

При помощи четырех видов *signatum* Природа являет нам все свои тайны, в человеке заложенные. И поскольку нет ничего скрытого или тайного, что не могло бы стать явным, все

дело заключается в том, чтобы найти вещи, с помощью которых это тайное проявится. И следует отсюда, что хиромантии признаки таких тайн известны, и потому понимает она, каким образом природа человеческая сообразна бывает линиям и жилкам. Можно знаки и на лице человеческом читать, ибо также лицо форму свою получает в соответствии с разумом и душою. То же справедливо и в отношении пропорций человеческого тела. Таким образом астрономия этого рода всякую душу описать может. Ибо ваятель мироздания столь искусен, что не душу приспособил Он к телу, но тело к душе; а потому форма, приданная человеку, соответствует обычаям его сердца.

Природа — словно художник, который, завершив картину, должен ее подписать, ибо картина сама по себе никак не обозначена и подобна тени бессильной. И недостает живым твореньям могущества их Творца. И чем более искусен художник, тем важнее для него владеть искусством обозначения. Основы этого искусства заключены в трех его видах. А четвертый каса-

ется привычек и поведения человека, и, кто познает его, — тот превосходнейший среди знатоков *signatum*.

Объяснение *artes incertae*: их бывает четыре.

Эти искусства практикуются давно, и пришли они к нам от древних. Они сродни магии и всячески почитаемы, и, чем древнее искусство, тем большего почтения оно заслуживает. Хотя искусство запятнать нельзя, человека и душу его — можно, и от самого человека здесь многое зависит. Я называю их *artes incertae* — *искусствами неопределенными*, хотя в древние времена были все они определены.

Эти искусства являют собой шестой род астрономии и дело имеют с великими и удивительными тайнами, уяснить которые можно быстрее, нежели те, которые относятся к другим родам.

Основы их перемешаны, будто жребии. Звезды и стихии способны воздействие свое оказывать через посредство человеческих рук и ног таким образом, что всякий человек оказывается пророком света природного. Одни

пророчества устами произносятся, иные передаются жестами, иные — знаками, а прочие — картинами, фигурами и всяческими другими способами. Поскольку человек обладает такой способностью к прорицанию, он может овладеть этими *неопределенными искусствами*.

Хотя *геомантия* имя свое от земли получила, *гидромантия* — от воды, а *хаомантия* — от воздуха, основа каждой из них не в этих указанных стихиях, но во внутренней способности человека к предсказанию. И подобно тому, как Господь волю свою являл через многих людей, и великих, и простых, когда Сын Его странствовал по земле как обыкновенный человек и обычных же людей выбрал своими апостолами, и простые люди становились тогда пророками, и великие чудеса случались через подобную простоту, точно таким же образом люди могут пророчествовать, овладев искусствами *геомантии*, *пиромантии*, *гидромантии* и *хаомантии*. И зависит такая возможность от того, обладает ли человек прорицательскими способностями.

Практикующий эти неопределенные искусства должен уметь выбирать подходящий момент.

А вот в чем заключаются эти указанные нами виды: геомант имеет дело с мелом, игральными костями, пожеланиями и вопросами; пиромант созерцает огонь; в воде предзнаменования читаются по волнам, пене и пузырям; а в воздухе видеть можно по направлению ветра и по тому, дует прямо он или вихреобразно.

Объяснение *Medicina Adepta*: бывает она двух видов.

Медицина Искусная — это медицина, происхождение которой — на небесах. Есть две разновидности у медицины и две разновидности есть у болезней: бывают они небесные и стихийные. Кто познает небесные заболевания и их лечение — тот может практиковать *Медицину Искусную*.

В этом роде астрономии выделяется два вида: звездная физика и звездная хирургия. Физика эта допускает, что нет ничего, что не

могло бы заболеть, и что звезды тоже больны бывают. И поскольку звезды нас питают, мы становимся как они.

Звездную хирургию следует понимать подобным же образом. Ибо звезды могут ранить так же, как это делают мечом, но не режут, как обычный меч, но отверзают тело сообразно своему небесному клинку.

Такие болезни и лечатся соответственным способом, ибо элементальная медицина здесь совершенно бессильна. Лекарства здесь происходят от звезд, так же как обычные лекарства происходят от земли, но есть между ними различие. Элементальная медицина и действие ее телесны и осязаемы; а небесная медицина бестелесна, независима, отдельна и чиста и не нуждается она в алхимии для того, чтоб отделить чистое от нечистого, либо же экстрагировать квинтэссенцию из четырех элементов. Для этой медицины не нужны ни снадобья, ни ингредиенты, но воздействует она на пациента прямо и непосредственно.

Тот, кто постигнет болезни небесного происхождения и научится излечивать их небесною медициной, — зовется *medicus adeptus*.

Эта медицина разумная и всей медицинской науки половину составляет. Ибо небеса соединяются с телом таким образом, что заражение может перемещаться из невидимого царства в царство видимое, однако видимое на невидимое влияния никакого не имеет.

Объяснение *Philosophia Adepta*: бывает она двух видов.

Все на земле имеют небесные качества в дополнение к тем, которые получаемы от стихий. *Философ Искусный* способен различать в земных предметах их небесные качества. Подобно тому как обычный философ описывает естественные качества растений, так Философ Искусный описывает небесные. И нельзя их понять с помощью алхимии, ибо действенна она только в том, что касается стихий. Потому как все, что алхимиком расщепляется, сразу свои небесные свойства теряет. И дабы свойство

небесное сохранило свою действенность, никакого расщепления производить нельзя.

Следует также знать тебе, что *Философ Искусный* должен быть осведомлен об особенном искусстве *композиции*. И подобно тому как смешиваются друг с другом всевозможные разновидности земных веществ, так можно смешивать и *сидерические арканы*. Могут они смешиваться небесным образом, как если бы существовали они сотворенные материально.

Заметь, что при помощи этих небесных качеств можно изготовить нож или меч, способный рассечь наковальню надвое и резать любой металл так, как будто это воск. Такое искусство именуется *gladialis*, или *incusiva*. И как элементальным искусством можно заставить меч резать дерево, так астральным искусством можно заставить его резать железо.

Узнай также, что, подобно тому как в Природе бывают обыкновенные ключи, которыми замки открывают, у Философов Искусных бывают ключи невидимые. Ибо то, чего стихии достигают через телесное, звезды добиваются

самой своей сущностью. И в этом заключается *philosophia autoritatis*, а также *philosophia portiva*, и занимаются они переносом сущностей в элементальное тело.

Как смог ты убедиться, раны могут исцеляться естественным путем при помощи элементальной медицины, и следует тебе также знать, что лечение может осуществляться астрально, и всякая болезнь может быть излечена каждым из этих способов. Именно так следует понимать небесные науки *vulnerari* и *sanaria*.

Заметь также, что *Philosophia Adepta* — нечто большее, нежели доктрина и наука. Понимать это надлежит следующим образом: подобно тому, как ученик учится у своего учителя, так и человек должен научаться Философии Искусной у небесных своих наставников. Учение это составляет вид, именуемый *doctrinata*, а наука — это вид, известный как *scientena*. И все, чему один человек у другого способен научиться, от звезд возможно познать основательней, большего при этом понимания добиться. Так следует понимать вид, который зовется *sapi-*

entena. Возможно еще открывать новые науки, и получаются они также от звезд, и этот вид называется *inventuata*. И должно этих открытий искать, где бы они ни были, и все новые и новые совершать, и это — верный путь к совершенству человека во свете Природном.

Объяснение *Mathematica Adepta*: бывает она восьми видов.

Восемь вышеописанных родов астрономии невозможны без инструментов; а математика есть искусство, которое учит, как изготавливать такие инструменты. Так, есть соответствующая математика для магии, нигромантии, нектромантии, астрологии, чтения знаков, неопределенных искусств, медицины искусной и философии искусной.

Прежде всего, есть три вида, необходимых для подготовки инструментов. Первый из них — это *геометрия*, и состоит она из частей: геометрии, занимающейся измерением земли и отсюда инструменты производящей; геометрии небес, занимающейся имитацией небес в других телах, подобно тому, как художник имитирует

живые цвета. Геометрия учит всему, что плоско, гладко, пусто, близко или далеко.

Подобна ей *космография*, которая бывает двух видов,— небесная и элементальная, и с ее помощью можно установить, что есть и какое оно. Так, если видим мы растение или птицу, то знаем мы, что они есть и каковы они. Знать также должно космографию стихий и звезд. А еще есть космография *concordiae*, и учит она, как виды космографии к гармонии привести, каждое растение — к своей звезде, а каждую звезду — к своему растению. А есть также еще и космография *peregrina*, которая учит, как распознавать *мобилии*. Вот как следует понимать космографическую математику.

Существует еще *математика алгоритмов*, которая не только учит, как вычислять формы, тела и фигуры, но и тому, как искусство арифметики со всеми его особенностями, числом, линией и мерой может использоваться в различных геометриях и космографиях. А также тому, что математика *circuli*, во всех ее видах, от круга происходит. И знай также, что универсальная

математика — первоначало остальных восьми родов астрономии, и чем лучше ее уразумеешь, тем действенней будут остальные.

Уясни теперь, что девять родов астрономии и их виды разъяснены достаточно и что эти девять родов, девять искусств, девять наук практикуются вне царства стихий, но образом столь же естественным, что и в искусстве элементальном. И подобно тому, как мастер свое дело делает телесно, так же разные вещи могут происходить и духовным образом. И как можно говорить о том, что кузнечное и другие ремесла осуществляемы и представимы естественно, так же можно сказать и о том, что разновидности астрономии тоже практикуемы естественным образом.

И как можно человека назвать природным телом, так существуют и природные духи. И что бы ни было содеяно во плоти и крови, будет это естественно, а все, что дух совершит,— также будет естественно. И всякое творенье выполняет ту задачу, ради которой было оно создано. И бывает деяние во плоти и крови, а

бывает и другое — в духе. И что плоть и кровь совершат — то естественно, и что дух совершит — то тоже естественно, и что стихии совершат — естественно, и что звезды совершат — тоже естественно. Стихии ведут себя так, как должно стихиям, а небеса — так, как небесам. И всякий, кто учен и опытен в том, что касается стихий, — может философствовать элементально. А кто учен и опытен в том, что касается небес,— тот может философствовать по-небесному.

И все эти девять родов астрономии являются искусствами, а значит практиковаться они могут одними лишь людьми. И потому есть человеческое искусство магии, человеческое искусство нигромантии и остальные. А теперь заметь, что существуют и еще десять родов астрономии, которые не есть человеческие искусства, но эфирные. И это потому, что небеса сами являют собой астронома и способны практиковать их без помощи человека. И человек — свидетель того, на что небеса способны сами по себе.

Каковы эти десять родов и их виды, можно без труда уяснить из особой фигуры, здесь приведенной. Так три предыдущие фигуры предназначались для уразумения способностей человека, а следующая ниже — для уразумения способностей небес.

Фигура четвертая
Figura Scientiarum Astronomiae

1. *Divinatio:* *Somnus*
Phantasia
Speculatio
Animus
Sensus
Vox

2. *Augurium:* *Volatilium*
Quadrupedum
Aquaticorum
Vermium
Figurarum
Monstrorum

3. *Ebriecatum:* *Mania*
Phrenesis
Phantasmata
Imaginatio
Immutatio

4. *Inclinatio:* *In Carnem*
in Animum
in Spiritum
in Doctrinam
in Mechanicam
in Habilitatem

5. *Impressio:* *Conceptio*
Partus
Sanitas
Aegritudo
Mores
Actus
Sapientia
Prudentia

6. *Generatio:Aquarum Crescencia*
Terrarum Crescencia
Ignis Crescencia
Aeris Tereniabin

7. *Inanimatum: Nympharum*
Gigantum
Lemurum
Gnomorum
Sylvestrum
Vulcani
Umbraginum

8. *Meteorica: Pluviarum*
Roris
Pruinae
Fulgures
Tonitrui
Nivis
Grandinis
Glaciei

9. *Aegrorum:* *Tempestatum*
Ventorum
Alterationum
Innatae Prophetiae

10. *Novalia:* *In Pennatis*
in Brutis
in Piscibus
in Monstris
in Transversis
in Contrariis

Divinatio и его виды: знание о будущем — величайшая тайна на свете. Есть два способа узнать о будущем: первый из них — естественный, через предзнаменования и астрономические прогнозы, другой — сверхъестественный, через пророчества и предсказания. *Дивинация* есть род небесной астрономии, описывающий сверхъестественные способы прозревать будущее, и насчитывается таковых шесть: сны, видения, предположения, настроения, раздумья и голоса.

Чтобы было тебе легче понять дивинацию, приведу я несколько примеров.

Как правило, дивинации являются человеку столь незаметно, что на них не обращают внимания. Вот Иосиф, к примеру, открыл, кто были Мария и дитя ее, во сне. И поскольку снам не придают достаточного значения, в откровения, в них содержащиеся, не верят, хотя они на деле есть дивинации. События будущего могут также открыться через видения в форме образов или картин. В видениях можно столкнуться со странными фигурами небесными или с духами. Все это виды дивинации, но все насмехаются над ними, поскольку никто не знает, из какого источника они являются.

Измышляя предположения, мы думаем, как все повернуться может, но если так и случается, как мы предположили, и никаких других объяснений случившемуся нет, то предположениям этим все равно не слишком доверяют. А еще будущие события могут проявиться в чьем-либо настроении, и в конце концов так и случится. Можно о разных вещах часто ду-

мать и размышлять, и это тоже сбудется. А еще можно сказать, будто что-то случится, и все так и выйдет. Но поскольку таким явлениям нет объяснения, они всеми презираемы. А еще часто они происходят через посредство людей простых и скромных и оттого опять же презираемы.

Таким образом, дивинация — это деяние небес, являемое нам шестью перечисленными способами, и о нем должно помнить и нельзя презирать его. Ибо мудрец эти способы не презирает, но относится к ним мудро.

Augurium и его виды: природа этого рода астрономии также сверхъестественная, и он также дело имеет с предвосхищением будущих событий. *Авгурии* бывают шести видов, и, хотя кажутся они нелепыми, мудрецу не следует презирать их, но помнить, что Христос, явившись людям, также видом был прост и скромен, и люди насмехались над ним. И кто уразумел, что вещи неприметные презираемы быть не должны, но судить о них должно мудро, тот постигнет и то, как познать Христа.

У насмешников понимания нет, а мудрые обретут его и поймут, что Господь дарует им.

Высочайший движитель ниспосылает нам авгурии через особые знаки, например, через птиц, а мудрец умеет отличать среди них те, что касаются людей. Чума, война и смертоубийства часто таким образом предсказываемы бывают. Животные тоже могут почувствовать что-то необычное, и для человека это будет предзнаменованием. Можно увидеть авгурии и в поведении рыб в воде, а также в червях, деревянных фигурах и камнях. А еще птицы, звери, рыбы, черви и даже люди иногда рождают на свет уродов, и это предзнаменование будущих бедствий для человека.

Ebriecatum и его виды: этот род астрономии занимается случаями, когда человек свой обычный разум теряет, а приобретает чуждый. Ибо бывает разум двух видов: человеческий и чуждый. Господь дает человеку разум человеческий, дабы жил человек правильно и все окружающее осознавал, соразмерял и понимал. А с чуждым разумом не может человек пони-

мать все правильно, но летает туда-сюда, как тростинка на зыби водной. Чуждый разум — это дух непостоянства, все он перемешивает и смущает. И вот тебе пример различия между двумя этими разновидностями разума. Может человек жить безупречно, в полном с человеческим своим разумом согласии, но выпьет он вина и станет пьяным, и тогда человеческого разума в нем поубавится, а чуждого — присовокупится. Пьяный не поступает разумно, но безумен он, невразумителен, своенравен и груб.

Так вот, в этом роде астрономии пять видов, которые являют собой способы войти человеку в состояние чуждого разума, как при опьянении. Ибо есть в небесах такие вина, что, кто их выпьет, разум обретает чуждый, безумный и непостижимый.

Первый вид зовется *ebriecata mania*, или *inebriata mania*, и в этом состоянии люди читают разные слова и понимают их необычно. Есть еще *inebriata phrenesis*, и в таком состоянии хочет человек со всеми на мечах сражаться. А *inebriata phantasmata* — это такой чуж-

дый разум, у которого свои есть обычаи и поступки. Есть также вид, именуемый *imaginatio inebriata*, когда человеку кажется, будто стены разговаривают, кровати кружатся, сам он себя не узнает. Пятый вид — это *immutatio*, и это когда идеи все и представления местами поменялись, а враги и друзья перемешались. И тогда сто человек могут собраться вместе, и все они будут думать по-разному, и идеи у каждого будут свои.

Inclinatio и его виды: *предрасположение*, четвертый род астрономии, имеет дело с тем, как звезды управляют человеком и влияют на него. Предпринимает что-либо звезда и хочет, чтобы человек об этом узнал. Но поскольку никто в непосредственной связи со звездами не состоит, звезда должна выбрать себе человека, как будто бы своего приемного сына.

Предрасположение такое получается шестью различными путями. Может оно произойти через тело и сделать человека людям особенно приятным и будет он всеми одобряем, а может

и наоборот, сделать его для людей особенно зловредным. Соломон, к примеру, был таким приемным сыном в отношении его личности. Может предрасположение осуществиться через настроение, и тогда человек превзойдет всех воодушевлением. Юлий Цезарь был таким приемным сыном в том, что касалось настроения.

А бывают также предрасположения, превозносящие дух, и человек тогда превосходит прочих в удачливости. Подобным приемным сыном был император Фридрих Барбаросса. Могут еще звезды являть через человека учение. Такими приемными сыновьями были Альберт Великий, Лактанций и Уиклиф. Звезды также способны предрасположить к некоему искусству или дать особый талант к ведению дел. Такими приемными сыновьями были Альбертус Дюрер из Нюрнберга и Фуггер из Аугсбурга. А шестой вид звезд дарует некую способность, в которой человек всех прочих превосходит. И приемные сыновья такого рода становятся, к примеру, канатоходцами.

Так четвертый род небесной астрономии и его виды соотносятся с влиянием небесных движений на тех людей, кто звездам будто бы приемными сыновьями становятся. И это зовется предрасположением, или *inclinatio*.

Impressio и его виды: восприятие явлено нам звездами и действует оно в одном лишь элементальном теле, а с астральным телом ничего общего не имеет. Подобно тому, как тело и цвет его всегда вместе, так и восприятие, и элементальное тело разделены быть не могут. Начинается восприятие при зачатии, а затем воплощается и изменяется вместе с телом. И как цвет тела меняется с течением времени, а черные, рыжие или светлые волосы становятся седыми, так и восприятие человеческое с возрастом меняется и трансформируется.

Восприятия человеческого тела есть *spiraculum vitae*, или дыхание жизни. Это дыхание жизни включает в себя два восприятия: Бога, что дарует человеку жизнь, и внутреннюю сущность самой жизни. Но есть и еще один

вдохновитель, воздействующий на эти два восприятия. И восприятие — не что иное, как вечное вдохновение, полученное при зачатии и рождении, и от этого восприятия следуют и здоровье, и болезни, и хорошие манеры, и поступки, и труды, и мудрость, и мышление.

Generatio и его виды: этот род состоит из четырех видов, соответствующих четырем элементам. *Порождение* есть послание, сообщаемое звездами человеку. Солнце дарит стихиям тепло, без него были бы все они мертвы. Солнце вдыхает в стихии жизнь. Элементы — это чрево, а небеса — родители; и дают они рождение всему, что порождаемо стихиями, и Солнце — это дыхание жизни.

Порождение означает, что элементы сами по себе, без звезд, ничего не могут, ибо элементы — это форма, Вулкан — это Солнце, а Природа — производитель. И семя лежит в форме, а не в творце, подобно тому, как яйцо лежит в курице, а не в петухе. Но чтобы цыпленок вылупился из яйца, нужен петух. Так, формы

содержат в себе семя, а действующая сила из звезд исходит.

Касательно порождения должно тебе знать, что все минералы, соли, металлы, самоцветы, камни и скалы порождаемы стихией Воды; Вода — их мать, и Солнце производит их из воды. Солнце также приготовляет и производит плоды из стихии Огня, и это все метеорические порождения: дождь, снег, ветер, гром и град. Все плоды стихии Земли: лес, травы лекарственные и обыкновенные, губки, цветы и прочее — все это производимо Солнцем и питаемо звездами и землею, каждое соответственным образом. То же верно и по отношению к плодам воздуха, таким как манна.

Inanimatum и его виды: этот род астрономии уразуметь труднее прочих. *Inanimatum* — это человек, у которого нет души, и бывают такие люди шести видов: нимфы, водяные существа; гиганты; лемуры, горные существа; гномы, воздушные существа; вулканы, огненные существа; и пигмеи. И как люди рождаются

на свет с душою, так есть и те, души у которых нет, по одному на каждый элемент, и еще двое, а именно гиганты и пигмеи. И подобно тому, как передвигаемся мы по земле, а не в земле, и по воде, а не в воде, и через огонь, а не в огне, и через воздух, а не в воздухе, так есть и люди, произведенные на свет элементами, и живут они в стихиях, а не ими и не через них, как феникс живет в огне, а крот — в земле. И рождены эти существа от семени небесного и элементального, и не созданы они из *limus terrae*. Сотворены они не были, а появились на свет самопроизвольно, как мухи из конского навоза.

Meteorica и ее виды: у этого рода астрономии много разных видов. И в действительности это *метеорика разумная*, а *не малая метеорика*. Дабы уразуметь тебе разницу между этими двумя разновидностями метеорики, должно тебе узнать, что малая метеорика имеет отношение к роду астрономии, известному как порождение, в то время как проявления разумной метеорики исходят из

возвышенного, подобного Олимпу дождя в форме тумана, и сущность их скорее духовная, нежели физическая. Они также вызывают гром и молнию, которые однако не ударяют в землю, но вызывают падение капель и камней. Разумная метеорика порождает кровь, металлы, драконов, сияния, видения, миражи, фигуры и тому подобное.

Aegrorum и его виды: небеса действуют поразному. Если дерево срубят в неблагоприятное для этого время, небеса возобладают над этим деревом, и все стороны небесные и их соединения будут видны в этом дереве, как детали видны в часах. Подобным же образом кусок глины, выкопанной из земли под определенным созвездием, способен породить сверчков, обладающих связью с этим созвездием, ибо будут они изменяться вместе с Луной. И если человек заболеет под воздействием небесной силы, то астролог может предсказать ее проявление. И сможет он сказать больше, чем сверчки в глине, личинки в сыре, чер-

ви в древесине и те люди, что стали пророками благодаря своим болезням.

Такие виды предсказаний касаются погоды: холодная она или теплая, легкая или тяжелая, долгая или короткая; и когда Луна молода или стара и тому подобных вещей. Природа позволяет нам постичь вещи через стихийные тела в небесах. Так можно узнать будущее ветров, и изменения климата. Это девятый род астральных наук.

Novalia и ее виды: по велению Господню одно порождает другое, и нравится Господу то, что все творенья хороши. Но может случиться так, что порядок этот нарушится, и получаются тогда уроды, но это единственные ошибки, какие бывают у Природы. И известно, что астральная природа может вызвать подобное.

Например, сотне человек можно дать задание, чтоб каждый нарисовал картину. И ни одна не будет подобна другой, однако лишь у того, кто хорошо умеет рисовать, картина получит-

ся хорошей, а остальные девяносто девять ничего хорошего сделать не смогут.

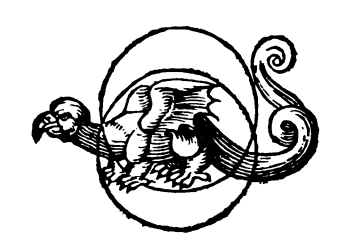
Подобным образом Природа упражняется в создании людей и других живых существ, и, поскольку чрезвычайно много всяких сил участвуют в создании человека, возможно, какая-либо из них подойдет к делу со своим образцом и все испортит. Это как на большом совете, где много народу и каждый хочет, чтобы все его послушали, и конечное решение будет тогда глупым и дурацким.

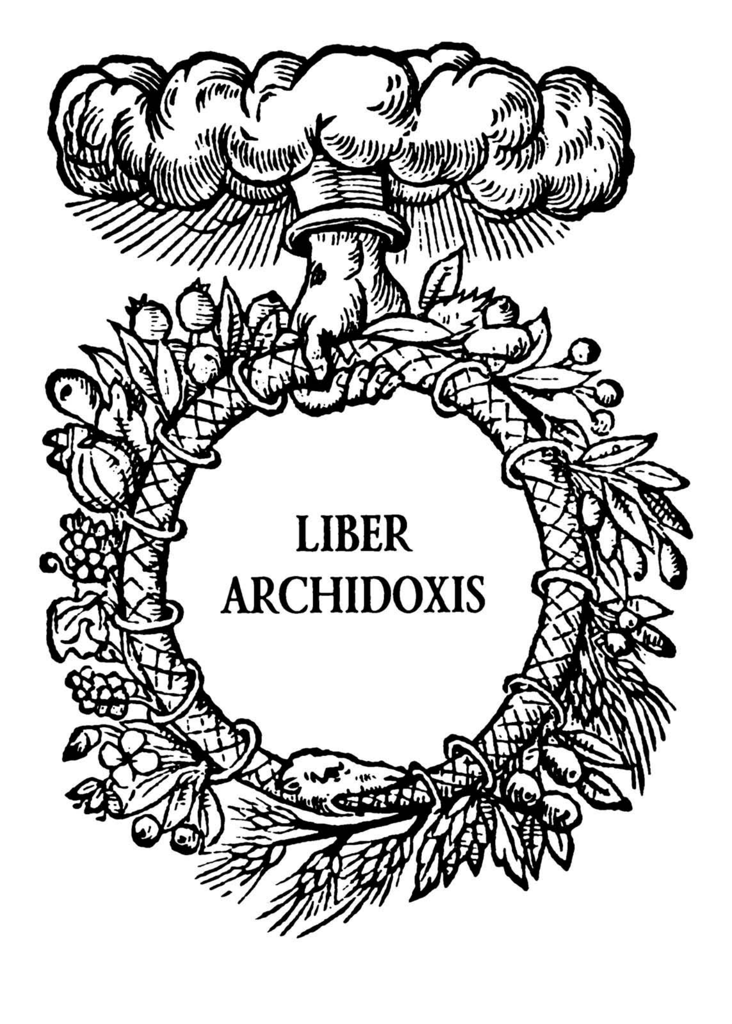
Так нужно понимать и природу, и свойства звезд, что не действуют они согласно, но могут произвести результат смешанный. И может это случиться и с телом человека, и с умом его, но и не только с людьми, а и с птицами, и со зверями, и с рыбами, и с деревьями, и с прочими растениями вопреки их природе. Натуралисту следует остерегаться этих чудовищных форм, ибо такие же чудовищные силы в них, как в безумцах, омеле или в плесени.

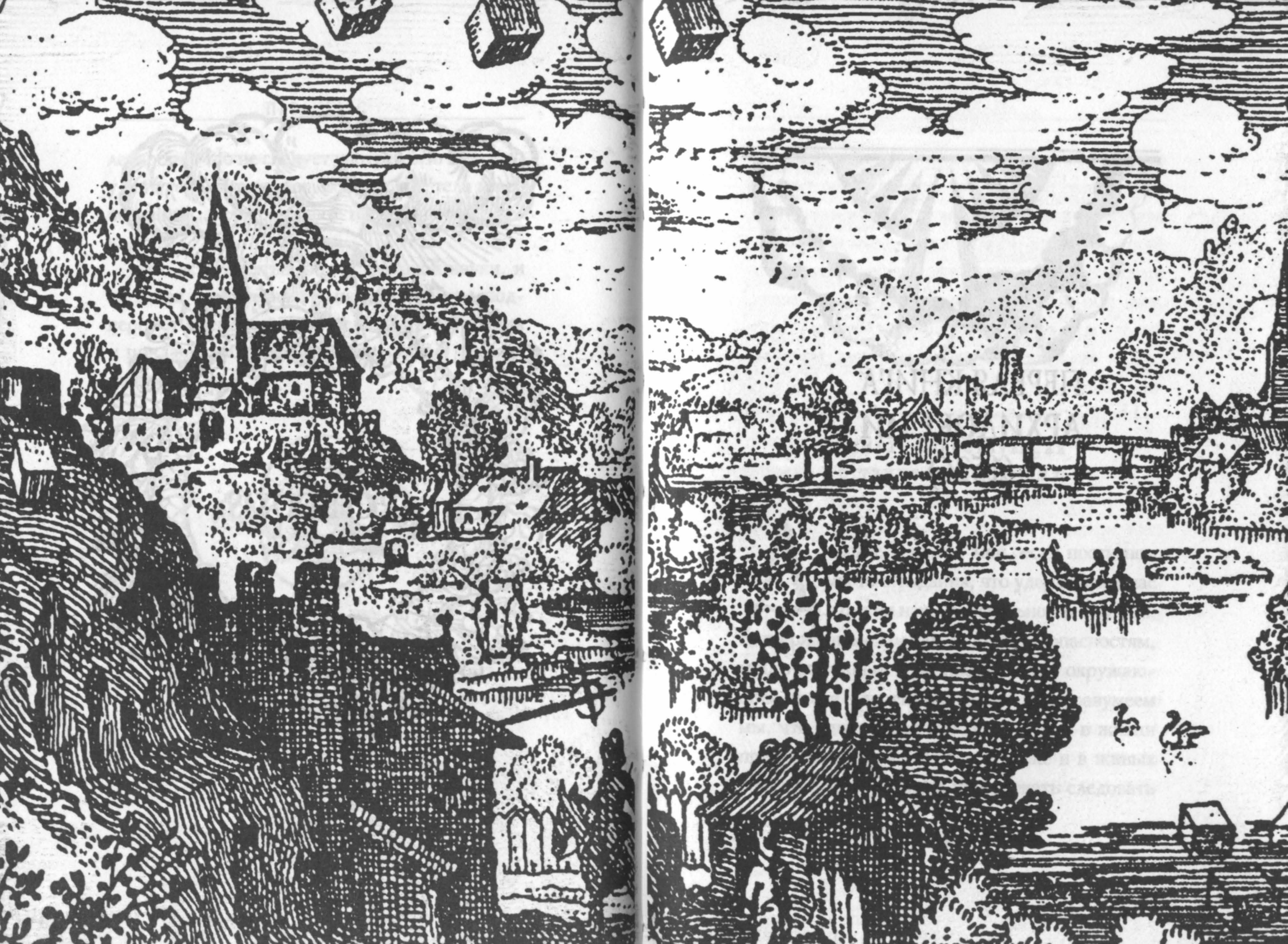
И где встречаются такие чудовищные тела в Природе, там следует искать и чудовищные

лекарства. Но не следует употреблять их к тем, у кого тело нормальное, ибо тем, чье тело несовершенно, только и дают несовершенные лекарства.

Это есть десятый род астральной науки, и касается он небесных влияний, которые подвергают элементальные тела трансфигурации и придают им формы извращенные и своеобразные.

LIBER
ARCHIDOXIS

ПЕРВАЯ КНИГА
АРХИДОКСИЙ
(1526)

Книга, повествующая о тайне микрокосма

Дорогие сыновья мои, если постигнем мы те страдания, что удерживают нас в бытии нашем, печальном и суровом, подверженном голоду и прочим опасностям, многочисленным и разнообразным, окружающим нас и одолевающим нас, то уразумеем мы, что едва ли мы способны будем в жизни преуспевать, а, может быть, даже и в живых оставаться, если будем продолжать следовать

медицинским предписаниям древних. Ибо непрерывные бедствия и непрестанные тягости всячески нам препятствуют и сковывают нас, будто кандалы. И с каждым днем нам становится все хуже, равно как и всем прочим людям, ибо взвешиваемы они на тех же весах, что и мы, и древние со своими книгами неспособны оказываются ни помочь нам, ни излечить нас.

Но речь мы здесь ведем не для того, чтобы предполагать причины всех этих несчастий. А хотим мы сказать лишь о том, что немало учителей, древним методам следующих, добыли себе немалые богатства, и известность, и почет, не заслуживая того, но получили все эти великие блага одной лишь простой ложью. Из этих соображений исходя, решили мы обдумать все и написать сей памятный труд, дабы предоставить вам метод более полный и удачный, ибо довелось нам познать тайны Природы слишком чудесные, чтобы можно было их изучить со всем тщанием. И потому стало нам ясно, что должно науку привести в соответст-

вие с тайнами Природы, в противоречии с которыми никакая наука вообще не возможна.

Мощи этой тайны Природной противостоит телесная структура, сковывая ее подобно узам и оковам. А разум от оков этих свободен. Ибо в действии своем эта тайна подобна пожару в зеленом лесу, который ищет горючего, но не способен зажечь что-либо, влагою пропитанное.

И потому существует для тайны препятствие, и следует нам понять, как избежать его и освободиться от него. И дабы сохранить эту свободу, наше искусство различения сравнимо с искусством аптекарей лишь как свет с тьмою. И говорим мы так не из заносчивости, но по одной лишь причине многочисленности случаев мошенничеств великих, аптекарями и врачевателями учиняемых. И потому лишь, а не голословно, зовем мы их темнотою, или бандою разбойников и самозванцев, ибо многие люди лечатся у невежд и платят им за это немалые деньги, и если б не были эти люди богаты, то сразу провозгласили бы их совершен-

но здоровыми, потому что знают их лекари, что нет у этих богатых людей никаких болезней, и никакое лечение, и никакие консультации им не нужны.

А зато учение о тайнах Природы воистину достойно зваться искусством, ибо способно оно через посредство квинтэссенции излечить ее недостаток в человеке и вернуть ему здоровье за срок в четыре дня, в то время как при обычном лечении смерть бы за это время уже наступила. Ранения также могут быть излечиваемы в течение двадцати четырех часов, а с помощью телесного лечения добиться такого едва ли удастся за многие дни. Так позвольте мне поэтому рассказать об опыте отделения тайн Природы от телесных препятствий.

В первую очередь, следует нам уразуметь, что для человека полезнее всего. И необходимо это для того, чтоб постигнуть тайны Природы, через которые узнаем мы, что есть Бог и что есть человек, и что нужно для того, чтоб обрести знание вечности небесной и слабости земной. Потому возможны богословие, правда и спра-

ведливость, что в тайнах Природы единственно есть жизнь человеческая, и тому, что не может быть познано и получено от Бога как Вечного Блага, возможно лишь подражать. Ибо хотя многие вещи известны медицине и многие еще тайною Природы остаются, тем не менее еще и Вечная Тайна после нашей жизни есть, и для утверждений о том, в чем она заключается, никаких оснований у нас нет, за исключением того, что было нам открыто Иисусом Христом. А потому глупы и невежественны те богословы, кто пытается толковать тайны Господни, о коих нет у них ни малейшей крупицы знания; и потому невозможно человеку сформулировать волю Того, Кто задал нам эту загадку. Но извращают они слово Господне одной лишь собственной гордыни и алчности ради; и появляются отсюда неверные учения, и с каждым днем становится их все больше и больше. И потому мы так мало ценим и даже совсем не помышляем о том разуме, который неявно явлен нам в тайнах и загадках. Подобным образом и юристы изобретают законы в со-

ответствии с одними лишь собственными суждениями и представлениями, дабы защитить себя самих от потерь, в то время как надлежит им заботиться о безопасности государства.

Но видим мы, как в этих областях знания подобные действия, всякой справедливости противоречащие, входят в моду, и потому оставим их до поры до времени. Не станем мы больше внимания уделять и тем, кто говорит о Боге больше, чем Он открыл людям, кто делает вид, будто понимает Его столь хорошо, будто Он им Сам обо всем рассказал, а сами они тем временем нас в заблуждение вводят и обесценивают тайны Природы и философии, относительно которых пребывают они в полнейшем невежестве. И бессовестные вопли этих людей — вот единственное их знание, посредством которого выдают они себя за тех, от кого вся наша вера зависит и без которых и земля, и небеса погибнут.

О величайшее безумство и надувательство, людьми учиняемое, вместо того, чтобы полагать им себя ничтожнейшими, но бескорыст-

нейшими слугами! А мы, согласно сложившемуся обычаю, им уподобляясь, легко научаемся вместе с ними склонять как нам угодно слово нашего Учителя и Творца ради нашей собственной гордыни. И поскольку слово это нам в точности не известно, оно постижимо одною лишь верою, а на обманчивом разуме человеческом не основывается.

Так сбросим же это ярмо и исследуем тайны Природы, нашу цель, в которой утверждаются основания истины; и исследуем не только их, но и те тайны, что научат нас, как преисполниться высочайших добродетелей. И это сокровище наипрекраснейшего блага при написании этих Архидоксий уразумеем мы через материю.

Из вышеуказанных оснований выводим мы нашу медицину опытным путем, который наглядно показать способен, как обстоит дело. А потому разделили мы нашу книгу на десять частей, дабы облегчить запоминание, и чтобы не смогли мы ничего важного забыть, и чтобы в то же время могли говорить настолько от-

крыто, чтобы последователями нашими быть понятыми, но не простыми людьми, которым наши рассуждения не должны оказаться в полной мере ясны. И не желаем мы открывать наш разум и мысль тем, кто к ним останутся глухи, равно как и всяческим нечестивцам; но будем мы стремиться скрыть от них наши секреты за высокими стенами и прочными замками. А на тот случай, если вдруг, по случайности, наш труд окажется недостаточно сохранным от дураков, врагов всякого истинного искусства, мы воздержимся от написания десятой книги, повествующей о том, как применять на практике те сведения, которые в первых девяти изложены, так что не достанется невинное дитя алчущим псам на съедение. Как бы то ни было, остальные девять будут надлежащим образом поняты нашими последователями.

А для пущей ясности надлежит сказать, что в этом трактате о *микрокосме* доказывается и показывается все, из чего он состоит, и охватывает он также и медицину, равно как и предметы с нею непосредственно связанные. Сущ-

ность микрокосма медициною сдерживаема и ею управляема, и следует она медицине подобно тому, как взнузданная лошадь следует за тем, кто ведет ее, и сдерживаема ею, как бешеный пес бывает цепью сдерживаем. Так я понимаю способ, коим медицина связана с Природой и всем, что есть на свете живого.

И здесь с тремя вещами мы сталкиваемся, и показывают они, какими силами они наполнены и произведены на свет. Во-первых, с тем, как тайны Природы нашим пяти чувствам содействуют, хотя чувства вовсе не Природою порождены и не вырастают как растение вырастает из семени, ибо невещественны они. Во-вторых, учитывать нужно подвижность тела: по какой причине оно движется, какою силою движимо, и каким образом ему эта сила передается. И в-третьих, знать должно все силы, какие в теле действуют, и какие силы к каждому органу прилагаются, и как они изменяются, чтобы этому органу соответствовать, в то время как в Природе они одинаковы.

Затем речь пойдет о самих чувствах: зрении, слухе, осязании, вкусе и обонянии. Поучителен следующий пример: глаза сотворены из материальной субстанции, и входит она в состав тела. И с прочими чувствами дело обстоит точно так же. Но видение как таковое имеет природу, отличную от природы глаз, а слух — отличную от природы ушей, осязание — отличную от природы плоти, вкус — отличную от природы языка, обоняние — отличную от природы ноздрей, точно так же, как природа разума отличается от природы мозга,— все это телесные инструменты, или, скорее, даже оболочки, в которых наши чувства рождаются.

И не должно полагать, что чувства эти зависят только от одной лишь милости Господней, в том смысле, что не имеют они отношения к природе человека, но вселены они только Божией благодатью свыше, и Природа не при чем здесь, и это все устроено так, дабы ясно было, когда кто родится слепым, что такова воля Господня. Так нам в этом случае думать нельзя. Ибо каждое из чувств вышеуказан-

ных свое собственное тело имеет, неощутимое, неосязаемое, в то время как само тело имеет ощутимую и осязаемую основу. Ибо человек из двух частей складывается, а именно — из материального и спиритуального тел. Из вещества состоят тело, кровь и плоть, а из духа — слух, зрение, чувство, осязание и вкус. А потому, когда человек рождается глухим, то случается это потому, что повреждено в нем то вместилище, в котором слух обитать должен. Ибо спиритуальное тело не может выполнять свою работу, когда размещено в месте, для него неподходящем.

Отсюда явным становится великий замысел Господень, и заключается он в том, что два тела есть, вечное и временное, и сведены они в одно, как показано в «Книге Рождения». И медицина воздействует на вместилище, и как мы очищаем свое жилье, так и медицина очищает бренное тело, дабы спиритуальное тело имело возможность достичь совершенства, подобного совершенству благовония, помещенного в чистую и незагрязненную посуду.

После рассказа о силах, движущих телом, речь должна пойти о происхождении движения и еще о том, в чем единство тела и медицины заключается, и как оно вызывает в теле движение.

И вот как это должно понимать. Всему живому движение сообщается Природою. И это в доказательстве не нуждается, поскольку движение — естественно. Но движение, о котором мы думаем, может быть описано как порождаемое волею. К примеру, когда я поднимаю руку, может возникнуть вопрос: как же я это делаю, ведь не воздействуют на нее при этом никакие инструменты, но имеет место здесь то, чего я пожелал. Так должно расценивать ходьбу, бег, прыжки и прочие виды движения, противоположного естественному или же просто иного, чем естественное.

И все потому, что намерение, могущественная госпожа, преобладает над представлением и делает это следующим образом. Намерение, или воображение, воспламеняет двигательную способность подобно тому, как огонь воспламеняет дерево. И нигде оно не может выполнять

свои действия так хорошо, как в собственном своем теле, где оно живет и существует. А в любом теле двигательную душу воспламенить легче всего, ибо может она бегать и ходить сама собою, и для этой самой цели и предназначена. Ибо огонь, даже если его спрятать или засыпать землею, все равно вновь вспыхнет, если будет извлечен наружу и с воздухом соединится, и то же происходит с намерением разума, когда человек увидит что-либо. Не могу я направить свой взгляд руками, когда захочу, но воображение мое направляет его, куда бы ни захотелось мне посмотреть.

И точно так же происходит и с движением. И если желаю я двинуться куда-либо и намереваюсь произвольно это сделать, то тело мое сразу же направляется в то или иное место, мною определенное. И чем более сильным будет воздействие на меня моих собственных воображения и мысли, тем быстрее побегу я. Поэтому воображение будет побудительной силой моего бега.

Никоим иным образом неспособно лекарство очистить те тела, в которых есть духовный элемент, по каковой причине совершенствование их жизнедеятельности достигается более легким путем.

Затем, уразуметь должно, что все, что попадает в тело, изнутри или снаружи, распределяется по всем органам. И при распределении этом изменяется оно так, чтобы одна часть полезна была для сердца, другая чтобы приспособлена была к устройству мозга, и подобным же образом все остальные. Ибо тело принимать может в себя что-либо двумя путями — извне и изнутри. Изнутри воспринимает оно то, что нами съедаемо. А снаружи получает оно воздух, землю, воду и огонь. И таков в отношении всего, что в тело попадает, порядок. Те вещества, что поступают изнутри, нет нужды описывать. Они известны из самой сути нашей натуры.

А касательно того, что извне поступает, должно понять вам, что все необходимое тело получает из четырех стихий. И если бы так не

происходило, то внутреннего питания для поддержания жизни человеку бы не хватало. Например, влага, которой в теле недостает, ибо так оно устроено, экстрагируется им из воды, и случается это, ежели кто стоит в воде или сидит в ней, и не обязательно это будет означать, что человек удовлетворит свою жажду при этом. И не так это получается, как если бы жар водою охлаждаем был, как это бывает, когда пожар тушат, но, напротив, внутренний жар человеческий сам притягивает к себе влагу извне и впитывает ее, как будто она внутри.

И потому получается так, как в Альпах, где домашняя скотина целое лето может оставаться без всякого питья, ибо воздух ей питьем служит или заменяет его: точно так же и с человеком происходит.

Жизнь в человеке может поддерживаться и без пищи, если ноги его будут вкопаны в землю. Так, видели мы человека, который шесть месяцев жил без пищи, и жизнь его поддерживаема была одним лишь способом: помещал он себе ком земли в желудок, а когда земля

там высыхала, то проглатывал он еще один, новый и свежий. И утверждал этот человек, что ни разу в течение всего этого срока не чувствовал он себя голодным.

А что касается медицины, то видели мы человека, который много лет прожил, поддерживая себя квинтэссенцией золота, и принимал ее в день не более чем по полскрупула*. И известны еще многие, кто подобным образом не ел ничего в течение целых двадцати лет, и сам я уже в наше время таких видел. И многими это приписывается добродетели и благочестию, или даже воле Господней, идею о вмешательстве которой мы оспариваем или опровергаем в самую последнюю очередь. Но тем не менее эти случаи — результат деятельности Природы; и так даже бывает, что печаль и умственное уныние оказываются способны избавить тело от голода и жажды настолько, что будет оно жить годами, лишь впитывая необходимое пи-

* *Скрупул* — аптекарская мера веса, равная 20 гранам (чуть более 1,3 г)..

тание извне. Таким образом, устроено все так, что пища и питье наши вовсе не совершенно нам необходимы, и для поддержания жизни не обязательно нам есть мясо или хлеб и пить вино или воду, но можно поддерживать в себе жизнь воздухом или же комьями земли; и следует нам полагать так, что если что предназначено быть нам пищей, то этим и надо питаться. Однако допускаем мы при этом, что в трудах наших повседневных не сможем мы прожить без бренной телесной пищи, и есть тому множество причин. И для того пища и определена нам подобно тому, как определена была медицина для лечения болезней.

А вот что происходит с вещами, что в тело попадают: проникают они в каждую часть его, и происходит это совершенно так же, как если бы крепкое вино вливали в воду. Вода принимает в себя аромат вина, по той причине, что распределяется оно по всему объему воды; и так же точно, если влить в вино чернила, оно от этого все почернеет.

Так и с телом человеческим происходит: жизненная влага немедленно растворяет в себе все, что ни принимается телом, и происходит это быстрее, чем в случаях, о которых выше сказано было.

Однако форма, в которой субстанция была воспринята телом, подвергается трансмутации, в зависимости от природы органа, в который определена она; и потому хлеб, человеком в пищу употребленный, в плоть человеческую превращается, а ежели рыба его съест, то в рыбью плоть он обратится, и так далее.

Подобным же образом следует понимать, что воспринятые телом субстанции трансмутируются посредством естественной силы органов тела и усваиваются в соответствии с их природою.

И так же точно следует понимать и лечение лекарствами, ибо трансмутируют они в органах в зависимости от свойств этих органов. И конечности человеческие силу свою обретают из лекарств, для них предназначенных, соответственно тому, хорошо ли они были растворены

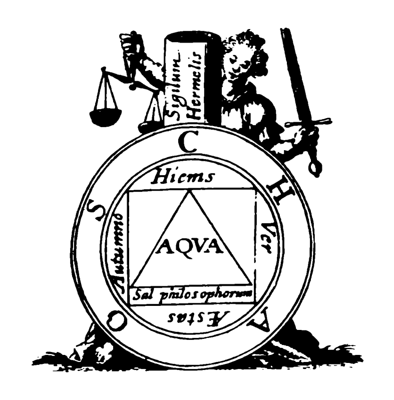
или же плохо, а еще тому, было ли лечение умелым или же грубым.

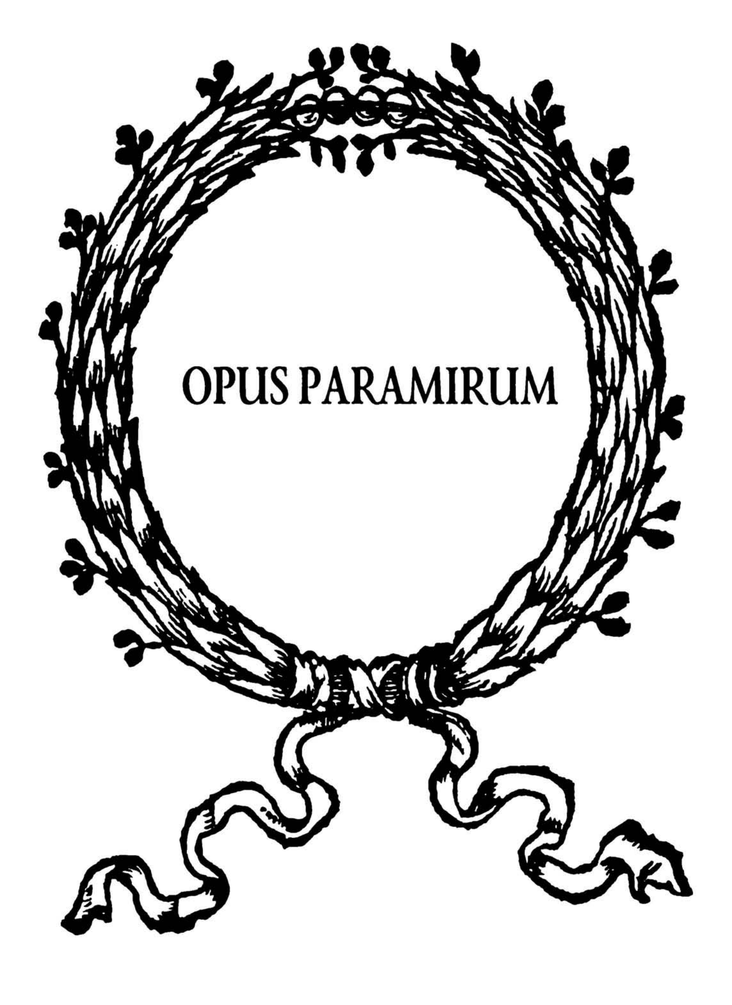
Последнее особенно верно в отношении квинтэссенции, ибо сила ее велика и трансмутация ее чрезвычайно действенна. Но если будет она густой, то ничего не изменится, подобно тому, как картина свой оттенок, свою красоту или же уродство получает от цвета, и если будет он более ярким, то ничего тоже не изменится.

Так вот, дабы имели мы возможность при разных случаях прибегать к имеющемуся опыту в подобных вопросах и дабы запечатлеть его в своей памяти и иметь нужные знания наготове в случае, если появится в них какая-либо необходимость, мы и пишем эти книги, и одну лишь в уме храним, дабы не попала она в руки глупцам бездумным. Но как бы то ни было, а нашим последователям все эти вещи будут ясны и понятны.

И пусть о существовании нашей школы никто не догадывается. И хотя и противоречит ее учение методу и направлению, завещанным

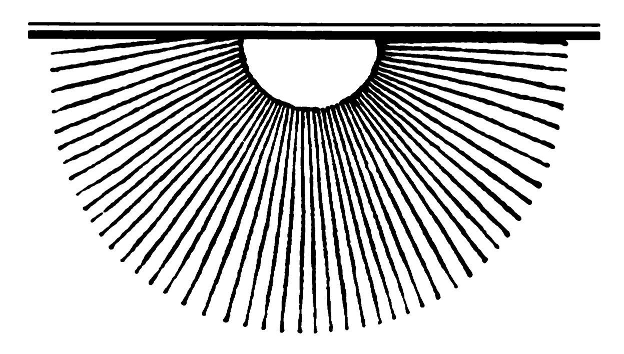
нам древними, все же твердо основывается оно на опыте, который есть повелитель всех вещей и коим все искусства поверены быть должны.

OPUS PARAMIRUM

КНИГА
ПАРАМИРУМ
(1530–1531)

Первое, что следует знать врачу,— это то, что состоит человек из трех субстанций. И образуют они человека, и они есть человек, получает он от них и через них все, что есть благо, и все, что есть зло для его физического тела. Поэтому врач должен знать их и понимать, как они сочетаются, как их поддерживать и как их исследовать. Ибо в трех этих субстанциях содержится здоровье человека и целиком, и частями, и все болезни его. И потому в них следует искать и меру здоровья, и меру болезни, ибо нельзя врачу пренебрегать весом, числом и мерою недуга.

И через них определить он сможет причину, породившую заболевание, и чрезвычайно важно хорошо разобраться в этом, прежде чем далее двигаться. Смерть также от этих трех субстанций зависит, ибо если жизнь удаляется из первичных субстанций, в соединении которых и жизнь, и человек существование свое имеют, то сам человек умирает. И происходят поэтому от этих трех субстанций все причины, основание и понимание болезни, признаки ее, развитие и особые ее свойства; и обо всем этом врачу обязательно знать нужно.

Сотворил Господь медицину для огня неуязвимой. А врача Он из огня породил. Ибо не сам собой врач делается, но своею медициною; и потому должен он изучать Природу, а Природа — это мир и все, что в нем. И всему, чему Природа его учит, должен он искать объяснения. Но пусть ищет он его не в знаниях своих, но свет Природный пусть выведет его к тому, что скрывается в сокровищнице Природы. И когда обнаружит врач, что Природа открылась ему, то происхождение здоровья

и болезней станет ему ясно. И поскольку врачом он является через посредство медицины и благодаря ей, а без нее — не является, и поскольку медицина древнее, нежели он сам, то он от нее зависит, а не она от него. И пусть исследует он то и научается у того, что его врачом делает, а не у самого себя. Ибо огонь — он в учителе, а не в ученике.

Две есть разновидности знания: одно знание — от опыта, а другое — от ума. То знание, что от опыта,— двояко: и одна его сторона — наставление врачу и основание для деятельности его, а другая — заблуждение его и ошибка. Первое получает он от огня, практикуя Вулканическое искусство через трансмутацию, изобретение, решение и совершенствование, и все, к ним относящееся. И через опыты такие открываются врачу три элемента, все в Природе содержащиеся, а также виды их, особенности и свойства.

А другой вид знания — не что иное, как слухи, опытом не подтвержденные. И может оно оказаться истинным порою, но не будет

оно незыблемо, и не может такое знание служить основанием для истины, а послужит таковым для ошибки — ошибки, софистикою приукрашенной. И не можем мы учить медицине посредством слухов или чтения, но только лишь посредством изучения. И через огонь опыта Природа научит нас. Не можем мы более верить в существование четырех соков в человеке, и не что это иное, как предмет веры.

Медицина не верою постигаема, но опытом. А предметом веры лишь здоровье и болезнь души являются. Но у телесной медицины предмет видимый и веры не требует. И потому следует занятие врача считать ремеслом. А медицина для него из земли прорастает. И знает его земля, утверждает его или же отвергает. А причина того, почему можем мы распознать и испытать на себе три субстанции,— не в наших умах находится и не в слухах, но в исследовании Природы и выяснении ее особенностей, ибо от Мира Великого человек научается, а не от другого человека. И в этом есть согла-

сие, через которое становится человек целостен, и отсюда происходит его знание о мире и о себе самом; и это есть единство, а не двойственность.

Все имеет свое тело от трех субстанций. И зовутся эти субстанции: Сера, Ртуть и Соль. Лишь они втроем, соединяясь, образуют тело, и ничего более не добавляется, за исключением одной только души и всего, что к ней отношение имеет. И когда держишь ты что-либо в своей руке, то, на самом деле, это будут три субстанции, в одно сведенные. Крестьянин скажет тебе, что это кусок дерева, а ты будешь знать, что это еще и соединение Серы, Ртути и Соли. И если возьмешь ты кость и сможешь сказать, что в составе ее преобладают Сера, Ртуть или Соль,— то поймешь ты, какая в ней болезнь, и в чем тут дело. Крестьянину видно лишь то, что снаружи, но задача врача — увидеть скрытое внутри. Дабы сделать его видимым, необходимо добиться того, чтобы Природа себя показала. Возьми кусок дерева. Это есть тело. Затем сожги его. То, что сгорит, —

это Сера, дым — это Ртуть, а зола — это Соль. Крестьянину не понять процесса горения, но врач поймет его, если посмотрит на него с точки зрения науки медицинской.

Что есть вкус, если не анатомическая потребность найти свое подобие? И это оттого, что *gustus* — вкус — распределяется по всем органам тела и все ищет подобного себе: сладкое желает сладости, горькое — горечи,— каждое в своей степени и в своей мере жаждет того, что содержится в растениях сладких, кислых и горьких. Станет ли печень искать себе лекарства в горечавке, грибах или горькой тыкве? Нет. Станет ли желчный пузырь искать себе лекарства в манне, меде, сахаре или зубном корне? Нет, ибо будут искать они себе подобного. Согласно тому же закону анатомии, не может холод жар лечить, а жар не лечит холод. И страшный беспорядок возникнет, если начнем мы лечить противоположностями.

Когда дитя попросит хлеба у отца своего, тот не даст ему змею. И Господь сотворил нас и дает нам то, чего мы просим, а не змей. И по-

тому плохое это будет лечение, если давать больному горькое, когда требуется ему сладость. И желчный пузырь получать должен то, чего требует он, и сердце так же должно, и печень. И это есть основополагающий столп, и врачу должен он служить опорою, когда назначает он соответственное лечение разным частям человеческой анатомии. Ибо хлеб, который ест дитя, анатомически подобен самому ребенку, и ест его дитя, будто собственное свое тело.

А потому каждая болезнь должна лечиться средствами, анатомически ей соответствующими. И тому, кто анатомии не знает, трудно будет лечить, если будет он при этом честен и скромен; но много хуже, если недостает ему чести, и стыда в нем нет, и не боится он преступления. Такие люди — враги света Природы.

Какой слепец станет просить у Бога хлеба, а получит яд? Если опытен ты и основываешься на анатомии, не станешь ты давать камни вместо хлеба. Ибо для пациентов твоих ты скорее отец, нежели врач: а потому питай их подобно тому, как отец питает свое дитя. И как

отец дает своему ребенку согласно нуждам его, так и врач должен заботиться о своих пациентах.

Христос, который есть Истина, дал нам средство не ложное, но совместимое и сокровенное. Ибо ни за что не скажем мы, будто не была ему известна суть Природы. И потому масло и вино нам предназначены, и нет у медицины основания иного. И да будет тебе ясно, что пшеничное зерно не принесет плодов, пока не будет в землю посажено и там не умрет. И потому земля — это рана, а масло и вино — это зерно. И угадать ты должен, что есть плод.

Три анатомии в человеке содержатся: первая из них — *localis*, и рассказывает она нам о внешности, занятиях и сущности человека, а также обо всем, что этого касается; вторая — показывает живую Серу, текучую Ртуть и острую Соль в каждом органе; а третья, *mortis anatomia*, учит нас тому, какую анатомию приносит с собою смерть, и каким образом она приходит, и на что

похожа. Ибо свет Природы показывает нам, что смерть приходит по-разному, и разновидностей у нее столько же, сколько у того, что от стихий происходит; и столько же видов смерти есть, сколько и видов гниения. И поскольку всякое гниение порождает новое, нужна и ему анатомия. И будет происходить оно во многих формах до тех пор, пока все мы не умрем и не сгнием.

Но помимо всех этих анатомий есть еще общая наука медицинской анатомии, и за ними всеми — небо, земля, вода и воздух, а небеса и все звезды есть части новой анатомии. Ибо Сатурн должен дать нам *saturnum*, а Марс — *martem*, и пока не открылось это, не было на свете медицины. Ибо как дерево вырастает из семени, так и все, что ныне кажется невидимым, вырастает для новой жизни, и существует оно ради того, чтобы видимым стать. А свет Природный светит людям, дабы могли они видеть сквозь тьму и сумерки. И должно случиться так, чтоб увидели мы глазами своими все те вещи, которые необходимо нам ви-

деть. И не станут они иными, нежели сейчас, но мы должны будем измениться, чтоб их увидеть. И должны мы научиться смотреть не так, как крестьяне смотрят. И свет Природы зажжет огонь в глазах наших.

Все, чем питаемся мы, становится нами; мы едим, чтобы жить. То же происходит и с лекарствами, с тем лишь различием, что лечение должно соответствовать болезни. В том, что касается здоровья, все, что к концу подходит, в каждом органе восстановлено быть должно. И не удивляйся: ведь дерево, в поле стоящее, перестанет быть деревом, если не будет оно питаться. А что есть питание? Это не только кормление и наполнение тела, но и восстановление формы его. А что есть голод? Это предвестник смерти, воплощаемый в износе органов. Ибо форма придается Господом еще во чреве. И пребывает она во всем, но и убывает со временем, и умирает безо всякого вмешательства извне. И тот, кто не ест, тот и не растет, и кто не ест, тот не живет далее. Следовательно, кто растет, тот растет потому, что питается, а фор-

мообразующее начало в нем сохраняется, и не может он без него существовать. И потому и питание всех тварей свою форму в себе имеет и в ней растет, и развивается. Так, дождь в себе дерево содержит, а также и сок земной. Дождь — это питье, а сок земли — это пища, и благодаря им дерево растет. А что же растет в нем? То, что дерево впитало из дождя и из земли, и стало древесиною и корою. Форма заложена в семени, а древесина и кора — в дожде и соке земли. И мастер внутри семени способен из этих двух начал изготовить дерево. И так же происходит все со всеми прочими растениями; и семя есть не что иное, как начало, в котором и форма, и мастер, и род, и свойство. И когда прорастает оно, то дождь, роса и сок земли поддерживают в нем жизнь, ибо есть в них и стебли, и листья, и цветы, и все прочее.

И также должна быть и внешняя форма питания, способствующего росту, и если не получим мы ее, то никогда расти не сможем и, заброшенные, умрем. И когда выросли мы, то нужно

нам эту форму сохранять, дабы не потерять ее. Ибо есть в нас нечто, подобное огню, что нашу форму поглощает. И если бы не поддерживали мы форму нашего тела, то, заброшенные, умерли бы. Следовательно, то, что едим мы, становится нами, и потому не умираем мы от распада наших форм. Таким образом, едим мы пальцы наши, и тело наше, а также кровь, плоть, стопы, мозг, сердце и прочее. Ибо каждый кусок, нами съедаемый, содержит в себе все наши органы, все, что в себя включает человек, все, из чего состоит он. И когда лето наступает, то деревья голод испытывают, ибо хотят они, чтобы распустились на них листья, и цветы, и плоды чтобы на них созрели. И нет всего этого внутри их самих, потому что в противном случае срубленные деревья цвели бы так же точно, как и те, что растут невредимые. Ибо растут они из земли, откуда черпают они некие вещи, дополняющие собственную их форму, и где мастер находится, который форму эту им придает, сообразную каждому из деревьев; и таков вклад его. И знай также, что дабы сохранить

свои форму и вид от истощения, все живое голод должно испытывать и жажду.

Люди бывают видимые и невидимые. Те, что видимы,— двойственны, именно так, как двойственно тело. Когда из дерева образ хотят вырезать, в первоначальном куске дерева он еще не виден. Питание, в тело поступая, направляется во все его органы. И не остается оно в одном месте, но используется разнообразно. Ибо великий Художник, Тот, кто человека сотворил, придает ему форму, распределяет его между органами, подобным образом человека создавая. Известно нам, что едим мы себя, и точно так же, как мы, делает это всякая тварь на земле и каждое дерево; и теперь должны мы разобраться в том, что из этого следует с точки зрения медицины. Не едим мы костей, кровеносных сосудов, сухожилий, а мозг, сердце, кишки и жир едим редко; отсюда следует, что кости не из костей получаются, мозг не из мозга, но во всем, что мы едим, они содержатся. Хлеб — это кровь, но кому это видно? Это жир, но кому это видно? Ибо мастер-искусник в же-

лудке благ. Он может из серы железо сделать; и постоянно там он находится, придавая человеку надлежащую ему форму. И может он алмазы делать из соли, а золото из ртути. И более заботится он о человеке, нежели о вещах, и трудится он для человека, и все, что ему необходимо, создает. Дай ему материал — и расщепит он его, и придаст ему надлежащую форму, ибо известны ему мера, число, вес, соразмерность, протяженность и прочее. И знай также, что всякое творение двойственно, ибо одно в нем — от семени, а другое — от питания. И каждый в себе также и свою смерть содержит, а питание ее сдерживает.

Тело происходит от Серы, и потому все тело есть одна Сера, а есть и другая, тонкая Сера, которая горит и сгорает невидимо. Кровь — это одна Сера, а плоть — другая, главные органы — третья, костный мозг — еще одна и так далее; и эта Сера — непостоянна. Но различные кости — это тоже Сера, только их Сера — постоянна: и научное исследование каждую Серу позволяет выделить. Затвердевание

тела случается от Соли; и без Соли нельзя ни одну часть тела представить. От Соли алмаз получает твердость своего строения, и железо — свою твердость, а свинец — мягкость своего строения, и гипс — свою мягкость и так далее. И всякая прочность и густота от Соли получается. И потому одна Соль — в костях, другая — в крови, третья — в плоти, еще одна — в мозге и так далее. И сколько есть разных Сер — столько и Солей. А третья субстанция тела — это Ртуть, и она жидкая. У всех частей тела — своя жидкость: и у крови — своя, а у плоти — другая, и кости, и мозг костный также свою жидкость имеют, и жидкость эта — Ртуть. И столько же форм у Ртути, сколько их у Серы и у Соли. Но поскольку человек должен целостную форму иметь, то составные части его тела сжимаются, твердеют и содержат в себе жидкость: и три формы объединяются в одно тело. И тело одно, а субстанций три. Сера горит, и одна лишь сера; Соль — это щелочь, ибо она неподвижна; Ртуть — это пар, ибо не горит она, но испа-

ряется. Знай также, что и всяческое разложение также от этих трех получается.

Три субстанции содержатся в четырех элементах, которые всему на свете матери; ибо все на свете от стихий происходит: от земли происходят растения, деревья и все их разновидности; от воды — металлы, камни и все минералы; от воздуха — роса и манна; от огня — гром, лучи света, снег и дождь. И когда микрокосм разрушается, часть его землею становится, да такой чудесной, что посаженные в нее семена принесут плоды за самый короткий срок; и врачу знать об этом следует. Из разрушенного тела также выходит и другой элемент — вода; и вода эта — мать всякого рода минералов, и алхимик способен из нее рубины извлекать. При распаде производится и третий элемент — огонь, и может он вызывать выпадение града. А воздух исходит из возносящегося духа, подобно росе, выпадающей в закрытом стеклянном сосуде. И многие пытались этими процессами овладеть, но не удалось им. Еще одна трансмутация вслед

за этими происходит, и от нее получаются все виды Серы, Соли и Ртути, какие только явлены нам в микрокосмическом мире. И очень она важна, ибо имеет она отношение к поискам человеком здоровья, жизненной воды, Философского Камня, эликсира, бальзама, золотого питья и прочих вещей тому подобных. Все они содержатся в микрокосме; и как есть они во внешнем мире, так есть они и во внутреннем.

Итак, есть в человеке внутренний врач; и с его помощью дает Природа человеку все необходимое и дарует ему сад трав своих сообразно нуждам человеческой анатомии. И если изучим мы все основательно и уразумеем это правильно, то откроется нам, что наш внутренний врач и природа наша — это все, что нам нужно. Возьмем, к примеру, наши раны: что нужно, чтобы лечить их? Ничего, кроме плоти, растущей изнутри наружу, а вовсе не снаружи внутрь. И потому лечение ран — это лечение защитительное, цель которого — не допустить такой вероятности, чтоб что-либо извне помеша-

ло нашей природе выполнить свою работу. Таким образом наша природа себя лечит, исправляет и дополняет, и хирургия научает этому всякого опытного хирурга. Ибо *mumia* есть сам человек, а *mumia* — это бальзам, излечивающий раны: и мази, замазки и смолы ни кусочка плоти сами не производят, могут лишь работе Природы внутри человека помочь, защищая ее.

Поскольку происходит человек от *limbus*, а *limbus* — это весь мир, то всякая отдельная вещь имеет свое подобие в другой. И если бы не был человек сотворен из целого и из каждой его части, то не мог бы он быть микрокосмом и не содержал бы он в себе всего, что в макрокосме содержится. Но раз создан он из целого, все, что поглощает он в Великом Мире, есть часть его самого: ибо жизнь в нем поддерживаться должна тем же, из чего он сделан. Ибо как сын своим отцом порожден, и ничья помощь для него не будет естественней, нежели отцовская, так и целительные силы внешнего мира силам мира внутреннего помога-

ют. И все человеческие соразмерности, подразделения, части и члены есть и у Великого Мира так же, как и у человека; и сообщаемы они человеку через питание и лечение. И отделены эти части друг от друга ради того, чтоб было целое и имело свою форму. В науке это всеобщее тело называется *physicum corpus*. И телу человеческому мировое тело сообщаемо подобно тому, как сыну сообщается кровь его отца; ибо они есть одна кровь и одно тело, и разделяет их одна лишь душа, а в науке такого разделения нет. И следует из этого, что для науки небеса и земля, воздух и вода — это есть человек, а человек для науки — это мир со своими небесами, землею, воздухом и водою. Так, Сатурн в человеке сообщается с небесным Сатурном, а небесный Юпитер — с Юпитером микрокосма. И земная мелисса черпает у мелиссы микрокосмической, и все в единении находятся. Следовательно, небеса и земля, воздух и вода есть одна субстанция — не четыре, не две, не три, но одна. И где не

едины они, там субстанция разрушена или расщеплена.

Должны мы также понимать, что если осуществляем мы лечение, то лечим мы больного всем миром: и небесами, и землею, и воздухом, и водою. Ибо если есть в теле болезнь, то все здоровые органы должны с нею бороться, и не только один, но все. Потому что одна болезнь вызвать смерть всех органов может: и заметь, что борется Природа с болезнью всеми своими силами. Следовательно, в лечении твоем должны содержаться все небеса верхней и нижней сфер. Подумай, как сильно хочет Природа одолеть болезнь, если берет она в помощь себе и небеса, и землю, и все силы, в них имеющиеся. Так же и душа должна все силы свои собирать на борьбу с дьяволом. И есть в Природе ужас смерти жестокой и мучительной, и глаза наши его увидеть не способны, и руки удержать его не могут. Но Природа и знает, и видит, и удерживает его: и использует она силы земные и небесные против страшного, ибо страшен этот ужас, и чудовищен, и отвратите-

лен, и жесток. Ибо вызван он Христом на горе Елеонской, где в ужасе молил Он Отца Своего, чтобы миновала Его чаша сия,— потому объяснимо вполне, что Природа от этого в ужас пришла. И чем лучше знаем мы смерть, тем выше ценность медицины становится, ибо это в ней пристанище, мудрым искомое.

От разных видов Ртути случаться могут болезни: и одни из них разум поражают, иные — кровеносные сосуды, иные — язык и так далее. И начинаются эти болезни с жара, тело воспаляющего, и в том органе, где жар сильнее всего, там болезнь и начинается, как будто бы этот орган стал вроде печи, полной Ртути. В тяжелых случаях все тело судорогами сотрясаемо и все члены его лихорадит. А может случиться так, что Ртуть вздымается и опускается, как при дистилляции, и это хуже всего и означает близость смерти. И смерть от Ртути бывает трех разновидностей. Дистилляция Ртути вызывает смерть незамедлительную; осаждение Ртути вызывает подагру, хирагру и воспаления суставов; а от возгонки

Ртути случаются мания и воспаление мозга. Ртуть столь легка, что может она пропитать собою и кости, и плоть, вызывая нагноения, излитие желчи, сифилис, проказу и тому подобное, а если жар возрастает, бывает от нее еще дрожь, холодный пот и судороги.

Подобно Ртути, Соль также является субстанцией, способной вызывать заболевания. Соль есть причина четырех процессов: расщепления, кальцинирования, отражения и щелочения, которые в теле, так же как и в окружающем мире, происходят. И в людях, предающихся чревоугодию или распутству, избыток Соли начинает растворяться. В них Соль превращается в жир. Ожиревшие тела подобны почве, перенасыщенной навозом, плодоносящей слишком быстро, или пострадавшей от избытка дождей, так что плоды ее гниют. Соль кальцинируется в случае недостатка жидкости, и в этом случае образуются квасцы. От этого случается потение, кожный зуд, а затем образуются короста и нарывы. А когда Соль отражается, то вздымается она и

опускается, будто при дистилляции. Жизненный дух изгоняется на поверхность, и Соль от этого становится скользкой и клейкой и в таком виде лихорадкою выводится наружу, где является она в виде язв, именуемых *vulnera aeruginosa*. Все наружные заболевания, особенно язвы, рак, облысение, нагноения, раны, кондиломы, сонливость и проказа, — это Солевые болезни, и разнятся они в соответствии с видами Соли. Ибо Соль придает всему форму.

Четыре элемента могут изменять и разрушать Серу. Они есть те мастера, которые вызывают ее трансмутацию и заставляют ее вызывать болезни четырех видов: холодные, горячие, влажные и сухие. Знай, что все элементы имеют в себе некоторое количество холода, но холод как таковой — это стихия земли. Холод бывает твердый и влажный. А твердость двоякой бывает: застывшей или замерзшей, сгущенной или жидкой; и влажность двояка: может она быть растворенной или растаявшей, распавшейся или разложившейся. Огненный холод вызывает застывание, при-

мером которого служить могут замерзшая вода, снег, мелкий гравий и тому подобное. И застывание в Сере вызывает заболевания, признаки которых напоминают снег, мороз и мелкий гравий. Сгущение холода происходит от стихии воды и постоянно оно, в то время как застывание — временно. Примерами сгущения служить могут кораллы, квасцы и соли алюминия, и болезни, вызванные сгущенным водяным холодом, подобным же образом проявляются. Холод также является из воздуха, ятра; и потому ветряной холод, хаотический холод и воздушный холод могут поразить тело. Эти заболевания также походят на холодные растения: белладонну, розу, латук, портулак и прочие. В земле также есть элемент огня, и он Серу воспламеняет. Заячьи ноги и крапива — примеры присутствия этой энергии в физическом теле. Бывает также влажность четырех стихий, а еще сухость. Таким образом, есть четыре разновидности у болезней этого рода, и через посредство указанных категорий можно их друг от друга отличать.

Бывают влияния, которые вызывают потение, очищение кишечника, жар и прочее, и должно их тоже учитывать, ибо они суть особые недуги: не происходят они от видимых причин, но внутренне присущи человеку, и такова их природа, что один человек имеет склонность к потению, другой — к очищению кишечника, кто — к одному, а кто — к другому. И знай еще, что семена много больше плодов приносят, нежели в действительности от них рождается. Камфора и другие растения являют тому пример, и служат они причиною болезней мочевого пузыря и почек. Таковы и камни во внутренних органах, которые суть камни вообще. И что по наследству передается, то искоренить невозможно; ибо должно семя произвести все, что в нем скрыто. Но не наследственное это, если родился человек слепым; и хотя и родился он таким, но зрение у него может быть, только развилось оно неправильным образом. А если у человека шесть пальцев на одной руке, а на другой — четыре, либо же они растут не из того места, откуда у

всех людей, то ничего с этим поделать нельзя, потому что содержится этот изъян в субстанции тела. Но ни один опытный врач не скажет, будто нельзя помочь слепому, ибо велика Природа и чудесна, и если скрыто зрение внутри человека, то можно его вывести наружу, ибо зрение — это ветер, у коего нет тела, и можно его направить к месту, ему надлежащему; но если тело деформировано, то этого сделать нельзя будет. Вещи, внутренне присущие, подобны твердости железа и цвету мела, и приниматься должны как они есть. Ибо не в силах мы предотвратить выпадение снега, но можем мы не допустить, чтоб он человеку навредил.

То же относится и к семени человеческому, которое суть *limbus* и в четырех элементах присутствует. Знай, что имеет оно силу; такие силы назвать лучше всего будет влияниями, ибо они и есть влияния. Но это ошибка с точки зрения астрономии, когда говорят, будто влияния происходят от звезд. Звезды влияний не оказывают. Форма наша придана нам дланью

Господней. И кем бы мы ни были, Господь нас создал и всем нашим органам их вид придал. Все наши состояния, свойства, привычки обретаются нами через вдохновение жизненное, посредством которого все они нам дарованы. Болезни, какие с нами случаются, как уже было сказано выше, происходят от трех субстанций, оказывающих на нас влияние, подобное влиянию огня на дерево или солому, или — шафрана на воду. И от влияний этих никак не можем мы избавиться подобно тому, как избавляемся мы от недугов, кои порождает окружающий нас *limbus*. И получаем влияния эти мы от семени и избавиться от них не можем. И говорят люди о *предрасположении* всякую бессмыслицу. Будто бы получает человек предрасположение, или *inclinatio*, от Марса, Сатурна или Луны и прочих небесных тел. Обман все это и мошенничество. Правильней сказать было бы, будто Марс человеку подражает, ибо более велик человек, чем Марс или прочие планеты. Но кто познал планеты и уразумел людей, тот так не скажет. Но

может он так сказать: «Человек столь для Господа ценен и столь величествен в глазах Его, что образ его и все, что совершает он, и то, что оставляет он несделанным, и добро его, и зло — небесами имитируются. Но это не есть предопределение. И двояки взаимоотношения между небесами и человеком: с одной стороны, образ человеческий небесами отражается, а с другой, отношения эти суть предпосылка, в коей все будущие деяния человека, и образ жизни его, и поведение его заранее предвосхищены, но в виде пророчества скорее, нежели в виде причины.

Как сказано в Писании, восстанем мы в день Страшного Суда во плоти нашей и отчет будем давать в прегрешениях наших. Тело есть в наших глазах ничто, но грешило оно, и восстать оно должно вместе с нами еще раз. И не должны будем отчитываться мы ни о недугах наших, ни о здоровье нашем, ни о прочем тому подобном, но о том, что сердцем нашим порождаемо, ибо это человека касается, и также суть тело его, не от *limbus* оно, а от вдохновения

Божия. И поскольку, облеченные в плоть, узрим мы Господа, Спасителя нашего, должно быть так, чтоб тело наше, которое есть *limbus*, также перед Богом предстало. И кто захочет оставаться в невежестве касательно откровений, устами Божиими непосредственно нам сообщенных. Восстанем мы из мертвых во плоти, в теле, из *limbus* состоящем, свою собственную меру имеющем и ее употребляющем, а все, что вне его пределов, то к телу невещественному относится и за пределами Природного находится.

Все, что живо и растет, должно питаться, и потому имеет желудок и способность к пищеварению. А в пище составные части имеются чистые и нечистые: хорошее от плохого отделяется и питает организм, а плохое анатомией организма не усваивается, но в своей собственной анатомии сохраняется. И в организме это последнее сохраняется. Таким образом, в организме нашем и питание, и *stercus*, то есть мусор, содержатся. И об этом *stercus* здесь речь пойдет. Человеческий желудок — это же-

лудок самый первый, и подвешен он к глотке; осуществляет он одно лишь первоначальное пищеварение, отделяя полезные вещи от отходов. Затем направляется пища в тонкий желудок, расположенный в сосудах брыжеечных, в печени, почках, мочевом пузыре и в кишках.

Таким образом, есть в теле вещества лишние, которые фекалиями обыкновенными не становятся, но и с телом не смешиваются. И не могут они быть расщеплены, ибо они не есть человек, но в человеке содержатся. И бывают болезни, которые такими отходами вызываемы, и чрезвычайно эти недуги разнообразны, в зависимости от степени разобщенности отходов и их местонахождения в теле. И болезни эти суть камень и песок, слизь и грязь. И как же жизненные соки человека могли бы в камень, песок, слизь и грязь превратиться, если б не были они таковыми изначально? Эти четверо есть четыре разновидности пищевых отходов. И из них получаются камни в органах.

Как камни далее преобразуются в легких, мочевом пузыре, сердце, селезенке, мозгу и поч-

ках? Каждый из органов этих должен есть и получать от желудка свое ежедневное питание. И каждый орган в теле действует, словно он сам себе желудок, и отделяет он все, что нехорошо для него, и ни один орган для другого ничего не расщепляет и не приготовляет, за исключением одного лишь желудка, который делает это для печени, почек и мочевого пузыря, а последние три делают это для всех органов в целом. Но этого общего дела недостаточно, и потому каждый орган преобразование свое осуществляет и таким образом свое особенное питание получает.

И все, что органами отвергаемо как экскременты, удаляется из организма множеством путей: и легкие его отхаркивают, мозг выводит через нос, селезенка — через кровеносные сосуды, желчный пузырь — через желудок, почки — через мочевой пузырь, а сердце — непосредственно в хаос. Камень в этих органах бывает невидимый, ибо изменчив он, и оказывается в них в виде пара, подобного спирту, и тела физического как бы лишен. Но он

в них присутствует, однако, и даже когда пребывает он в неподвижности или же в кругообращении, тем не менее камнем остается.

Если учесть, сколько всего человеком поглощаемо, а затем отчуждаемо в виде мочи и фекалий, от тела останется одна лишь малая часть. Поэтому лишь малое количество камня находимо во всех отдельных органах, кроме мочевыводящих путей и кишечника. Относится последнее и к камням в легких, которые встречаются у людей и животных в виде маленьких камешков, видом пшеничные или просяные зерна напоминающих. Бронхи — желудок легких, и в них чистое от нечистого отделяется. Следовательно, в этих трубках есть особые легочные экскременты; здесь они образуются и отсюда они отхаркиваться должны. А если этого не происходит, то остаются они здесь и трансформируются в маленькие листочки, серые частицы и зерна, загромождая дыхательные пути и затрудняя движение воздуха в обоих направлениях и множество разных заболеваний вызывая. А бо-

лезни эти зовутся: астма, кашель, фтизис и чахоточная лихорадка — и все они происходят от камня в легких.

У мозга желудок находится внутри него, в той части, что расположена повыше носа, и в него отправляет мозг остатки, им отвергаемые. Здесь, в мозговом желудке, также камень обнаруживается, и вызывает он безумие, манию и прочие подобные расстройства, обыкновенно по ошибке приписываемые крови. Следует тебе узнать и о почках. Хотя моча в них и находится, почки ею не питаются, но черпают пищу из тех же источников, что и прочие органы. А потому почки свои особые экскременты производят, содержащиеся в моче, вместе с нею выводимые и представляющие собою *hypostasis*, или осадок. И по этому осадку можно судить о том, есть ли в почках какая болезнь. И существует искусство выделения осадка из мочи, и кто им овладел, может в почечных экскрементах ясно различить камни.

А теперь обсудим мы сходные процессы, во внешнем мире происходящие. Подобного

рода камни происходят из воды в стихиях, для камней благоприятных. Возносятся они в виде росы и оседают на небесах в качестве *первичной материи* камней. И мир этот недвижный скрывает в себе производство этих странных вещей, для философии незаметных, но конечный продукт их — видимый. И когда на небесах преобладать начинают производные Соли и сталкиваются они с этою росою, то образуются метеориты, которые на землю начинают падать до тех пор, пока небеса не опустеют. Все это происходит в теле точно так же, как и на небесах. И люди все суть небеса, созданные в человеке такими же, какие они над нами в небе. И следует отсюда, что камень и в человеке образуется всякий раз, когда он небом порождаем. И первоначальное вещество в человеке суть все духи и все звезды, и время для него течет так же, как и для небес. Таким образом, знать тебе должно, что тому, чей путь таким образом звездами предопределен, камней избегнуть не удастся.

Чрево бывает трех видов: первое — это воды, над которыми дух Господа нашего зародился, и было это чрево, из которого произошли небеса и земля. Затем небеса и земля сами стали чревом, в котором длань Господня сотворила Адама. Затем женщина сотворена была из мужчины; и она представляет собой чрево, производящее на свет всех людей до конца этого мира. Что содержало в себе первое чрево? Будучи царством Божиим, содержало оно в себе дух Божий. Мир включает в себя вечное, и одновременно и сам он вечным объят. Женщина ограничена собственною кожей, а все внутри нее чрево образует. И несопоставимо ее тело с мужским, хотя и была она из мужчины сотворена. И верно, что похожа она на мужчину, ибо дан был ей образ его, но в прочем — в сущности, свойствах, природе и особенностях — она от него вполне отличается. Ибо страдает мужчина страданиями мужскими, а женщина страдает женскими, а оба они страдают как твари, Богом возлюбленные. И подтверждает это Господь двоякою медициной, им дарован-

ной нам: ибо мужская медицина предназначена мужчинам, а женская — женщинам.

Сотворил Господь человека из чрева без какой бы то ни было помощи, без всякого иного содействия. И взял он его из чрева и сделал его человеком. И более это не повторялось, поскольку вложил Господь в человека *limbus* как его природную сущность, так что стал человек и сам *limbus*, дабы мог теперь человек быть сыном человека. И когда захотел человек иметь сына, Господь предоставил ему чрево в образе женщины. И впредь для того, чтобы потомство иметь, стали нужны двое, и не может оно произведено быть ни мужчиной одним, ни женщиной одной, но только лишь мужчиною во чреве. И для этого нужны двое, и в то же время одно, и два вида плоти, а в то же время один. И означает это, что оба зачинают человека, а один этого не может сделать. И потому они два в одном, и при этом одно, хотя и двое. Потому человек и создан из *limbus*, который суть отец, но формируется, строится и наделяется всем во чреве, подобно тому, как первый

человек создан был в макрокосме, Мире Великом.

Что вызывает морские приливы? А подобно тому, как море вздымается и опускается, женщина становится матерью своего ребенка. Море суть мать воды. А поскольку женщина суть мать, производит она в себе такие реки, которые выходят из берегов каждые четыре недели. Менструальная кровь — это выделения, образуемые из того, что в женское чрево попадает, там умирает и затем оттуда извергается. Иные доктора ошибочно называют менструальную кровь цветком женщины. Но, на самом деле, цветет женщина в момент зачатия, и плод, то есть дитя, появляется так же, как это всегда с цветами бывает. Когда дерево зацветает, то всякий раз это бывает оттого, что плоды хотят созреть на нем, и ежели не скрываются в дереве никакие плоды, то не цветет оно. А согласно ложной аналогии, могла бы зацвести и девственница, но нет в ней никакого плода. Неужто не понимаешь ты, что чрево есть не что иное, как микрокосм. И чтобы родить, должно оно

быть чисто, и остается оно чисто до тех пор, пока не закончится у женщины молоко. И пока беременность длится, никаких выделений нет, ибо все пребывает в покое и ожидает своего времени. Ибо такова природа женщины, что трансформируется она, как только зачнет; и тогда во всем, что внутри нее, наступает лето, и нет ни снега, ни мороза, ни зимы, а только одно лишь удовольствие и наслаждение.

Женщина подобна дереву плодоносящему. И человек подобен плоду этого дерева. И дерево это должно быть надлежащим образом питаемо, чтобы иметь все нужное, дабы возможность у него была отдавать, ибо ради этого оно и существует. Но посмотри, как много вреда способно претерпеть дерево, и насколько меньше того способны выдержать плоды его. Настолько же женщина превосходит мужчину, ибо мужчина для нее, как плод для дерева. Плод падает, а дерево стоять продолжает. И продолжает дерево заботиться о будущих плодах на протяжении всей своей долгой жизни, следовательно, должно оно и получать больше, и стра-

дать больше, и выдерживать больше ради плодов своих, дабы созревали они лучше и в счастии. Также заметить тебе должно, что плохо для дерева, но хорошо для плодов, и что плохо для плодов, но дереву хорошо. Ибо подобное же бывает и у мужчин и женщин. А различия между маленькими мальчиками и маленькими девочками подобны различиям между плодами и их семечками.

Таким образом, микрокосм — это чрево, или Мир Малый, и содержит он в себе все минералы. И следует отсюда, что тело может лечение получать из окружающего мира; а также следует из этого, что все минералы могут приносить человеку пользу, каждый соответственно подобному себе в микрокосме. И постигается это философией, на которой медицина основывается. И когда врач говорит, что марказит, или висмут, хорош для того-то, должен знать он, что есть в большом мире марказит и есть он в человеческом микрокосме. Так философы говорят. А если желает он говорить как врач, должен он, тем не менее, сказать,

что в марказите заключена болезнь этого человека, и потому марказитом она и излечена будет. А если образуется в теле язва и разъедает она плоть, то что же это еще может быть, если не минерал? И следует отсюда, что крокусом полировальным можно эту язву заделать. Почему? Да потому, что крокус — это соль, которая язву такую вызвать может. А Ртуть излечивает язвы, которые ею же вызваны, и прочие вещества, содержащие мышьяк, действуют подобным же образом.

Сколь превосходно сделан человек, если одному лишь Богу известно, как постичь истинную его натуру, уразуметь, кто он есть, и во всех подробностях разобраться! И следует понять тебе великую вещь, а именно, что нет ничего ни в небесах, ни на земле, чего бы не было также и в человеке. Ибо трудятся в нем небесные силы. И для Бога, что в небесах, — то и в человеке. Где же еще быть небесам, как не в человеке? И все, в чем нуждаемся мы, должно быть в нас. И по этой причине известны им наши желания еще до того, как мы их выска-

жем, ибо ближе они к нашим сердцам, чем к словам нашим. Господь сотворил небеса в человеке великими и прекрасными, благими и превосходными. Ибо Бог суть в небесах своих, которые суть в человеке, ибо говорит Он нам, что Он в нас и что мы суть храм Его. И потому следует соблюдать врачу величайшую осторожность, ибо благороднейшее и величайшее творение находится в руках его.

Должны мы описать и другую половину человеческой натуры, дабы врач уразумел человека в целом. Хотя эта сторона человека и невидима, свет Природы позволяет ее разглядеть. Что бы мы, люди земли этой, знали бы о ее явлениях, если б не свет Природы, ибо делает он невидимые вещи видимыми. То, что видят наши глаза, не требует большого подтверждения, но немалые нужны доказательства для того, чтобы с невидимыми вещами обращаться, будто с видимыми. Следует знать тебе, что видимое нами — это лишь половина сущего на свете и что от того, чего не видим мы, в не меньшей мере зависят движение, суть и свой-

ства мира. И есть еще невидимая часть человека, в которой невидимая часть мира действует и находит свое подобие. Таким образом от этих двух миров два человека в одном теле получаются. Столь чудны творенья, что в свете Природы можно познать в них и то, что сделал в них Господь невидимым видимое, и то, что мы можем видеть своими глазами. Так Господь свои магналии применяет, и они суть труды Его; и такова наука света Природного, что должны мы не только глазам своим доверять, но и стремиться узнать должны и изучить явления, которых не видим мы, но которые находятся при этом прямо перед нами подобно тому, как будто столб бы стоял перед слепцом, а тот его не видел. Уразумей это из следующего примера: не видим мы цветов при лунном свете, но ясно видны они на солнце. Подобным же образом и свет Природы превосходит солнечный свет и всякую способность к зрению.

То же случается, когда слышим мы колокол в темной ночи; мы не видим колокола, но видим его действие, явленное нам через слух. И

если хотим мы узнать, чем слышимый нами звук производится, мы можем добиться этого через посредство освещения. Такой свет дает нам луна, однако он бледен, а солнце сияет много ярче. И можем мы не удовлетвориться тем, чтоб свет осветил нам плоды некоего труда и сделал их видимыми, но продолжить изыскания и уразуметь, что то, чем деяние совершаемо, превосходит плоды труда своего, и дабы увидеть его, света требуется более. И изучение деяний приводит нас к тому, кем они осуществляются. Дионисий Ареопагит понимал астрологию, но не понимал он, каково в ее свете значение Христа Распятого; не хотел он быть превзойден деянием, но уразуметь желал Творца, и потому искал он света иного и нашел его. Ибо кто взыскует, обрящет тот. И таким образом найдем мы причины болезней, источник которых в видимом теле определен быть не может, побуждая нас не говорить, будто за пределами сие нашего разумения, но разжечь огонь, дабы могли сказать мы: «доступно сие нашему разумению».

Вот почему хочу я предостеречь тебя, читатель, чтоб понимал ты правильно все заболевания, ибо если деяние видимо, то и причина его должна быть видимой. И пусть не удручает тебя то, что не все на свете ясно видно нам, но учитывай то, как много тайн у Господа нашего. И когда изучаем мы что-либо, то открывается нам, что по ошибке называли мы невидимое невидимым, ибо все на свете учит нас тому, что есть у него причина. И подобным образом дом есть плод труда и видим мы его, мастер, его построивший, есть плод труда Божия, а дом есть плод труда мастера. И понятно должно быть, что когда видим мы ясно своими глазами плоды чьего-либо труда, то можем мы узнать, чей это труд, и столь же ясно увидим этого их создателя. И в области вечного все можно узреть посредством веры, а в области вещественного все невидимое открываемо нам светом Природным.

Надлежит мне писать о явлениях природных, и когда они описаны, то многое, что было прежде тайным и понятым плохо, становит-

ся явным и понимается правильно. И подобно тому, как врач изготовить может квинтэссенцию золота и Авиценну-Софиста тем самым опозорить, так медик-мошенник может сказать: «Не природой совершаемо сие, но Асмодеем», — и будет он так заявлять и предоставит доказательства, и утонченнейшие среди врачей будут с его мнением считаться по причине невежества своего. Но как смеют они предполагать, будто известны им все силы в Природе? Ибо силы эти суть плоды божественной мудрости, и кто в силах всю эту мудрость постичь целиком, когда Писание говорит нам, сколь безгранична она, и повествует нам о величии глубины ее и таинственности. И что человек, и что его поступки все и мысли в сравнении с высочайшими вершинами, доступными созерцанию в свете Природном? Ничто. Ибо даже если бы был он выше солнца, или даже выше нового солнца, всемеро ярче, все равно не достиг бы он даже начал божественной мудрости. Ибо свет Природы — это будто крошки со стола Божия, и язычники собирали их, и Иу-

да от них отказался, а нам надлежит не отказываться от них, но подбирать их всякий раз, как они падают.

Все, что в свете Природы свое объяснение получает, должно к Первотворению касательство иметь. Ибо всякое начало суть источник, свойство и природа своего следствия, поскольку подобным подобное порождаемо. Первотворение — это небеса и земля, и не только в виде и форме своих, но и в естественных силах своих и свойствах; и человек создан был Богом по образу и подобию Своему из всего сотворенного вслед за сотворением всех вещей. И человек есть Мир Малый по форме своей, телесной субстанции, и всеми своими силами, и свойствами соответствует он Миру Великому. И носит он великое имя «микрокосма», потому что все небесные орбиты, и земная природа, и свойства водяные, и сущность воздушная ему присущи. И природа всех плодов земных, и всех минеральных руд водяных, и всех созвездий, и четырех ветров — все это также в нем присутствует. И нет ничего на

земле, чья бы природа и сила в человеке не пребывала бы. Господь сотворил человека из *limbus* по образу Своему, нет которому подобного по величию его, и изяществу, и силе. И все эти чудесные качества присущи человеку, и все силы деревьев и трав содержатся в его *мумии*, и не только лишь силы земли, но еще и силы воды, и свойства металлов, и природа марказитов, и сущность камней драгоценных. Все это в человеке есть.

И кто сможет разделить и изучить части, из которых человек складывается, тот найдет все, чего ни пожелает. Мелисса есть здесь и антимоний, то есть сурьма,— все содержится в мумии, и все это естественно, только не все еще различимо. И надлежит о микрокосмических силах говорить, и все невидимые воздействия, простым народом представляемые в виде волшебства, колдовства и сатанизма, должно объяснять, ибо все они естественны и имеют естественные причины. И должно тебе понимать двоякую природу человеческого тела, имеющего свойства воспринимаемые и невосприима-

емые, ибо и те, и те на видимое и невидимое тело свои естественные влияния оказывают.

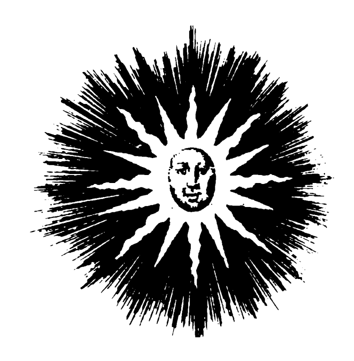
Если бы стал кто рассматривать Христово воскресение и чудеса святых как природные явления и знаки, то слова Христовы о том, что будут знамения великие, подтвердились бы. Но невежество побуждает человека считать все эти события сверхъестественными подобно тому, как побуждает оно простой народ считать врачей богами. То же касается Христа и святых, потому что неизвестно, какие свойства телам их присущи. И тело, в коем славы нет, есть не что иное, как тело природное. Колоквинт очищает, и все тайны такого рода на язычников оказывают такое же воздействие, как и на христиан. Просто Природа поступает всегда соответственно порядку своему и установлению.

Все наши качества нам внутренне присущи. А если особые свойства на свете появляются, то тело их сохраняет и после смерти. Хотя дух от тела и отделяется, внутренняя природа и свойства тела остаются лежать в зем-

ле, будто шафран в жестянке, и такими телами наделена земля также щедро, как бывает богата аптека травами в жестянках. И если бы не говорил Христос об этих знаках, у кого нашлось бы наглости искать их в Природе с таким тщанием? И кто бы проник тогда к сердцу Природы самой, из коего знаки все исходят?

Природные возможности много лучше Гиппократовых, ибо не мог он совершить ничего, на что не было указания. Природа лечит невидимо, и нет для нее различия между указанным и неуказанным. И нельзя медицину на вкус попробовать и зубами разжевать, и никто ее не видит. И поскольку никому не видна она, тело ее значения не имеет. И как Смерть может подкрасться к нам и, удушив, убить нас, так на то и медицина способна. И дело тут не в теле, но в свойствах, и потому квинтэссенция, или пятая сущность, изобретена была, и один лишь золотник ее превосходит двадцать фунтов материи, из которой была она извлечена. И чем меньше тело, тем ценней его свойства. И подобно тому, как солнце может светить

сквозь стекло, а огонь — жечь сквозь стену, так тела могут испускать невидимые воздействия на расстоянии, сами при этом в покое пребывая.

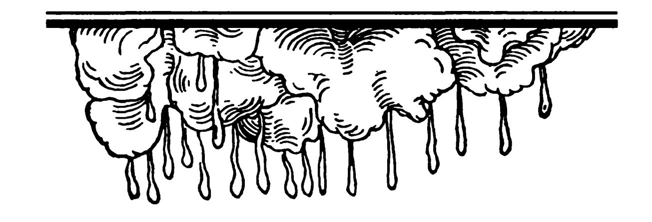

MEDICINA

Из книги

ОДИННАДЦАТЬ ТРАКТАТОВ

(1533)

Водянка

Когда тело начинает опухать ужасно, начиная со стоп к бедрам, чреслам и далее до сердца, вплоть до бровей, и опухоль продолжает увеличиваться, пока дух жизненный в теле не утонет, словно человек стал жертвой избыточного истечения, от которого тело его покрывается складками, начинает он ощущать сжатие возле сердца, кашляет и дыхание его становится кратким,— все это признаки болезни, именуемой водянкой. Наконец, моча краснеет, кожа трескается и жидкость истека-

ет, и случается с человеком жажда. У одних болезнь длится долго, у других скорее, как на то будет воля небес. Смертельный исход также случается.

Чтобы понимать причины сей болезни, должно знать о следующем: о силах небесных, земной природе и о микрокосме. О небесах — как о мастере двойственном, видимом и невидимом; о земной природе, которая есть ничто без небес; и о микрокосме как о пациенте.

Небеса и земля двойственны, но человек есть единство. Вот тому пример: земля — ничто без воли небес. Земля произрастает, приносит плоды и живет через посредство небес; а это значит, что в небесах ее жизнь, ее болезни и здоровье. И есть две земли: природа земная и человек, для которого она создана. Человек есть земля невидимая и также он есть естество земли. Небеса — двойственны: видимые небеса осуществляют свою (видимую) волю на земле, воплощаясь в дождь, мороз, росу и тому подобное, и через это земля обре-

тает жизнь. Есть также скрытые небеса, что воздействуют и на человека, и на землю.

Поскольку человек — это земля невидимая, он тоже взыскует благ и благ невидимых более всех прочих. Есть такие проявления, как дождь, роса и прочие, и есть проявления невидимые, действующие сходным образом. Подобно тому, как дождь разрушает почву, делая ее слишком влажной и затопляя ее, и человек пропитывается влагой. Такова водянка. Когда проявления болезни пропитывают микрокосм, вода под собственным весом стекает по телесным протокам, наполняя их и все прочие полости и мускулы. И в зависимости от силы проявления вода поднимается к коленям, бедрам, чреслам, желудочному тракту, все дальше и дальше вверх. Оттого, что дух жизненный пребывает в центре человека, может он утонуть, и избежать того никак не способен. Дух сопротивляется и направляет воду далее в верхние части сердца, однако слабеет.

Для того, чтобы осуществить лечение, учитывай три вещи: небеса, землю и микрокосм.

Только стихия огня может противостоять воде небес: а среди металлов — это сера. Сера способна препятствовать воздействию воды, высушивая ее, поскольку она есть солнце, которое разгоняет дождь и испаряет его капли. Когда земля пропитана влагой, избыток воды должен быть удален, дабы защитить землю от загнивания. Поскольку гниение — это распад, который невозможно обратить вспять, только стихия сухости, которая также есть огонь, способна здесь помочь. Нет ничего суше, чем крокус металлов*. Лечение водянки, таким образом, осуществляется этими двумя вещами: крокусом, иссушающим, и серой, поглощающей влагу, подобно солнцу.

Чахотка

Чахотка случается, когда тонкое тело или один из его членов начинает высыхать, внут-

* *Крокус — окись железа* — порошок красного цвета, которым полируют стекло и сталь.

ренне или внешне, и потому уменьшается и теряет вес. Касательно причин чахотки следует тебе уяснить следующее: все, что произрастает на земле, имеет свою полноту, размер и толщину, и таковые мера и вес обретаются с небес через посредство росы и дождя. Потому земля обязана небесам за то, что все имеет свой надлежащий размер. Ну а когда небеса неблагосклонны и отказывают земле в таковом питании, все сохнет и чахнет, подобно сену, и умирает от этой засухи.

Тело человека принадлежит земле, и таким образом он тоже подвержен этому воздействию. Если небеса благосклонны к нему, то вес его будет надлежащий. Но в противоположном случае вес его сократится, и он потеряет половину своей крови, или тела, или внутренних органов, или их все целиком. Человек будет сохнуть все больше с каждым днем, пока он не превратится в твердое тело или кусок древесины, потеряв все свои живительные соки. Человек создан так, что небесные воздействия больше влияют на то, толст он или худ, чем

еда и питье. Когда воздействие отсутствует совсем, ничто не произрастает, а еда и питье высыхают и испаряются. Тело человеческое подобно земле: оно плодородно летом и бесплодно зимой. А потому, что бы лето не произвело — зима его поглощает, и следующее лето должно восполнить все, что было потеряно. Зима же опять случается, и то, что выросло, поглощает. Если бы лето вновь не возвращалось, все люди бы зачахли. Но как только зима подходит к концу, приходит новое лето, и все, что поглощено было зимой, вновь растет и зеленеет. Все это происходит по воле небес, и человеку должно с этим мириться.

Каждое небесное воздействие невидимо влияет на людей. Должно понимать, что мозг, сердце и каждый прочий орган подобны странам и землям, которым нужен дождь, дабы они не высохли. Четыре наружных конечности, руки и ноги, способны отсохнуть, равно как и внутренние органы. А потому бывает чахотка сердца, печени, селезенки, легких, почек, пло-

ти, кровеносных сосудов, синовиальной жидкости*, суставов, нервов и прочего или общая чахотка всего тела. В теле есть солнце, которое высушивает и уничтожает влагу. И если дождя не будет, солнце высушит тело совершенно и вызовет чахотку.

Когда чахотка поражает сердце, возле сердца будет дрожь; если легкие — будет сухой кашель, головокружение, бледность лица, томление в печени и в почках, и моча изменится; в селезенке колет, в желчном пузыре жжет и зудит, желудок угнетен, в плоти появляются полости и впадины... Общая чахотка ведет к упадку сил постепенно, по той причине, что усыхание происходит медленно... Когда кашель в легких проходит и желудок не болит более, зато в мочевом пузыре боль возрастает, и голод и жажда усиливаются,— это признаки тяжелого выздоровления. Если ничего такого

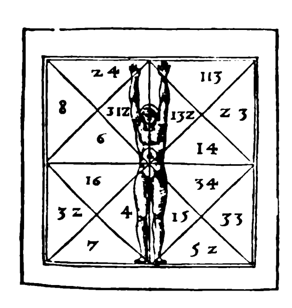
* *Синовиальная жидкость* — жидкость-смазка, находящаяся внутри суставной сумки.

нет, то можно надеяться на легкое выздоровление.

При лечении должно учитывать, дает ли микрокосмическое солнце влаги довольно, чтобы возместить ту, что оно поглощает. Принудить небеса к тому нельзя, ибо неподвластны они желаниям и устремлениям человеческим. Несмотря на это существует искусство создавать иные небеса в случае болезней людских. Они способны в руках врачевателя быть такими же могущественными, как и те, что над нами. Трава растет, устилая целые поля, подобным образом и мы должны разбрызгать воду так, чтобы она произросла подобно траве. Есть эликсир, что окропляет микрокосм росою и дождем и устраняет чахотку. Маргарит, или жемчуг, наполняет груди женщины молоком, если они усохнут, дает дождь и росу чахоточным конечностям и оказывает влияние, подобное оказываемому теми небесами, что над нами. Потому следует окропить тело тем, в чем оно нуждается и в чем небеса ему отказывают. Если такое воздействие низших небес

будет оказано посредством жемчуга, то дождь прольется и роса выпадет, и солнце в микрокосме насладится ими. Жемчуг должен быть приготовлен в виде жидкого эликсира, причем при дозировке надлежит соблюдать осторожность.

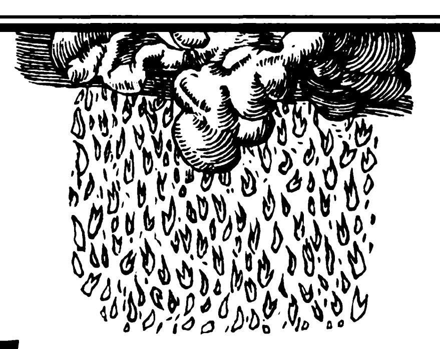
[Остальные девять трактатов посвящены желтухе, коликам, параличу, глухонемоте, глистам, запору и поносу, подагре, эпилепсии, ознобу и лихорадке. Для каждой болезни или состояния Парацельс указывает причины (основанные, главным образом, на взаимоотношениях между микрокосмом и макрокосмом), симптомы, противоречивые или ошибочные теории касательно этой болезни, объяснение процесса ее протекания и методы лечения.]

Из книги

МЕДИЦИНА ПАРАМИРУМ

(1533)

Есть *entia* (сущности), действующие первопричины, или воздействия, нашими телами управляющие и принуждающие их. Звезды обладают силой и действенностью по отношению к телу и потому имеют власть над ним, и тело всегда должно быть готово служить звездам. Это качество звезд называется *ens astrorum* (космическая сущность), и эта сущность — первая из тех, о которых пойдет речь.

Вторая сила, нами управляющая и вызывающая наши болезни — это *ens veneni* (ядовитая сущность), влияние яда. Даже когда звезды благорасположены и не наносят ущерба

нашему тонкому телу, ядовитая сущность способна вредить нам, а мы подвластны ей и неспособны защитить себя.

Третья сущность может вызвать болезни и ослабление тела, даже когда два других воздействия благотворны. Она называется *ens naturale* (природная сущность). Если она искажается или распадается, человек заболевает. И тогда многие другие болезни возникнуть могут, а может быть, все, даже если прочие сущности благотворны.

Четвертая сущность, *ens spirituale* (духовная сущность), способна наши тела разрушить и вызвать различные болезни. Но даже если все эти четыре сущности благоприятны для нас, есть еще пятая сущность, и она может вызвать болезни. Это *ens Dei* (Божия сущность). И ни одна из сущностей не заслуживает такого внимания, как эта последняя, ибо через нее постичь можно природу всех остальных заболеваний. Заметь также, что различные болезни случаются не от одной причины, но от пяти.

Звезды власти над нами не имеют, ничего нам не внушают, не вызывают у нас раздражений и ни к чему не склоняют; они свободны от нас, и мы свободны от них. Но заметь, что без небесных тел жизнь наша невозможна, ибо холод, тепло, и все, что мы едим и пьем, от них происходит, кроме одних лишь людей. Звезды для нас полезны чрезвычайно, и мы нуждаемся в них так же, как нуждаемся в холоде и тепле, еде, питье и воздухе, однако мы им не принадлежим, и они нам не принадлежат, ибо таков промысел Господень.

Неведомо, что в тверди небесной служит нам во благо. Ибо ни ясность Солнца, ни искусства Меркурия, ни красота Венеры не полезны нам; но Солнце дает нам лето, когда плоды созревают и все, что питает нас, произрастает. Подумай, однако: если дитя, рожденное под счастливейшими звездами и планетами и наделенное богатейшими из даров, в характере своем имеет качества, противоречащие благости этих даров, кого виним за это? Во всем

виновна кровь, доставшаяся ему по наследству. Не в звездах, а в крови тому причина.

Один человек превосходит другого в знаниях, богатстве или в силе. И ты приписываешь это звездам; но должно подобные мысли выбросить из головы: ибо удача коренится в способности, а способность коренится в духе. В каждом есть особый дух, согласно характеру которого в человеке развивается особый талант, и если кто упражняется в том, к чему у него талант, то и удача сопутствует ему. Этот дух зовется *Архей*, и мы не станем говорить о нем более, дабы не отступить от нашей темы. Ты говоришь также о разнообразии во внешности людей и что так много времени прошло со времен Адама, и не бывает так, чтобы один во всем походил на другого, за исключением близнецов, а если таковое случается, то это великое чудо. И ты приписываешь его небесным телам и их таинственным силам.

Должно знать тебе, что Господом определено, чтоб был особый женский пол, и до тех пор, пока через него все формы, цвета и раз-

новидности людей, коим нет числа, не появятся на свет, то родятся еще люди и пребудут, как были те, кто ныне уже мертвы. А когда будет светопреставление, то будет это означать, что все роды и разновидности людей свое воплощение получили, ибо только тогда все формы, цвета и разновидности исчерпаются и новых создать уже нельзя будет. И не воображай, будто возможно приблизить конец этого мира или какой-либо части его. Ибо когда все роды и разновидности воплотятся и ничто новое не возможно будет вызвать к жизни, лишь тогда век мира сего подойдет к концу.

Ты верно говоришь, что если б не было воздуха, то все исчезло бы. Но воздух содержится в тверди небесной, и если бы его в ней не было, то твердь небесная растаяла бы. И это мы называем *Мистериум*. Заметь, что этот *Мистериум* включает в себя все сотворенное в небесах и на земле и все стихии в них и через них сущие.

Вот пример, объясняющий, что есть *Мистериум*. Когда некие покои закрыты и заперты на замок, то запах в этих покоях происходит не от них самих, но от того, кто в них находится. Следовательно, всякий, кто войдет в эти покои, будет ощущать запах, источаемый не воздухом самим по себе, но тем, кто окажется в помещении. Теперь уясни, что под воздухом здесь мы подразумеваем *звездную сущность*. Ты заявляешь, что воздух происходит от движения небесной тверди: что мы не неподвижны, но ветер проявляет свою *метеоричность*. Воздух происходит от Всевышнего и был сотворен прежде всего; а все остальное после него сотворено было. Твердь небесная существует благодаря воздуху, равно как и все твари земные, следовательно, воздух от тверди небесной не происходит. Ибо поддерживаема она воздухом так же, как и человек; и если бы твердь небесная была неподвижна, то и воздух оставался бы недвижим. И если бы мир весь разрушен был, а твердь небесная осталась невредимой, это было бы потому, что в ней не

было бы воздуха, и потому, что весь он растаял, и тогда все человечество и все стихии исчезли бы, ибо жизнь в них воздухом поддерживаема; и сие есть *Мистериум Магнум.*

Воздух этот может перемениться и стать ядовитым, и люди будут вдыхать его, и поскольку жизнь человека от дыхания зависит, тело его охватывается тем, что содержится в *Мистериум Магнум*, и тотчас же заражается. Так, подобно тому как комната содержит воздух в себе, и *Мистериум Магнум* может содержать в себе нечто, заражающее его, остающееся в нем и никак не способное из него выйти.

А вот как надлежит тебе понимать *ens astrorum*. У звезд — своя сущность и свои свойства, подобно тому, как есть они у людей на земле. Звезды изменчивы: порой бывают хороши, порой плохи, когда добры, а когда злы. Когда бывают они добры, то никакого зла от них не бывает; но если они злы, то могут заразить. Помни, что звезды окружают землю подобно тому, как скорлупа окружает яйцо: воздух проникает через эту скорлупу и

прямо к земле направляется. Заметь также, что ядовитые звезды отравляют воздух своим ядом; и если в какое место такой отравленный воздух попадет, то сразу же приключаются в нем болезни, сообразные особенностям звезды, его заразившей; но весь воздух на земле отравленным от этого не станет, а только лишь часть его, также особенностям звезды соответственная. Подобным же образом все происходит и с благоприятными свойствами звезд. Все они есть *астральная сущность*, а именно: всевозможные выделения, испарения и выпотевания звезд, к воздуху примешивающиеся.

Отсюда происходят холод, жар, сухость, влажность и прочее, сообразно свойствам звезд. Заметь, что звезды не действуют сами по себе, но только заражают своими испарениями ту часть *Мистериума*, которая нас отравляет и ослабляет. Таким образом астральная сущность переменяет тело человека к добру или к худу. Чья кровь враждебна к подобного рода испарениям, тот заболевает. А чья природа им дружественна, тому вреда не будет.

Также и тот не пострадает, кто хорошо защищен от подобного зла, ибо превозмогает он отраву живучестью своей крови или целебными средствами, способными одолеть вредоносные небесные испарения. Заметь еще, что все творенья человеку противостоят, а человек — им противостоит: все могут ему навредить, а он ничего с ними поделать не может.

Пруд, в котором *Мистериум* благоприятен, — полон рыбы; но если стужа будет чрезмерной, то рыба вымрет, и случится это потому, что излишнее охлаждение *Мистериума* противоположно природе воды. Но холод этот происходит не от *Мистериума* самого, но от небесных тел, которым он свойственен. Солнечный жар способен воду перегреть, и рыба в этом случае также вымрет. Определенные небесные тела оказывают эти два влияния, а другие делают *Мистериум* кислым, горьким, сладким, едким, мышьячным и так далее, с сотнями различных оттенков. Всякая большая перемена в *Мистериуме* меняет и тело человека; а потому заметь, что звезды за-

ражают *Мистериум* таким образом, что мы от природных испарений заболеваем и умираем. Врачевателю не стоит этому удивляться, ибо в небесах ядов столько же, сколько и на земле.

И следует ему также помнить, что без яда болезней не бывает. Ибо с отравления всякая болезнь начинается, от отравления же заканчивается, случается она внутри тела или же в ране. И когда уразумеешь ты это, то откроется тебе, что есть более пятидесяти болезней, а кроме них еще пятьдесят, друг от друга отличных, все от мышьяка происходят; еще более того — от соли, еще более — от ртути, а от красного мышьяка и от серы — и того больше. На все это мы тебе указываем, дабы уразумел ты, что можно тщетно искать особую причину для какой-либо болезни, поскольку одна субстанция многие другие порождать способна: определи субстанцию, и тогда особая причина тебе ясна будет. И правила этого придерживайся строго: ищи субстанцию, вызывающую хворь, а не

довольствуйся видимой причиной. Правило сие практикой подтверждено.

Заметь, что некоторые из астральных сущностей, такие как красный мышьяк, отравляют одну лишь кровь; иные наносят ущерб голове, как ртутная отрава; иные — одним лишь костям и кровеносным сосудам, как соли; а у иных природа такова, что вызывают они водянку и опухоли, как аурипигмент или цветы мышьячные; а есть такие, что вызывают лихорадку, и это горькие яды.

И дабы все это уразумел ты лучше, покажем мы тебе, на какие разновидности болезни разные подразделяются.

Одни сущности, в тело проникая, там с *liquorem vitae* встречаются, и от этого в теле получаются болезни; а другие сущности вызывают воспаления и язвы, и получается это от столкновения с *virtutem expulsivam*. Вся наука здесь в знании этих двух разновидностей и заключается.

А теперь, вслед за объяснением *астральной сущности*, должно последовать объяснение *сущности ядовитой*, которая наши болезни вызывает. Известно тебе должно быть, что необходимо телам нашим такое устройство, посредством которого они питаемы и жизнь в них таким образом поддерживаема, а где такого устройства нет, там и жизни нет. И нет никакого яда в самом теле, но есть он в том, чем мы питаемся. Тело сотворено совершенным, а вот пища — нет. Все прочие животные и плоды служат нам пищей, но они же и ядовиты для нас. Однако сами по себе они не ядовиты, ибо сотворены они так же совершенно, как и мы, но ядовиты они для нас, когда употребляемы в пищу, ибо что отравляет нас, — для них вовсе ядом не является.

Поскольку все совершенно само по себе, но для других и вредно бывает, и полезно, угодно Господу, чтоб были алхимики, великим искусством отделять одно от другого владеющие, дабы все вредные яды они выбрасывали, а все

полезное в тело направляли. И подобно тому, как князь знает, как лучшие качества своих подданных использовать, а проявления худших — не допускать, так и алхимик оставляет из того, чем питаемся мы, лучшее, а все, что есть в нашей пище плохого,— исключает.

Бык ест траву, а человек ест быка. Павлин ест змей и ящериц, тварей самих по себе совершенных, но ни для кого в пищу не пригодных, за исключением одного лишь павлина. У каждого существа — своя еда и свой алхимик, отделяющий вредное от полезного. У устрицы есть алхимик, отличающий ее пищу от экскрементов. Саламандра питается огнем, и нужен ей для этого свой алхимик. Свинья ест человеческие экскременты, потому что свиной алхимик искусней человеческого и умеет выделять питание из экскрементов. А свиных экскрементов никто не ест, ибо нет в животном мире алхимика умнее свиного, и никто не умеет отделять питательное от ядовитого лучше, чем он.

Выделяет алхимик то, что для тела благо, и превращает его в тинктуру, которая, попадая

в тело человеческое плотью становится и кровью. Алхимик этот в желудке пребывает, там он трудится и всеми своими приготовлениями занимается. Вот съедает человек кусок мяса: а в нем и хорошее для него есть, и плохое. И когда достигает это мясо желудка, встречает там его алхимик и расщепляет его. И то, что здоровью не способствует, отсылает он в специальное место, а все полезное направляет туда, где в нем есть потребность. И такова воля Господня: так тело человеческое устроить, чтоб не могли яды, будучи съедены, человеку навредить. И в этом состоит сила и добродетель того алхимика, что у человека внутри.

То, что полезно во всем нашем питании, за собой яды скрывает. А значит это, что во всем присутствуют *essentia* и *venenum*: и *эссенция* нас поддерживает, а *яд* — вызывает болезни. Ибо порою алхимик свою работу выполняет не очень хорошо и отделяет полезное в нашем питании от вредного с недостаточным тщанием, и случается тогда в смеси полезного с вредным

гниение, и получается несварение. Все болезни, происходящие от *ядовитой сущности*, начинаются с несварения. И там, где пищеварение нарушено, алхимик своими инструментами владеет не вполне, и случается от этого загрязнение, а оно есть мать всех хворей, ибо тело от него отравляется. Чистую воду окрасить в любой цвет можно, а тело здесь воде подобно, и окрашивается оно в цвет гниения, а нет такого гниения, которое не случалось бы от яда.

Природная сущность заключается в следующем: астрономии известны влияния, небесная твердь и все небесные тела, и объясняет она звезды, планеты и природу небес до малейших деталей; а в человеке есть точно такие же созвездия и небесная твердь. И не станем мы возражать против того, чтоб назвать человека микрокосмом, однако понимать это нужно правильно. Равно как твердь небесная и созвездия в небе свободны и независимы, так и человек устроен совершенно независимо и ничем не связан. Но есть два творения: одно в не-

бесах и на земле, а другое — в человеке. Земля приносит плоды для того, чтобы в человеке жизнь поддерживать. Но как созревают плоды в мире, так они зреют и в человеке. И как земля существует ради одного того, чтобы человека питать, так и тело человеческое только лишь для этого и сотворено. И все питание, необходимое органам, произрастает в самом теле, и растительность эта подобна плодам земли. Но должно тебе уразуметь, что тело питает одни только конечности, ибо остальные органы есть его планеты и в питании не нуждаются. А тело — двойственно, и одновременно оно земное и небесное.

И две природы есть у человека: одна сама себя питает, а другая взыскует пищи. И есть в теле часть, которой питание не требуется, и это есть небеса тела. А вот *корпус* земле подобен, и из него происходит питание, потребляемое четырьмя конечностями. А есть еще у тела внешнее соединение, посредством которого питание внутрь тела снаружи поступает; и такое питание одним лишь *корпусом* потребляе-

мо подобно тому, как потребляет земля навоз, коим ее удобряют. И не приносит это питание плодов, и не умножает оно семени, но лишь поддерживает оно субстанцию тела и доставляет ему удовольствие. Вот чем питание человеку полезно.

Есть у тела семь органов, которые не испытывают никакой потребности в питании, но подобны они семи планетам, которые питают себя сами, и ничего ни друг у друга, ни у звезд не приемлют. Одна из этих планет — Юпитер, и не нуждается он в удобрении для поддержания жизни в своем теле, ибо обеспечен был он всем необходимым при творении. И подобным образом не нуждается в питании и человеческая печень. И так же, как понимаем мы печень и планету Юпитер, должно понимать, что мозг — это Луна, сердце — это Солнце, селезенка — это Сатурн, легкие — это Меркурий, а почки — это Венера. И так же, как мы понимаем движение в небесах, так понимать нужно и естественное движение в теле. И ес-

ли не понимаешь ты этого, то не сможешь ты уразуметь сущности естественных заболеваний, вызванных *природными сущностями*.

Когда дитя на свет рождается, то одновременно с ним и твердь его небесная, и семь самостоятельных органов, планетам подобных, также возникают. При рождении младенца небесам требуется предопределение, а именно то, как долго сущность природная в них действовать будет. И примером тому могут служить песочные часы, должно которые установить, чтобы песок в них на протяжении некоего времени бежал. И когда это сделано, знаем мы срок, за который весь песок истечет. И Природе подобным же образом известно, когда *природная сущность* в теле подойдет к своему концу. И в течение этого срока, от рождения до предопределенного конца, творческая природная сущность понуждает все телесные планеты свой совершить полный оборот. И ежели ребенку предопределено прожить всего десять часов, то его телесные планеты каждая свой

полный оборот совершат, так же как если бы прожил он сто лет. А телесные планеты столетнего человека, в свою очередь, столько же раз оборачиваются вокруг своей оси, сколько и у младенца, прожившего всего один час, но только делают это намного медленней.

А еще неправильно будет связывать средства, которыми тело исцеляет свои болезни, происходящие от *природных сущностей*, со звездами и их движениями. И когда заболеет тело через свои *природные сущности*, то очищаться оно будет своими собственными средствами, сообразными собственному кругообращению, а не небесному. И соответственно природным сущностям, Сатурн никак не влияет на селезенку, а селезенка с Сатурном ничего поделать не может. И человек живет своей жизнью от рождения и до предопределенного ему конца, а небеса — своей. Но если кто знает, каково небесное предопределение, то узнает он и предопределение человеческое. Но только Богу одному известно, какова всего сущего

конечная цель. Заметь однако, что все возрастания, соединения, противостояния и прочее тому подобное имеют место не вещественно, а спиритуально и на уровне организации всего воплощаются, но не в изменениях телесных. Ибо быстрота круговращения телесного ни возрастания, ни уменьшения субстанции не допускает. И протяженней время астрономическое, нежели короткое время человеческое.

А теперь, когда обсудили мы движения звезд и элементов физического тела, приступим к описанию четырех соков телесных: холерического, сангвинического, меланхолического и флегматического. Как бы то ни было, отвергаем мы традиционное учение о том, что якобы они происходят от звезд или же от стихий. Есть в теле, равно как и в мире окружающем, четыре оттенка: кислый, сладкий, горький и соленый. И эти четыре оттенка всему на свете присущи, однако в человеке лишь они воплощаются. Холерический, или желчный, происходит от горечи и всего, что есть на свете горького, горячего и сухого. Меланхолический суть кислота, и происходит он от всего

холодного и сухого. Флегматический оттенок есть мокрота и сладость, и что сладко — то холодно и влажно. А сангвинический коренится в крови соленой и происходит от того, что горячо и влажно. Эти четыре жизненных сока в теле обретаются. И когда соленое в человеке преобладает,— это сангвиник, когда горькое — это холерик, если кислое — то меланхолик, а если сладкое — то флегматик. И оттенков четыре, но преобладает лишь один. И в соответствии с наблюдениями этими, в движениях телесных четыре типа круговращения выделить можно: небесный, стихийный, круговращение видов и круговорот соков. А все болезни, природными сущностями вызываемые, также на четыре разновидности можно поделить: сидерические, они же хронические; элементальные, они же острые или тяжелые; внешние, они же *morbi naturales*, природные недуги; и недуги от соков жизненных случающиеся, они же болезни оттенков.

Болезни бывают двух видов: материальные поражают тело, а нематериальные — дух.

Этот последний же невидим и неощутим, но от болезней страдает так же, как и тело. Причины болезней духа зовутся спиритуальными, или же духовными сущностями, потому что тело ничего с ними поделать не может. Но не забывай, что когда дух страдает, то и тело страдает вместе с ним, ибо в теле дух себя проявляет.

Есть тело и есть дух, и предназначение духа — поддерживать в теле жизнь, наподобие того, как воздух не дает людям задохнуться. Дух человеческий ощутим и видим для других духов. И имеют они отношения с прочими духами, подобно тому как и тела имеют отношения друг с другом. У меня есть дух, и у другого человека также есть дух, и духи наши также знают друг друга, как и мы с этим человеком, и разговаривают они между собою, но не при помощи такой речи, как у нас, но своей, особой. И бывает так, что один дух становится на другой сердит, и может тогда один другому навредить. И ущерб в этом случае будет духу нанесен, однако поскольку дух размещен в те-

ле, то и тело пострадает и заболеет, и болезнь будет не физическая, ибо не является она следствием воздействия физической сущности, но духовной, и потому помочь здесь может только спиритуальная медицина.

Два способа есть, какими дух может в теле болезнь вызвать. Первый — это когда духи ущерб друг другу наносят безо всякого на то желания и воли человека; но есть и еще один, и должно о нем знать — это когда один человек вредит другому и происходит это через объединение сил мысли, чувства и воли. Эта воля, направленная и непреклонная, есть мать духа. И если желаю я изо всех сил навредить кому-либо, то сила воли, творенье духа моего, начнет действовать против духа указанного человека. И пострадает он телесно, только боль происходить не в теле будет, а в духе. И точно так же возможно и единоборство двух духов, и один может над другим победу одержать. И если соперник мой передо мной не устоял, то это потому, что дух его не был столь

пылко возбужден против меня, как мой против него.

Известно тебе, что если восковую фигуру другого человека закопать и придавить камнями, то человек этот начнет испытывать боль в тех местах, где камни лежат, и не поправится до тех пор, пока не снимут груз с фигуры. И если ногу сломать у фигуры, то и человек сломает ногу; то же касается ножевых и прочих ран и других подобных вещей. Такова сила некромантии. И дело тут в том, что духу одного человека дух другого наносит ущерб. Тело ран не получает, однако они им ощущаемы и видны ему. Их дух вызывает. И потому, дабы тело излечить, тебе следует не на него стремиться повлиять, а на дух.

Тебе следует также знать, что во многих людях болезнь может быть вызвана при помощи одной лишь силы воли безо всяких фигур и прочих средств. Такое получается, когда люди в подобных делах не искушены, однако обладают волею настолько сильной, что способны возбудиться и вызвать в духе другого челове-

ка болезнь. И происходит это посредством сна, когда их помышления о ком-то другом воплощаются и дух одного приходит во сне к духу другого и наносит ущерб при помощи слов, которые в сознании при этом не запечатлеваются.

До этого мы писали обо всем, будто язычники и в языческой манере, и потому теперь поведем мы речь об ens Dei, Божией сущности, и потому нас более нельзя будет обвинить в язычестве. Ибо вышеописанное представляло собою случай использования языческого в согласии с Природой и тем, что Господом нашим нам предопределено. И хотя все заболевания и происходят от Природы и четырех сущностей, тем не менее следует их излечения искать не в Природе, но в религиозной вере. Об этом и пойдет сейчас речь. И следует тебе знать, что именно здесь следует искать тебе основы целительства, и здесь истинная медицина будет тебе открыта.

И здоровье, и недуги все от Бога происходят, а не от человека. Болезни человеческие следует подразделять на две части: естественные и искупительные. Естественные заболевания происходят от первой, второй, третьей и четвертой сущностей, а от пятой происходят наказания. Когда наказывает нас Господь, то в болезнях наших явлен нам пример или же урок, напоминающий нам, что все наши знания суть ничто. Но для того, чтоб имели мы возможность этот урок усвоить, дает нам Господь и возможность излечиться от недугов наших, так же как дает Он нам здоровье наше и нездоровье.

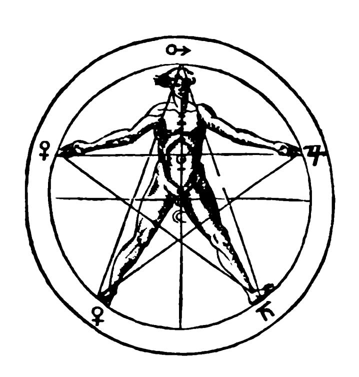
Тут заметить следует, что все болезни следует лечить своевременно, а не тогда, когда нам пожелается или заблагорассудится. А это значит, что не может врач знать времени нашего выздоровления, ибо все пребывает в руце Господней. Ибо всякая болезнь суть наказание, а потому ни один врач не может излечить ее, пока не прекратит это наказание Бог. И должен врач в трудах своих помнить о

предопределенности этого наказания. И учитывая, что всякое заболевание суть наказание, врач должен понимать, что он не может определить ни времени выздоровления, ни срока, когда его лечение подействует. И может быть целитель столь хорош и столь искусен, сколь ему пожелается, но прежде, чем излечит он больного, час для этого излечения должен пробить. Создал Господь медицину, дабы сражалась она с болезнями, а также создал Он и врачей, но не имеют они на пациента никакого воздействия до тех пор, пока время не настает, когда Природа и искусство вмешаться смогут в ход событий. И никак не ранее того.

Господь без людей ничего не делает. Если совершает Он чудо, то происходит оно через людей, а именно через врачей. Но поскольку два рода врачей существует, и одни из них лечат чудесным образом, а другие с помощью медицины, прежде всего понимать следует, что чудеса совершает лишь тот, кто верует. Но раз вера не столь сильна среди людей, а срок наказания ко времени излечения истечь дол-

жен, то врачеватель понимает: что бы ни совершил Господь чудесным образом, должна для того в больном быть сильна вера.

Ибо истинное искусство — это разум, мудрость и рассудок, и упорядочивает оно те истины, которые опыт открывает; а тем, кто за воображение свое лишь держатся, не на что опереться, кроме одних только формул, свое отживших и пустых, как тебе должно быть хорошо известно.

DE NATURA
RERUM

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ
(1537)

Книга, повествующая о порождении естественных вещей

Все, что естественно, порождается двояким образом: бывает это от Природы и безо всякого Искусства, а бывает благодаря Искусству, например, алхимическому, хотя, как правило, следует говорить о том, что получается нечто из земли посредством разложения. Ибо разложение есть высочайшая степень и первопричина порождения. А разложение от жара влажного происходит. Ибо от посто-

янного влажного жара все в природе трансмутирует из своей первоначальной формы и сущности вместе со своими качествами и особенностями в нечто иное. Ибо как разложение в кишечнике приводит к трансмутации всяческой пищи в помет, так разложение в сосуде, безо всякого участия кишок, вызывает трансмутацию всего из одной формы в другую, из одной сущности в другую, из одного качества в другое, из одного цвета в другой, из одного запаха в другой, из одного набора свойств в другой, одним словом,— из одного в другое. Ибо известно и опытом повседневным доказано, что многие вещи, здоровые и целебные, после своего разложения становятся дурными, нездоровыми и даже ядовитыми.

А потому, с другой стороны, немало существует вещей, дурных, нездоровых, ядовитых и вредных, которых разложение делает хорошими, и теряют они свое злое действие, и становятся они целебными. Ибо великое воздействие оказывает на вещи разложение, и хороший тому пример дает нам Святое Евангелие, где

Христос говорит нам: «Если зерно пшеничное не посадить в поле, и не разложится оно там, то не принесет оно плода сторичного». И потому следует знать, что есть на свете вещи, которые через разложение преумножаются, и притом таким образом, что приносят прекрасные плоды. Ибо разложение — это изменение и смерть всего на свете и разрушение первичной сущности всех естественных предметов, и от него происходит восстановление и новое рождение, в десять тысяч раз лучшее, чем прежде.

А потому разложение — это первый шаг и начальный этап воспроизводства, и чрезвычайно необходимо понимать этот процесс как следует. И есть у разложения много разновидностей, и есть среди них такие, что способствуют воспроизводству лучше, нежели другие, и есть такие, что делают его быстрее, чем другие. Мы также сказали уже, что жар и влага представляют собой первый уровень и начало разложения, который порождает все, подобно тому, как курица порождает яйца. И потому

в разложении и через него все становится клейкой слизью и живой материей, чем бы оно ни стало впоследствии. Пример тому яйцо, где содержится влажная слизь, которая от продолжительного воздействия жара разлагается и обретает жизнь в живом цыпленке; и жар этот не обязательно от курицы происходить должен, но и от любого подобного источника. Ибо с помощью такого жара яйца могут созреть в сосуде или же в золе и стать живыми птицами. И любой человек может привести яйцо к зрелости своими собственными руками и произвести на свет цыплят так же, как это делает курица.

И следует тут отметить еще следующее. Если живую птицу запечатать в сосуде из тыквы и зарыть в золу с огнем третьего уровня, и затем разложить ее самой высокой степенью разложения в *venter equinus** так, что она превратится в клейкую слизь, и слизь эта снова может созреть, и восстановленная и об-

* *Venter equinus* — лошадиный навоз (*лат.*).

новленная, станет вновь живой птицей, и слизь, птицу породившая, вновь обретет свое вместилище. Так мертвых можно оживить через восстановление и очищение, которые есть великое и совершенное чудо Природы. И с помощью описанного процесса любых птиц можно убивать и вновь возвращать к жизни.

И это величайшее и прекраснейшее чудо и мистерия Господня, откровенная Богом смертному человеку. Ибо должен ты знать, что таким путем и людей можно создавать без естественных отца и матери; а именно, не естественным путем от женщины, но искусством и мастерством опытного Алхимика может быть рожден человек и выращен, как это будет далее описано.

Никоим образом не должно нам забывать о сотворении *гомункулов*. Ибо существует в этом вопросе некая истина, хотя и на протяжении долгого времени содержавшаяся в самой оккультной форме и тайно, тем временем как среди прежних Философов не было в этом во-

просе и малейшего сомнения касательно того, возможно ли для Природы и Искусства, чтоб человек был получен без женского тела и естественного чрева. И далее утверждаю я, что никоим образом не противоречит это Алхимическому Искусству и Природе, а наоборот, вполне возможно. Дай человеческому семени разлагаться самостоятельно в запечатанном сосуде из тыквы через высочайшее разложение *venter equinus* в течении сорока дней, либо же до тех пор, пока не начнет она жить, шевелиться или приходить в движение каким-либо иным образом, что легко заметно станет. То, что получится, будет в некоторой степени как человек, но при этом прозрачно и тела лишено. И если после этого ежедневно питать его и вскармливать терпеливо и осмотрительно эликсиром человеческой крови и так содержать его на протяжении сорока недель, согревая его постоянно и равномерно теплом *venter equinus*, то получится затем настоящее живое дитя, все члены которого такие же, как у ребенка, рожденного женщиной, только намного

меньшего размера. Оно называется гомункулом; и следует его затем воспитывать с величайшим старанием и усердием, пока не вырастет оно и не начнет выказывать разумность. И сие есть один из величайших секретов, открытых Господом смертному и грешному человеку. И это есть чудо и диво Господне, эликсир эликсиров, и надлежит хранить его в тайне до последних времен, когда не станет более ничего скрытого и все на свете сделается явным.

Также необходимо упомянуть и о воспроизводстве металлов, но поскольку достаточно было нами написано в нашей книге *Воспроизводство металлов*, здесь мы коснемся его лишь вкратце и только в одном моменте, в той книге опущенном.

Знай же, все семь металлов порождаемы тремя веществами, а именно: Ртутью, Серой и Солью, но только лишь с явственными и своеобразными расцветками. И в этом отношении истинно сказал Гермес, что все семь металлов

созданы и составлены из трех субстанций, и подобным образом образованы также *Тинктуры* и *Философский Камень*. И назвал он субстанции эти: Дух, Душа и Тело. Но не дал он указания, как это следует понимать и что он имел под этим в виду, хотя возможно вполне, что знал он о трех принципах, но не упомянул о них. А потому не говорю я, будто он ошибался, но что умолчал он.

А теперь, дабы были поняты должным образом эти три принципа, а именно: дух, душа и тело, скажем, что означают они не что иное, как Ртуть, Серу и Соль, которыми все семь металлов порождаются. Ибо Ртуть — это дух, Сера — это душа, а Соль — это тело. Металл, соединяющий дух и тело, о котором говорит Гермес,— это душа, которая на самом деле есть Сера. Она соединяет две противоположности, тело и дух, и превращает их в единую субстанцию. Но это не должно понимать так, будто бы из любой Ртути, из любой Серы и любой Соли искусство Алхимии и огонь способны породить семь металлов или же Тинк-

туру и Философский Камень, поскольку эти семь металлов должны порождаться в горах *Археем* земли. Алхимику же легче произвести трансмутацию металлов, нежели породить или изготовить их. Тем не менее живая Ртуть суть мать всех металлов и потому заслуживает имени *Матери Металлов*.

Книга, повествующая о созревании и росте всего в природе

Достаточно понятно и всякому хорошо известно, что все на свете растет и созревает через тепло и влагу, и ясный пример тому дает солнце после дождя. Никто не сможет отрицать того, что дождь делает землю плодородной, и все должны признать, что всякий плод вызревает на солнце. И поскольку, по Божественному установлению, подобное возможно в Природе, кто станет возражать или откажется поверить в то, что подобную силу может обрести человек, если терпеливо и тща-

тельно овладеет он Искусством Алхимии, и сможет тогда бесплодное сделать плодородным, незрелое зрелым и заставить все что угодно преумножаться и расти?

Писание говорит нам, что Бог подчинил все сотворенное Им человеку и передал ему как бы в собственность, чтоб он всем пользоваться мог для своих надобностей и чтоб владел он и рыбами морскими, и птицами небесными, и всем на свете без исключения. И потому надлежит человеку радоваться, ибо просветил его Господь и одарил его таким образом, что все творения Божии вынуждены ему подчиняться и принадлежать, в особенности же земля, вместе со всем, что ею порождаемо, всеми, кто живет и передвигается на ней и в ней. И поскольку видим мы собственными своими глазами, что чем чаще и изобильнее дождь увлажняет землю, а солнце высушивает ее вновь своим теплом и сиянием, тем скорее плоды ее растут и созревают. И поскольку все эти плоды способны подобным образом расти и созревать вне зависимости от времени года, пусть не

удивляется никто тому, что алхимик может, при помощи разнообразнейших пропитываний и возгонок осуществлять подобное. Ибо что есть дождь, как не пропитывание земли? И что есть тепло и сияние солнца, как не процесс возгонки, экстрагирующий влагу? И потому говорю я, что с помощью таких действий возможно среди зимы из семян и корней и при помощи земли и воды выращивать зеленые травы, цветы и плоды. А если это возможно с травами и цветами, то и с другими подобными вещами тоже, такими, как, к примеру, все минералы. И несовершенные металлы потому могут созреть с помощью минеральной воды через искусство и усердие опытного алхимика. Так, все колчеданы, граниты, цинки, мышьяки, тальки, висмуты, сурьма и прочие содержат в себе незрелые Солнце и Луну и с помощью только лишь возгонки и пропитывания могут дозреть и сравняться с золотом и серебром.

Подобным же образом дозревать и совершенствоваться могут Эликсиры и Тинктуры металлов.

Возможно также для опытного алхимика своим искусством и усердием воздействовать и на золото таким образом, что прорастет оно в сосуде из тыквы многочисленными чудесными ветвями и листьями, и эксперимент этот будет в немалой степени удивителен и для глаза очень приятен. Для этого проделай следующее. Пусть золото кальцинируется при помощи *царской водки*, пока не превратится в меловую известь; помести ее в сосуд из тыквы и залей хорошей и свежей царской водкой, а также водой более, чем на четыре пальца. Экстрагируй затем третьей степенью огня, пока возгонка не прекратится. Потом вновь залей полученной водой и опять экстрагируй так же, как и прежде. Делай так, пока не увидишь, что Солнце взошло в сосуде и проросло в форме дерева со многими ветвями и листьями. Так от Солнца получается прекрасный и дивный кустарник, алхимиками именуемый Золотым Растением, или Философским Древом. С прочими металлами проделывать надлежит то же самое, за исключением того, что кальцинацию в некоторых случаях нужно производить ина-

че, и *крепкая водка* может также потребоваться другая. Однако в этих подробностях ты, ежели опытен в Алхимическом Искусстве, сумеешь разобраться самостоятельно.

Книга, повествующая о жизни в природе

Никто отрицать не сможет того, что воздух дает жизнь всему телесному и субстанциальному, что земля рождает и производит. А что касается того, какова и какого рода жизнь бывает, следует знать, что жизнь есть не что иное, как духовная сущность, вещь не видимая и не осязаемая, а духовная и сама по себе собственно дух. И нет в ней ничего телесного, но скрывается в теле дух и жизнь, которая, как мы уже сказали, сама есть не что иное, как вещь духовная.

Но не только то живо, что движется и совершает действия, как люди, животные, черви в земле, птицы под небесами, рыбы в море, но и все, что есть телесного и субстанциального

на свете. Ибо следует нам знать, что Господь в начале творения всех вещей не создал такого тела, чтоб не имело оно своего духа и чтоб не содержало оно этот дух в себе неким оккультным образом. Ибо что есть тело без духа? Совсем ничего.

И так устроено, что дух заключает в себе качество и силу предмета, а вовсе не тело. Ибо в теле есть смерть, и тело смертно, и нечего в теле искать, кроме смерти. Ибо тело разрушено может быть самыми разнообразными способами, а дух не может, ибо всегда он живым остается и жизнь от него неотъемлема. Также он и в теле жизнь поддерживает, а при отделении тела от него остается оно само по себе и умирает, и возвращается туда, откуда оно взялось, а именно в хаос и в воздух верхнего и нижнего небесных сводов.

А потому очевидно, что духи бывают разных видов, подобно тому, как разными бывают тела. Есть духи небесные и духи преисподней, человеческие духи и духи металлов, духи солей, самоцветов и колчеданов, духи мышьяков, на-

питков, корней, жидкостей, плоти, крови, костей и прочего. А потому следует тебе знать, что дух есть самое истина жизни и бальзам всего телесного. А теперь мы перейдем к его видам, и опишем в подробностях, хотя и как возможно кратко, жизнь всякой вещи в природе.

Итак, жизнь всех людей есть не что иное, как некий астральный бальзам, бальзамическое воздействие, огонь небесный и невидимый и воздух, в нем содержащийся, а также дух соли, что примешалась. А точнее я определить ее не способен, хотя могут быть предложены и другие определения. Однако самое главное и наилучшее — вышеуказанное, а об остальных, менее важных, мы умолчим.

Жизнь металлов суть скрытая жирность, которую они получают от Серы. Это видно при их плавлении, ибо все, что расплавляется огнем, делает это за счет своей скрытой жирности. И если бы это было не так, то ни один металл нельзя бы было привести в жидкое текучее состояние, как это мы можем наблюдать в случае с железом и сталью, в которых мень-

ше Серы, чем во всех остальных металлах, и жирность их меньше, а потому они имеют более сухую природу, нежели прочие металлы.

Жизнь Ртути — не что иное, как внутренний жар и внешний холод. А это значит, что изнутри она дает тепло, а снаружи — охлаждает; и в этом отношении уместно уподобить ее одеянию из меха, которое, подобно Ртути вызывает и тепло и холод. Ибо если человек наденет одеяние такого рода, то оно согреет его и защитит его от холода; но если он оденет его мехом к своему обнаженному телу, то одеяние охладит его и защитит от чрезмерной жары. И так сложилось, что еще с самых древних времен и даже вплоть до наших дней плащи из меха носят и летом, и зимой, и в равной степени для защиты от холода, и от жары; и летом их носят мехом наружу, а стороной, лишенной меха,— внутрь, но холодной зимней порою их надевают мехом внутрь, а наружу — лишенной меха стороной. И как обстоит дело с меховой одеждой, так обстоит оно и с Ртутью.

Жизнь Серы суть горючая, зловонная жирность. И покуда она пребывает в горении и распространяет вокруг свой дурной запах, можно говорить о том, что она жива.

Жизнь всех солей суть не что иное, как дух *крепкой водки*: ибо если воду от них отделить, на дне останется то, что зовется мертвой землею.

Жизнь самоцветов и кораллов заключается, скорее, в их цвете, который может быть у них отнят посредством духа вина. Жизнь жемчужин — в их яркости, которую теряют они при кальцинации. Жизнь магнита есть дух железа, который можно экстрагировать и отделить очищенным *vinum ardens**, или духом вина.

Жизнь кремней представляет собою слизь. Жизнь колчеданов, талька, кобальта, цинка, гранитов, висмута (или грубого олова) — это металлический дух сурьмы, который обладает способностью передаваться. У мышьяка, аурипигмента, серного мышьяка, реальгара и по-

* *Vinum ardens* — букв. «огненное вино», т. е. этиловый спирт (*лат.*).

добных веществ жизнь суть сгущенный в минерале яд.

Жизнь волнообразных субстанций, таких как помет человека и животных,— в их сильном и зловонном запахе. Когда он уходит — они умирают.

Жизнь ароматических субстанций, а именно: мускуса, амбры, цибетина и прочих веществ, источающих сильный, сладкий и приятный аромат, есть не что иное, как сам их приятный запах. Потеряв его, они становятся мертвы и бесполезны.

Жизнь сладких веществ, таких как сахар, мед, манна, кассия и прочих подобных им,— в их нежной сладости и способности передавать ее; ибо сладость может быть отделена возгонкой или очисткой, и тогда эти вещества умирают, теряют свой смысл и всякую ценность.

Жизнь смол, таких как караба, терпентин или камедь — это блестящая склизкая жирность. Из них получаются прекрасные лаки; когда теряют они свою способность и перестают блестеть, то умирают.

Жизнь трав, корешков, яблок и прочих плодов подобного рода есть не что иное, как влага земная, которую они немедленно теряют, как только их лишают доступа к земле и воде.

Жизнь дерева — это некая смола. Дерево, лишенное смолы, не может более расти.

Жизнь костей суть жидкая *mumia*. Жизнь плоти и крови заключается не в чем ином, как в духе Соли, который защищает их от зловония и гноя, а прекращается она, когда у них забирают воду.

Что касается жизни стихий, необходимо тут сказать следующее. Жизнь воды — в ее течении. Когда она затвердевает под воздействием холода небес и превращается в лед, она умирает и вся сила, способная причинить вред комулибо, уходит из нее, поскольку никто тогда не сможет в ней утонуть.

Так, жизнь огня суть воздух, ибо воздух заставляет огонь пылать сильней и порывистей. От всякого огня исходит воздух, способный затушить свечу или поднять легкое перышко, что каждый своими глазами

пронаблюдать может. И потому всякий живой огонь, ежели закрыть его или лишить его возможности испускать воздух, задохнется и умрет.

Воздух живет сам собой и дает жизнь всем другим вещам. Земля, однако, сама по себе мертва, но ее собственная стихия — это невидимая и оккультная жизнь.

Книга, повествующая о смерти в природе

Смерть всех вещей в природе есть не что иное, как изменение и лишение присущих им сил и качеств, исчезновение способностей их к добру и злу, поражение и разрушение их прежней природы и возникновение новой, иной природы. Ибо следует знать, что много есть вещей, которые живыми хороши, однако когда мертвы, сохраняют в себе совсем немного хорошего, а то и совсем ничего, и оказываются совершенно бесполезными и бессильными. С другой стороны, многие вещи при жизни злы,

но при смерти, либо же когда уже умерщвлены, проявляют разнообразнейшие способности и полезность и немало приносят добра. И много можно насчитать тому примеров, но перечисление их не входит в цели нашего повествования.

Но дабы мог ты увидеть, что я не просто свое мнение высказываю, хотя бы и правдоподобное, а опираюсь на опыт, будет уместно, если приведу я один пример, который станет ответом и поучением тем софистам, что утверждают, будто от мертвых не может быть никакой пользы, и ничего в них нельзя ни искать, ни находить. А заявляют они так потому, что не ценят ни во что алхимических приготовлений, через которые многие тайны открываются. Ибо взгляни на Ртуть, на живую и необработанную Серу, сырую сурьму: когда добывают их в шахтах, то, несмотря на то, что они живы, как мало их действие, как слабо и медлительно проявляют они свои свойства. Действительно, более зла от них, нежели добра, и скорее ядами можно их назвать, нежели лекарствами. Но искусство опытного алхими-

ка и тщательные приготовления возвращают их к их первоначальным субстанциям (а в отношении Ртути следует произвести сгущение, осаждение, возгонку, полученное разложить на части и превратить в масло; в отношении Серы должно осуществить возгонку, кальцинацию, расплавить полученное и превратить в масло; подобным же образом надлежит поступать и с Венерой — вслед за возгонкой ее и кальцинацией надо расплавить полученное и превратить в масло), и тогда можешь ты убедиться, что столь велика и полезна сила и столь скоро действие, ими производимое, что невозможно ни описать это в полной мере, ни высказать словами. Ибо невозможно исследовать все их многочисленные свойства, и не сможет никто изучить их во всем их многообразии. Поэтому каждому алхимику и каждому настоящему врачу следует всю свою жизнь посвящать исследованию этих трех веществ, до самой смерти своей ими заниматься и время свое им посвящать. И наверняка они с лихвой возместят ему потраченные на них силы, время и средства.

Книга, повествующая о возвращении к жизни

Восстановление и оживление отнюдь не являются в природе вещей чем-либо маловажным, а, напротив, представляют собой тайну, великую и глубокую, скорее божественную и ангелическую, чем человеческую и природную. Следует, однако, в этом вопросе к моим словам отнестись с величайшим вниманием и понимать меня никоим иным образом, кроме как в точности так, как я говорю, и как Природа нам ясно и ежедневно показывает, а опыт доказывает; ибо так лишь смогу я не пасть жертвой лжи и непонимания со стороны моих врагов, вздорных докторов, которые постоянно на мой счет ошибочно судят, как если бы я претендовал на то, чтоб присвоить себе какие-либо божественные возможности или же приписать Природе нечто, ей вовсе не свойственное. И потому требуются здесь самые тщательные исследования, ибо Смерть двояка бывает, а именно — насильственная и самопроизвольная. И от одной оживление возможно, а от

другой — нет. И не верь софистам, которые утверждают, будто нечто однажды умершее или умерщвленное, вновь быть оживлено не может, и относятся к восстановлению и оживлению пренебрежительно; ибо велика ошибка их. Что бы ни скончалось своею естественной смертью и что бы ни было умерщвлено Природой в соответствии с ее предопределением, истинно и верно то, что лишь Господь один способен это воскресить, или же сделать это можно по Его повелению. И что Природа поглотит, то человек восстановить не способен. Но что человеком разрушено, то человеком же и может быть исправлено, а после того как исправлено, может быть и вновь поломано. И ни на что более человек по устройству своему не способен, и ежели кто заявляет, что способен на большее, то посягает он на то, что состоит в ведении Божием, и труд его будет напрасный и без толку, ежели только Господь не пребудет с ним или не будет в нем веры такой, что горы двигать способна. А для такого человека такие и даже большие чудеса оказываются возможны, ибо рассказывает Писание,

что Сам Христос сказал: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "перейди отсюда туда", и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас».

Однако возвратимся к нашему утверждению. В чем разница между тем, чтоб умереть и быть умерщвленным, и в каком из этих двух случаев возможно оживление? Следует понимать это так. Что бы ни умерло само по себе, заканчивает оно свой век в соответствии с тем, что ему предначертано и с Божиим повелением и соизволением. Однако смерть случается еще и от многочисленных болезней и несчастных случаев, в нет от нее тогда никаких средств для восстановления, и нет также средств, способных охранить от предопределенного конца. Но то, что умерщвлено было, то может быть вновь восстановлено и оживлено, и подтверждается это многочисленными доказательствами, приводимыми в нашей книге.

А потому есть величайшая разница между тем, чтоб умереть и быть умерщвленным, и не следует полагать, будто бы это лишь два названия для одного и того же. В действитель-

ности эти два понятия различаются так сильно, как только возможно.

Рассмотрим случай, когда человек умер естественной и предопределенной смертью. Какие в нем сохраняются польза и благо? Никаких. Способен он лишь пищею служить червям. Но не таков случай, когда зарублен человек мечом или умер иной насильственной смертью. Все тело его полезно и хорошо и может быть превращено в чрезвычайно ценную *мумию*. Ибо несмотря на то, что дух жизни вышел вон из такого тела, бальзам в нем сохраняется, и жизнь скрыта в нем; и это воистину так, ибо бальзам обладает способностью к сохранению человеческих тел.

Так же и с металлами: когда видишь ты, что металл покрывается ржавчиной, то значит он скоро умрет; и если все его целое заржавеет, то весь он и умирает, и подобную ржавчину никогда не удастся вновь в металл превратить, но лишь в прах без всякого металла. Мертв он как таковой: нет в нем более бальзама жизни, и прекратил он свое существование.

Книга, повествующая об обозначении вещей

Первейшая задача этой книги,— философствуя об обозначении вещей, сформулировать, как они обозначаются, кто обозначает их и сколько знаков насчитывается. Да будет тебе прежде всего известно, что знаки трех видов бывают. Первые — это знаки человеческие; вторые — знаки Архея*; третьи — божественные звезды. Таким образом, только трое обозначать способны: человек, Архей и звезды. Более того, следует заметить, что знаки человеческие основываются на совершенстве знания и суждения об оккультном, а также на понимании оккультных сил и скрытых способностей.

Звездные знаки являют нам пророчества и предзнаменования. Они указывают нам на

* *Архей* (*греч.* старец) каббалистический термин, относящийся к старейшему проявленному божеству; термин, используемый в «Каббале». В системе Парацельса верховный дух, регулирующий принцип организма в целом и отдельных органов.

силу сверхъестественных вещей и открывают нам истинные суждения в геомантии, хиромантии, гидромантии, пиромантии, некромантии, астрономии, искусстве Бериллистики и других астральных искусствах.

А теперь, дабы могли мы объяснить все знаки так точно и так кратко, как только можно, прежде всего необходимо нам рассказать о тех, что человеком назначаемы. И когда они поняты будут, тогда и другие уразуметь станет возможно, будь они естественные или же сверхъестественные. Например, известно, что иудеи носят желтый знак на плащах или иной одежде. И это не что иное, как знак, по которому всякий, кто их видит, узнает о том, что они иудеи. Подобным образом ликторов узнаем мы по двуцветным туникам или нарукавным повязкам. Всякий магистрат также наделяет своих служителей одеждой особого цвета и некими особыми же украшениями.

Механик подписывает свою работу своим особым знаком, дабы каждый мог понять, кто ее изготовил. И какую иную цель может пре-

следовать гонец, изображая герб своего господина на своем одеянии, кроме как сообщить окружающим о том, что он посланец, что служит он тому или иному господину и что движется он из того или иного места и желает таким образом обезопасить свой путь.

Потому и солдат носит знак или символ, черный, белый, зеленый, синий или красный, чтоб отличить его возможно было от врага. И чтобы видно было, что сражается он на стороне Цезаря или иного короля, что он итальянец или же галл, и т. д. Есть знаки, что обозначают ранг и звание, и много прочих можно еще перечислять.

Об астральных знаках в физиогномике человека

Физиогномические знаки происходят от звезд небесных. Мудрец может звездами повелевать и не подчиняется им. Напротив, звезды мудрому подчиняются и вынуждены покориться ему, а он от них свободен. Звезды

отдают приказы животному человеку и принуждают его; и куда они ведут его, туда он должен следовать, как вор следует к виселице, а разбойник — к плахе, рыбак — к рыбам, птицелов — к птицам, а охотник — к зверям диким.

И есть тому причина, и заключается она в том, что человек не знает и не способен оценить себя и свои собственные силы и уразуметь, что он есть малая вселенная и что целые небеса со всеми своими силами и свойствами в нем скрыто содержатся. И потому такого человека зовут животным, или глупцом и рабом всего земного, а ведь он, тем не менее, получил от Господа Всемогущего привилегию править всем на свете и всеми творениями повелевать, а не подчиняться им. И для того сотворен человек был последним, а все прочее к тому моменту уже было создано. И это право его впоследствии было им утеряно, и случилось это после Грехопадения. Но мудрость человеческая — не рабская, и не потерял человек своей свободы. И потому верно, что звезды должны ему подчиняться, а не он им.

И дабы постичь это, следует помнить, что звезды бывают двух родов: земные и небесные. Первые принадлежат безумию, а вторые — мудрости. И поскольку два мира существуют, меньший и больший, и если больший меньшему покоряется, то звезда микрокосмическая правит небесною и повелевает ей. Бог сотворил планеты и звезды не затем, чтоб они управляли человеком, но затем, чтоб они, подобно всем прочим твореньям, ему служили и покорялись. И хотя высшие звезды дают человеку свое предрасположение и наделяют человека и другие земные существа при рождении своими знаками, все же их власть и господство суть ничто, за исключением одного лишь предопределенного указания и звания, в котором ничего оккультного и тайного не содержится, но внутренняя сила внешними знаками только лишь направляется.

Но возвратимся к нашему утверждению касательно физических знаков человеческих: знай, что они двух видов бывают, и воистину эти их разновидности сходны во внешней своей форме и различны в силе своей и действии.

Одни из них происходят от высших звезд небесных, а иные — от низших звезд микрокосмических. Всякая высшая звезда наделяет свой знак при рождении и вплоть до достижения среднего возраста. И этот знак дает предопределение и обладает своей особенной силой. Это предопределение подтверждается природою человека и условиями его жизни. Но все, что низшая микрокосмическая звезда обозначает при рождении, имеет свое происхождение в отце и матери, и часто мать на свое дитя влияет через свое воображение или склонности свои, или страхи, или ужасы, и наделяет его сверхъестественными знаками из-за того, что находятся они в чрезвычайной близости. И называются такие знаки родимыми, или утробными.

О том говорили мы прежде, а потому избавляем себя от труда повторять одно и то же, поскольку здесь речь ведется об одних лишь физиогномических знаках, среди которых интересуют нас те, каких ни отец, ни мать человека не имели. К знакам такого рода могут относиться такие, как черные или серые глаза,

слишком большие или слишком маленькие; нос крючком, слишком длинный или заостренный; ямки на подбородке, высокие скулы, плоский или широкий нос, большие или маленькие уши, длинная шея, вытянутое лицо, рот большой или с опущенными вниз углами, волосы слишком жесткие или слишком мягкие, изобильные или скудные, черные, белые или рыжие, и прочие. Ежели какой один из этих знаков, или сразу несколько, у человека проявляются, то следует быть уверенным, что обладает он некими качествами, с этими знаками связанными. И судить об этих качествах может лишь тот, кто руководствуется законами физиогномики и сведущ в искусстве толкования знаков, согласно которому можно о человеке составить мнение по внешним знакам.

Перейдем теперь к практической части нашего предмета, а для того повторим, какие могут быть знаки и что они обозначают.

Черные глаза не только обозначают здоровую конституцию, но также, что еще важнее, твердость ума, свободного от сомнений и стра-

ха, здорового и искреннего, верного и добродетельного.

Серые глаза суть признак искусного человека, неустойчивого и противоречивого. Если же глаза видят плохо (неопределенного цвета), то обладатель их — мудрый советчик, умный и глубокий в суждениях. Блестящие глаза, глядящие то вверх, то вниз, то в стороны, принадлежат человеку умному, но лживому, недоверчивому, вероломному, работы сторонящемуся, всяческих удобств постоянно взыскующему, жизнь свою в праздности проводить желающему через игру, ростовщичество, воровство, непристойность и прочее подобное.

Маленькие глаза, глубоко посаженные, означают слабость зрения и часто слепоту в старости. И в то же время они есть признак смелого человека, воинственного, хитрого и ловкого, стойко выносящего невзгоды, из жизни уходящего, как правило, трагически.

Большие, особенно выпученные, глаза — признак алчного, ненасытного человека.

Глаза, постоянно моргающие, означают слабость зрения, или же робость и застенчивость

их обладателя. Глаза, что бегают туда-сюда под взглядами других людей,— признак влюбчивости, предусмотрительности и изобретательности.

Глаза, постоянно опущенные, показывают, что обладатель их — человек скромный и почтительный.

Красные глаза — признак человека дерзкого и смелого.

Глаза сверкающие, двигающиеся неспешно, указывают на героя, человека благородного, храброго, деятельного, для врагов своих опасного.

А большие уши обозначают хороший слух, цепкую память, внимательность, усердие, здоровье мозга и головы.

Об астральных знаках хиромантии

Что касается знаков хиромантии, тут следует знать, что происходят они от высших звезд семи планет, и потому от планет и зна-

ния об этих знаках следует получать. Потому как хиромантия — это наука, не только изучающая человеческие руки и по имеющимся на них линиям и складкам суждения свои выносящая, но и уделяющая свое внимание всем травам, деревьям, камням, землям и рекам — одним словом, всему, на чем имеются линии, прожилки и складки.

О знаках минералов

Минералы и металлы, в отличие от огня и сухого вещества, выказывают собою признаки и знаки, полученные ими однажды от Архея и от высших звезд, и род каждого проявляется в цветовых и прочих различиях. Минерал золота отличается от минерала серебра. А минерал серебра отличается от минерала меди. Минерал меди отличен от минерала железа. А минерал железа — не такой, как минералы олова и свинца. И так же обстоит со всеми прочими.

Никто не сможет отрицать, что с помощью хиромантии все минералы и их руды, скрытые в тайных местах под землей, можно распознать по их внешним знакам. Это хиромантия залежей, жил и месторождений, через которую не только местонахождение их в наружных знаках открывается, но и точная глубина и богатство месторождения также выявляются. Через эту хиромантию три вещи познаются, а именно: возраст, глубина и ширина жилы, таким же образом, как это мы познаем в растениях. Ибо чем старше жила, тем богаче металлом будет шахта.

В данном случае, дабы раскрыть предмет нашего нынешнего исследования, я перейду к самому краткому изложению того, какова хиромантия залежей и месторождений. Чем глубже и шире залежь, тем она старше. Когда участок жилы растягивается на долгое расстояние, а потом вдруг прерывается — это плохой знак. Ибо если жила в каком-то направлении прерывается, то и залежь прерывиста, и это проявляется и в ее глубине. Хотя порою хорошие

залежи обнаруживаются на очень большой глубине, они, как правило, пропадают и далее, и их оказывается невозможно разрабатывать без чрезмерного расхода почвы. А там, где жилы прирастают за счет добавочных пород или каким иным образом часто прерываются, то это счастливый знак, говорящий о том, что жила хороша не только на поверхности, но возрастает по мере углубления и умножается, и шахта в таком месте оказывается богатой, обильные запасы в себе содержащей.

О некоторых особенных знаках вещей естественных и сверхъестественных

А теперь должны мы надлежащим образом рассказать о неких особенных знаках, касательно которых до сего времени ничего еще не было сказано. Всякому, кто желает гордиться своим знанием знаков и стать хочет их толкователем, при чтении этого трактата чрезвы-

чайно необходимо будет правильно уразуметь сказанное далее. И будем мы здесь речь вести не о теории, но о практике, и выскажем нашу точку зрения как можно короче, дабы проще было ее понять.

Прежде всего, знай, что искусство толкования знаков учит нас всем вещам давать их истинные и подлинные имена. Прежде нас их верно и во всей полноте уразумел Прародитель Адам. И после Творения дал он свое надлежащее имя всему: животным, деревьям, корешкам, камням, минералам, металлам, водам и прочему, равно как и всем остальным плодам земли, воды, воздуха и огня. И все имена, им данные, Господом Богом были подтверждены и закреплены. И теперь имена эти имеют истинное и сокровенное основание, и надо касательно них не просто точку зрения иметь, но выводить ее из предопределенного знания, которое и есть искусство обозначения. Адам этим искусством первым овладел.

Воистину, кто станет сомневаться в том, что подлинные имена происходят из еврейского языка и присвоены каждой вещи в соответ-

ствии с ее природой и состоянием. Имена, что даны по-еврейски, тем самым, как присвоены они, показывают качество, особенность и действие всякой вещи. Так, когда говорим мы: «Это свинья, лошадь, корова, медведь, собака, лиса, овца и т. д.», то имя «свинья» обозначает нечистое и грязное животное. «Лошадь» означает животное скромное и терпеливое; «корова» — прожорливое и ненасытное; «медведь» — животное сильное, отважное и неукротимое; «лисица» — хитрое и лукавое; «собака» — вероломное по своей природе; «овца» — спокойное, безобидное и полезное. А потому случается иной раз, что человека называют «свиньей» за то, что низок он и живет по-свински; «лошадью» — за выносливость его, если выделяется у него это качество более всех остальных; «коровой» — когда неутомим он в еде и питье и не знает умеренности его утроба; «медведем» — если он больше и сильнее прочих людей; «лисицей» — когда хитер он и непостоянен, и приспособиться умеет ко всему, и никого старается не обижать; «собакой» — если не верен он сказанному им и во-

обще проявляет вероломство по отношению ко всем; «овцой» — если не вредит он никому на свете, кроме себя самого, и более полезен всем остальным, нежели себе.

Но есть и другие знаки, еще более достойные нашего внимания. Такие, к примеру, как те, что Архей оставляет на пуповине зародыша в виде перетяжек, по которым можно сказать, сколько у матери детей уже было, а сколько еще будет.

Архей же обозначает рога оленя-самца ветвями, по которым можно определять возраст этого животного. Сколько ветвей рога эти имеют — столько лет оленю. Ибо добавляется по ветви к рогам каждый год, и так сосчитать можно, что оленю двадцать или тридцать лет.

Подобным же образом помечает Архей коровьи рога кольцами, по которым определять можно, сколько корова родила телят. Каждое кольцо означает одного теленка.

Архей же устроил так, что зубы у лошадей растут особым образом, и в течение первых семи лет жизни лошади ее возраст можно точ-

но определить по ее зубам. Когда жеребенок рождается, у него четырнадцать зубов, из которых выпадают у него по два каждый год, так что за семь лет всех их лошадь лишается. И по этой причине о возрасте лошади, которой более семи лет, может судить только человек чрезвычайно умелый и опытный.

Архей же помещает на языках свиней волдыри, по которым можно судить об их нечистоте. Если свиной язык скверен, таково и все тело.

Он же обозначает облака различными цветами, дабы бури небесные можно было предсказывать.

Также он помечает особыми цветами диск луны, и каждый цвет имеет свое истолкование. Краснота обозначает, что скоро ветер будет, а зелень или чернота — что дождь. А если смешались цвета, то ветер с дождем. А море представляет собой знак, который пророчит, как правило, бури и штормы. Ясность и чистая белизна — хороший знак, особенно в отношении океана. Ибо предсказывают они, по большей части, погоду тихую и спокойную.

Карл Густав Юнг
ПАРАЦЕЛЬС
ПАРАЦЕЛЬС
КАК ВРАЧ

ПАРАЦЕЛЬС

Доклад, прочитанный на собрании Литературного клуба города Цюриха у дома, где родился Парацельс, у «Моста дьявола» близ города Айнзидельн в июне 1929 г.

Этот странный человек — Филипп Ауреол Бомбаст фон Гогенгейм, известный под именем Теофраста Парацельса, родился здесь 10 ноября 1493 года. Его средневековый и тем не менее столь свободомыслящий дух, наверное, не поставит нам в вину то, что, с достаточной учтивостью вспоминая обычаи его времени, мы сначала бросим беглый взгляд на Солнце, его крестного отца. Его Солнце стояло в знаке Скорпиона; согласно старой традиции — это хороший знак для врачей, мастеров ядов и лечения. Повелителем Скорпиона является гордый и бранелюбивый Марс, придающий сильному воинственную смелость, а слабому — задиристость и желчность. И вся жизнь Парацельса, действительно, подтверждает этот гороскоп.

Глядя теперь с неба на землю, где он родился, мы видим его родительский дом в глубокой, пустынной долине в лесной тени, окруженный темными возвышениями гор, со всех сторон охватывающих болотистые пространства холмов и долин, исполненных меланхолического уединения. Вблизи, навевая предчувствия, высятся более крупные вершины Альп; мощь Земли здесь, очевидно, превышает произвол человека и угрожающе энергично удерживает его в ложбине, навязывая ему свою волю. Здесь, где природа величественнее человека, никому не удастся уйти от нее. Холод воды, твердость камня, узловатость и вязкость лесных корней и крутизна склонов формируют в душе родившегося здесь нечто такое, что действует с неукротимой жизненной силой; и это придает швейцарцу упрямство, стойкость, неповоротливость и природную гордость, которую лестно либо нелестно для него по-разному толковали как независимость или упрямство. («Швейцарцы характеризуются благородным духом свободы, но также некоторой малоприятной холодностью»,— как писал однажды некий француз.)

Отец Солнце и мать Земля были, кажется, более подлинными родителями характера Парацельса,

чем его создатели по крови. Ведь Парацельс не был (во всяком случае, по отцовской линии) швейцарцем, а был швабом, сыном Вильгельма Бомбаста, внебрачного потомка Георга Бомбаста фон Гогенгейма, гроссмейстера Ордена св. Иоанна. Но рожденный в кругу волшебного влияния Альп, в сердце могучей земли, которая, невзирая на кровь, сделала его своим по закону местоположения, Парацельс по характеру вышел швейцарцем.

Его мать происходила из города Айнзидельн; о ее влиянии на сына ничего не известно. Отец же его был натурой проблематичной. Он пришел в эту землю как врач и осел в этом каньоне, в этом медвежьем углу на пути паломников. Что дало ему, рожденному вне брака, право пользоваться дворянским именем отца? Чувствуется душевная трагедия внебрачного сына: мрачный, одинокий, бесправный человек, в замкнутости лесной долины отстраняющийся от своей родины с затаенной обидой и все же с неосознаваемой, болезненной страстью получающий сведения от паломников о внешнем мире, в который он не собирается возвращаться. Дворянская жизнь и далекий мир были в его крови и остались там погребенными. В душевном отношении ничто сильнее не действует на человеческое окру-

жение, особенно на детей, чем непрожитая жизнь родителей. От такого отца мы вправе ожидать сильнейшего противоречивого воздействия на молодого Парацельса.

Великая, более того — единственная любовь связывает его с отцом. Это единственный человек, которого он вспоминает с любовью. Столь верный сын будет платить по долгам отца. Все, от чего отказался отец, превратится у сына в тщеславные притязания. Затаенная обида и неизбежные переживания неполноценности отца сделают сына мстителем за отцовские невзгоды. Он поднимет свой меч против всякого авторитета и будет бороться против всего, на что претендуют potestas patris* как соперники его отца. То, что утратил или от чего отказался отец,— успех и славу имени, жизнь и независимость в далеком мире,— сын должен обрести вновь, и по трагическому закону он должен порвать даже со своими друзьями, что будет неизбежным следствием роковой привязанности к единственному другу, отцу, ибо судьба тяжко карает душевную эндогамию.

Как это нередко бывает, природа плохо вооружила для роли мстителя именно его: ведь вместо

* Властители (*лат.*).

героического образа бунтаря она дала ему лишь приблизительно полутораметровый рост, болезненный вид, слишком короткую верхнюю губу, не до конца прикрывающую зубы (признак, который нередко встречается у нервных людей), и таз, женственность которого показалась поразительной, когда в XIX веке его останки эксгумировали в городе Зальцбурге*.

Ходила даже молва, будто он был евнухом, но, по моим сведениям, этому нет убедительных доказательств. Впрочем, любовь, кажется, так никогда и не вплела розы в его земное бытие, а ее пресловутые шипы для него были излишними, так как его характер и без того был колючим.

Едва достигнув возраста, позволяющего носить оружие, маленький мужчина стал препоясываться особенно крупным мечом и расставался с ним очень редко, тем более что в шаровидной рукояти меча он хранил содержащие опий пилюли, свой *arcanum* — эликсир. Вооруженный таким образом, он — фигура, не лишенная комизма,— отправился в неслыханные, фантастические путешествия, зано-

* Парацельс умер 24 сентября 1541 г. в Зальцбурге, где был похоронен на кладбище св. Себастьяна «среди бедных из богадельни».

сившие его в Германию, Францию, Италию, Нидерланды, Данию, Швецию и Россию. Будучи своеобразным чудотворцем, почти вторым Аполлонием Тианским, он, согласно легенде, путешествовал также по Африке и Азии, где якобы открыл для себя наиболее великие тайны. Он никогда не предавался регулярным занятиям, ибо подчинение любому авторитету было для него табу. Он был selfmade man*, который весьма характерно выбрал своим девизом: «Alterius non sit, qui suus esse potest»** — настоящий и подлинный швейцарский девиз. Все, что приключилось с Парацельсом в его путешествиях, навсегда останется загадкой, но, вероятно, с ним часто происходило примерно то же, что в Базеле. В 1525 году он, будучи уже знаменитым врачом, был призван в Базель городским советом (последний, вероятно, действовал под влиянием одного из тех приступов исторической непредвзятости, которые в течение веков порою повторялись, о чем в XIX веке свидетельствует назначение профессором юноши Ницше). Это

* Человек, «сделавший самого себя», добившийся чего-либо самостоятельно (*англ.*).

** «Пусть не принадлежит другому тот, кто может принадлежать самому себе» (*лат.*).

приглашение имело несколько постыдный подтекст, так как Европа в ту пору страдала от сифилиса, беспрецедентно распространившегося после Неапольской кампании. Парацельс занимал место городского врача и в этой должности не соответствовал ни вкусам университета, ни представлениям высокочтимой публики. Там он вызвал скандал тем, что читал лекции на языке слуг и служанок, т. е. на немецком, у публики — тем, что появлялся на улице не в служебном одеянии, а в лаборантском халате. Для своих коллег он был самым ненавистным человеком, и за его медицинскими работами не признавали никаких достоинств. Его обзывали «сумасшедшей бычьей головой» и «лесным ослом из Айнзидельна». А он отвечал тем же и, подобно им, на изысканно грубом языке — зрелище весьма неприглядное.

В Базеле его настигла неизбежная судьба, оставившая глубокий след в его жизни: он потерял своего друга и любимого ученика, гуманиста Иоганна Опорина, который, однако, его предал и тем самым предоставил его противникам более сильное оружие. Сам Опорин затем жалел о своей неверности, но было поздно. Ущерб был уже невозместим. Но ничто не могло укротить сварливый, дерзкий и склочный нрав Парацельса, напротив, такое

предательство еще усилило эти его свойства. Вскоре он вновь отправился в путешествие, оставаясь бедняком и часто опускаясь до попрошайничества.

В тридцать восемь лет его произведения претерпевают характерное изменение: наряду с медицинскими положениями в них появляются философские. «Философские», правда, не совсем верное обозначение для его духовных продуктов. Их, скорее, следовало бы назвать «гностическими». Во второй половине жизни с ним происходит та странная душевная перемена, которую можно назвать обращением перспективы душевной жизни. Лишь у немногих людей это тонкое изменение явственно выступает как обращение. У большинства оно, как и все главные события жизни, остается за порогом сознания. У великих умов такое изменение обнаруживается в форме превращения интеллекта в своего рода спекулятивную и интуитивную духовность, как мы это, например, видим у Ньютона, Сведенборга и Ницше, если назвать только эти три великих имени. У Парацельса напряженное пространство между противоположностями не столь велико, но все же бросается в глаза.

Итак, после описания внешности и недостатков личной жизни мы переходим к Парацельсу как ду-

ховному существу и вступаем в мир идей, который современному человеку, если только он не обладает очень специальными знаниями в сфере именно позднесредневековой духовной ситуации, должен показаться весьма темным и запутанным. Прежде всего — несмотря на свое уважение к Лютеру — Парацельс умер добрым католиком, в удивительнейшем противоречии со своей языческой философией. Нельзя, наверное, считать, что католицизм был для него просто стилем жизни. Он был для него столь само собой разумеющейся и попросту непостижимой данностью, что даже не стал предметом размышлений, иначе произошло бы опасное столкновение с церковью и с его собственной душой. Парацельс, очевидно, принадлежал к числу тех людей, у которых интеллект находится в одном ящике стола, а душа — в другом, так что они могут интеллектуально смело размышлять, никогда не впадая в опасность столкнуться со своей чувственной верой. Ведь это явное облегчение, когда одной руке не дано знать о том, что творит другая. Желание знать, что было бы, если бы они столкнулись,— праздное любопытство. В ту пору они, по большей части, не сталкивались, и в этом признак того странного времени, столь же загадочного, как

душевное состояние какого-нибудь папы Александра VI и всего высшего духовенства периода чинквеченто. Когда из церковной ограды вновь вырывается смеющееся язычество искусства, а за завесой схоластической философии оживает античное язычество духа, оживает в возрождении неоплатонизма и натурфилософии. Среди представителей этого движения гуманист Марсилио Фичино повлиял своим неоплатонизмом как на Парацельса, так и на многие другие восходящие и «современные» умы той поры. Ничто так не характеризует взрывное, бунтарское и чреватое будущим умонастроение того времени, которое, далеко обгоняя протестантизм, предвосхитило XIX века, как посвящение книги Агриппы Неттесгеймского «De incertitudine et vanitate scientiarum» (1527 г.):

Nullis hie parcel Agrippa,
contemnit, scit, nescit, flet, ridet,
irascitur, insectatur, carpit omnia,
ipse philosophus, daemon, heros, deus et omnia*.

*«Этот Агриппа никого не щадит; он презирает, знает, не знает, плачет, смеется, гневается, ругает, растрепывает все; он сам философ, демон, герой, бог и все» (*лат.*).

Наступило Новое время, опасно приблизилось ниспровержение авторитетов христианской церкви, и тем самым исчезла метафизическая уверенность человека эпохи готики. И подобно тому как в романских странах в каждой форме вновь прорывается античность, в варварских германских странах вместо отсутствующей античной ступени на передний план вырывается примитивное непосредственное переживание духовности, представленное во многих индивидуальных формах и ступенях у великих и своеобразных мыслителей и поэтов, таких, как Майстер Экхарт, Агриппа, Парацельс, Ангелус Силезиус и Якоб Бёме. Свое варварское, но изначально сильное своеобразие все они выражают через выходящий за рамки традиции, отвергающий авторитеты, нарочито своевольный язык. Наряду с Бёме Парацельс был, пожалуй, самым большим бунтарем. Его философская терминология настолько произвольна в своей индивидуальности, что по странности и темноте во много крат превосходит даже гностические «слова силы».

Высшим космогоническим принципом, его гностическим «демиургом» был *Илиастр*, или *Хюастр*, гибридное словесное новообразование из hyle («материя») и astrum («созвездие»). Это понятие

можно было бы перевести как «космическое вещество». Это нечто подобное hen* Пифагора и Эмпедокла или heimarmene** стоиков, примитивное понимание первовещества или первосилы. Греко-латинская форма означает, видимо, не более чем соответствующий времени стиль выражения, культурное одеяние для примитивной первоидеи, которая привлекала и досократиков, хотя Парацельс вовсе не обязательно унаследовал ее от них. Ведь эти изначальные образы принадлежат человечеству вообще и могут автохтонно вновь возникать в любой голове независимо от времени и места. Для их воспроизведения требуются лишь благоприятные обстоятельства. Подходящим моментом для этого всегда оказывается крушение мировоззрения, уносящего с собой все те формы и образы, которые когда-то считались окончательным ответом на великие загадки жизни и мира. Психологическому правилу это даже вполне соответствует, когда все вырванные с корнями боги обрушиваются на человека и он восклицает: «Ipse philosophus, daemon, heros, deus et omnia»,

* Единое (*греч.*).
** Судьба (*греч.*).

а если начинает уходить религия, которая возвеличивает дух, то взамен этого во внутреннем переживании становится осознанным первообраз творческого вещества.

В крайнюю противоположность христианскому мировоззрению высший принцип Парацельса вполне материалистичен. Лишь на втором месте у него идет нечто духовное, а именно вышедшие из вещества anima mundi*, ideos, или ides**, mysterium magnum***, или «Limbus major», спиритуалистическая сущность, невидимая и неосязаемая вещь». Для него в ней все содержится в форме платоновских идей, архетипов,— зерно, посеянное, вероятно, Марсилио Фичино. Limbus — это один круг. Анимистически оживотворенный мир — больший круг, человек есть limbus minor, меньший круг. Он — микрокосм. Поэтому внутри все — как и вовне, внизу — как наверху. Между всеми вещами в большем и меньшем кругах царит соответствие, correspondentia,— воззрение, которое потом, в учении Сведенборга о homo maximus, перерастает в гигантскую антро-

* Мировая душа (*лат.*).

** Идеи (*лат.*).

*** Великое таинство (*лат.*).

поморфизацию универсума. Но в более примитивном воззрении Парацельса антропоморфизм отсутствует. Для него человек, как и мир, является живым вещественным агрегатом — воззрение, кровнородственное научному мышлению XIX века, с той единственной разницей, что Парацельс мыслит пока не мертво, химико-механистически, а примитивно анимистически. Его природа кишит ведьмами, инкубами, суккубами, чертями, сильфидами и ундинами. Живой душевный опыт для него еще оживлен природой. Его еще не настигла душевная смерть в виде научного материализма, но он прокладывает путь к этому концу. Он еще анимист, в соответствии с примитивностью своего мышления, и все же уже материалист. Вещество как нечто абсолютно разделенное в пространстве — естественнейший враг всякой концентрации живого, означающей душу. Скоро мир ундин и сильфид придет к концу, и лишь в эпоху расцвета души они вновь будут праздновать свое возрождение, заставляя потом удивляться, как можно было когда-либо забыть столь старые истины. Но конечно, гораздо проще считать, что то, что непонятно, не существует.

Мир Парацельса как в большом, так и в малом состоит из живых частиц, из entia. Даже болезни

для него entia, так же как есть ens astrorum, veneni, naturale, spirituale и deale. Тогдашнюю великую эпидемию чумы он в письме императору объяснил как действие суккубов, родившихся в домах терпимости. Ens также «спиритуалистическая сущность», поэтому он говорит в «Книге Paragranum»: «Болезни не есть corpora, поэтому дух должен быть использован против духа». Под этим Парацельс подразумевает, что, согласно учению о correspondentia, каждому ens morbi соответствует arcanum природы, например, растение или минерал, являющийся специфическим средством от этой болезни. Поэтому он обозначал болезни не клинически или анатомически, а по специфическим средствам их лечения. Были, например, «тартарические» болезни, а именно такие, которые вылечиваются своим соответствующим arcanum, в данном случае tartarus. Поэтому он высоко ценил учение о сигнатурах, которое, кажется, было одним из главных принципов тогдашней народной медицины (т. е. акушерок, фельдшеров, ведьм, знахарей и палачей). Согласно этому учению, например, растения, листья которого похожи на руку, хороши от болезни рук и т. д.

Болезнь для него — «естественный рост, духовное, жизненное семя». Можно наверняка сказать,

что для Парацельса болезнь была чем-то необходимо существующим, собственным производным человеческой жизни, а не ненавистным инородным телом, каким она выступает для нас. Поэтому болезнь и родственна имеющимся в природе и составляющим ее arcana, которые точно так же необходимы и принадлежат природе, как болезни человеку. Самый современный врач здесь пожал бы руку Парацельсу и сказал бы ему: «Я считаю, правда, что это не совсем так, но все-таки примерно так же». На свой лад он верно считает, что весь мир — аптека, а наилучший аптекарь — Бог.

Парацельс — ум, типичный для одной из великих переходных эпох. Его ищущий и борющийся интеллект только освободился от спиритуалистического мировоззрения, к которому еще тяготеет его душа. Extra ecclesiam nulla salus* — это положение в высшей степени верно для того духовного изменения, которое переживает каждый, кто вырывается из легендарного круга освященных стариной образов, закрывавших его познавательный горизонт в качестве истин в последней инстанции: он утрачивает все успокоительные и спасительные

* Вне церкви нет исцеления (*лат.*).

предрассудки, для него мир рухнул и еще ничего не известно о новом порядке вещей. Он стал совсем бедным, неразумным, как малое дитя, которое еще ничего не знает о новом мире и лишь с трудом и смутно припоминает то, о чем древнейший опыт человечества говорит ему в его крови. Всякий авторитет для него потерян, и он должен построить новый мир из средств собственного опыта.

В дальних странствиях, не отвергая даже самых мутных источников, Парацельс черпал свой опыт как редкостный прагматик. И подобно тому как он без предрассудков притягивал к себе первоэлементы внешнего опыта, он черпал из первобытных темнот своей души основные философские идеи своего творчества. Он вывел на поверхность древнеязыческое, симулируя крайнее суеверие грубого народа. Христианский спиритуализм превратился у негог в свою доисторическую праформу, в анимизм первобытного человека, и схоластический духовный склад Парацельса создал из этого философию, которая приблизилась не к христианскому праобразу, а к мышлению наиболее ненавистных врагов церкви — гностиков.

Как и каждому бескомпромиссному новатору, отвергающему авторитет и традицию, ему грозил

возврат к тому, от чего когда-то отказались, и тем самым смертельный и чисто деструктивный застой. Но, скорее всего, благодаря тому, что пока его интеллект устремлялся вдаль и возвращался к древнейшему прошлому, его душа придерживалась традиционных ценностей,— полный регресс не состоялся. И, пожалуй, благодаря этому нестерпимому противоречию регресс превратился в прогресс. Он не отверг духа, в который верил, но возвел рядом с ним противоположный принцип материальной субстанции: земля в противовес небу, природа в противовес духу. Поэтому он не стал слепым разрушителем, полумошенническим гением, как Агриппа, а стал отцом естественных наук, пионером нового духа, за что наше время ценит его по праву.

Но, пожалуй, он покачал бы головой на том свете как раз по поводу того, что его современные поклонники больше всего ценят в нем. Не панпсихизм был его заветным открытием (скорее, он был остатком первобытной participation mystique* с природой), а материя и ее свойства. Состояние сознания его времени и тогдашний уровень познания не позволили ему даже увидеть человека вне природ-

* Мистическая сопричастность (*фр.*).

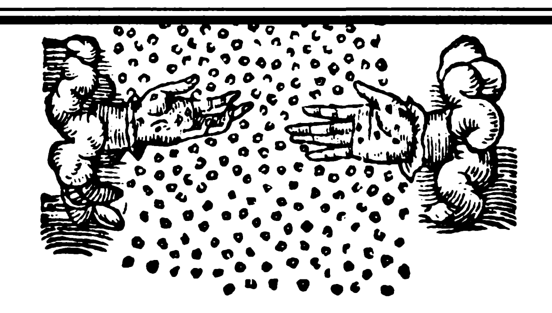
ного целого. Этот момент был зарезервирован для XIX века. Неразрывная и неосознанная связь человека и мира для него была еще абсолютной данностью, с которой его ум стал бороться оружием научной эмпирии.

Современная медицина, которая не может больше понимать душу как простой придаток тела и поэтому все больше начинает учитывать так называемый «психический фактор», в определенном смысле вновь приближается к парацельсовскому представлению об одушевленной материи, в результате чего сам духовный образ Парацельса освещается поновому. Подобно тому как Парацельс когда-то стал первопроходцем медицинской науки, сегодня он для нас, кажется, становится символом важного изменения нашего воззрения как на сущность болезней, так и на сущность живого вообще.

II. ПАРАЦЕЛЬС КАК ВРАЧ

Доклад, прочитанный по случаю 400-й годовщины со дня смерти Парацельса на ежегодном собрании Швейцарского историко-медицинского общества 7 сентября 1941 г. в Базеле

Кто более или менее знаком с произведениями того великого врача, о котором мы сегодня вспоминаем, понимает, что в одном выступлении просто невозможно даже с приблизительной полнотой изложить все то, что сделало его имя бессмертным. Он был подобен мощному урагану, который сорвал с места и собрал в одну кучу все, что только двигалось. Как извергающийся вулкан, он смешивал и разрушал, но также оплодотворял и оживлял.

Невозможно воздать ему по заслугам: его всегда можно либо переоценить, либо недооценить, и потому мы всегда остаемся недовольны своими собственными попытками ухватить в достаточной мере хотя бы часть его сущности.

Даже если ограничиться описанием лишь «врача» Парацельса, его можно рассматривать в столь многих плоскостях и в столь разных образах, что любая попытка такого описания останется лишь жалким фрагментом целого. К тому же писательская плодовитость мало способствовала уяснению бесконечно запутанных материй, а еще менее способствовал этому тот факт, что вопрос о подлинности некоторых важных его произведений окутан темнотой, не говоря уже о многочисленных противоречиях и буйно разросшейся таинственной терминологии, превращающей его в одно из крупнейших «tenebriones»* эпохи.

Все у него принимает грандиозные размеры, можно даже сказать, все у него преувеличено. Долгие, сухие пустыни дикой болтовни чередуются с оазисами бьющего через край духа, светоносная способность которого потрясает и богатство которого столь велико, что никак не удается избавиться от неприятного чувства, что где-то упущено главное.

К сожалению, я не могу похвастаться тем, что являюсь специалистом по Парацельсу и поэтому

* Темные, таинственные лица (*лат.*).

обладаю полным знанием «Opera omnia Paracelsi». Если человек находится в таком положении, что вынужден читать еще что-то помимо Парацельса, то ему вряд ли возможно обстоятельно проработать 2600 страниц фолианта в издании Хузера 1616 года или даже еще более подробное полное собрание сочинений, выпущенное Зудхоффом.

Парацельс — это море или, менее уважительно, хаос, и поскольку он был исторически ограниченной человеческой личностью, его можно назвать плавильным горном, в который люди, боги и демоны чудовищного времени — первой половины XVI века, каждый по отдельности, влили каждый свой металл. Первое, что бросается в глаза при чтении его произведений,— его желчный и сварливый темперамент. По всем направлениям он злобно борется против врачей-школяров, так же как и против их авторитетов — Галена, Авиценны, Рацеса и всех им подобных. Исключение составляют (наряду с Гиппократом) лишь алхимические авторитеты — такие как Гермес, Архелай, Мориенус и др., которых он цитирует доброжелательно и с уважением. Вообще он не борется ни против астрологии и астрономии, ни против народных суеверий. По последней причине его произведения

представляют собой кладезь фольклора. Кроме теологических трактатов лишь очень немногие из работ, несомненно принадлежащих перу Парацельса, не содержат свидетельств его фанатичного соперничества со школьной медициной. Вновь и вновь мы наталкиваемся на аффективные высказывания, выдающие его горечь и личную обиду. Ясно видно, что речь идет уже не о деловой критике, а скорее о выражении многих личных разочарований, которые, пожалуй, особенно горьки, так как у него нет понимания своей собственной вины. Я выделяю это обстоятельство не для того, чтобы разъяснить его личную психологию, а для того, чтобы указать на одно из главных впечатлений, возникающих у читателей парацельсовских произведений. На каждой странице, можно сказать, так или иначе выступает человеческое, порой слишком человеческое этой столь сильной и своеобразной личности. Ему приписывают девиз: «Alterius non sit, qui suns esse potest» — «Пусть не принадлежит другому тот, кто может принадлежать себе», и если для этого требуется безоглядная, даже брутальная воля к независимости, то у нас поистине имеется достаточно литературных и биографических доказательств существования таковой. Этому бун-

тарскому упрямству и жестокости противостоят, как это и должно быть, с одной стороны, его неизменная приверженность церкви, с другой — его чуткое и проникновенное отношение к больным, особенно к больным, лишенным средств.

С одной стороны, Парацельс — приверженец традиций, с другой — революционер. Он консервативен по отношению к основным истинам церкви, астрологии и алхимии, скептически и бунтарски настроен против мнений школьной медицины, причем и в практическом, и в теоретическом отношениях.

Последнему обстоятельству, по-видимому, он в первую очередь обязан своей известностью, ибо лично мне кажется затруднительным указать, какие другие врачебные открытия принципиального характера можно приписать Парацельсу. Кажущееся нам сегодня таким важным включение хирургического искусства в поле зрения медицины для Парацельса означало отнюдь не создание новой науки, а лишь использование искусства цирюльников и фельдшеров наряду с искусством повивальных бабок, ведьм, волшебников, астрологов и алхимиков. Мне кажется, я должен просить прощения у своих читателей за еретическую мысль, что сегодня Па-

рацельс несомненно заступился бы за такие искусства, которые медицина, представленная в университетах, исключает из разряда серьезных, например, остеопатию, магнитопатию, иридодиагностику, всякого рода монодиеты, знахарство и т. д. Представим себе на мгновение эмоциональное состояние наших клиницистов на заседании факультета, в котором участвуют также ординарные профессора иридодиагностики, магнитопатии и Christian Science, и мы, безусловно, поймем неприязненные чувства ученых Базельского университета при виде того, как Парацельс сжигал классические учебники медицины, читал лекции на немецком языке и вместо престижного одеяния медика появлялся на улицах в непристойном халате лаборанта. С величием базельской карьеры «лесного осла из Айнзидельна» (как его прозвали) было очень быстро покончено. Фантастический ореол парацельсовского духа все-таки оказался не под силу тогдашнему врачу-бюргеру.

Мы имеем драгоценное свидетельство врача-современника, а именно ученого доктора медицины Конрада Гесснера из Цюриха, в виде письма по-латыни к императорскому придворному врачу Крато фон Крафтхайму от 16 августа 1561 года. Письмо, правда, написано через 20 лет после смерти

Теофраста, но дышит еще атмосферой парацельсовской деятельности. Гесснер отвечает на заявление Крато о том, что у того нет списка парацельсовских произведений и что он не стремится к тому, чтобы таковой иметь, так как считает Теофраста совершенно недостойным быть упомянутым среди приличных авторов, даже среди христиански или просто граждански порядочных людей, какими могут быть и язычники. Он-де и его ученики — арианские еретики. Он якобы был магом и общался с демонами. «Житель Базеля Каролостадиус,— продолжает Гесснер,— именуемый Боденштайн*, несколько месяцев тому назад прислал сюда для напечатания трактат Теофраста «De anatome corporis humani». Он насмехается в нем над врачами, которые изучают отдельные части тела и тщательно описывают их местоположение, форму, число, устройство, но пренебрегают главным, а именно — к каким звездам и регионам неба принадлежит каждая часть».

Сообщение Гесснера заканчивается лаконичным предложением: «Sed Typographi nostri imprimere noluerunt — но наши печатники отказали в напе-

* Адам фон Боденштайн, издатель «Vita longa» и ученик Парацельса в Базеле.

чатании». Из этого видно, что Парацельс не относился к числу «boni scriptores»*. Он даже находился под некоторым подозрением в разного рода колдовстве и, что еще хуже, его подозревали в арианской ереси**. Оба обвинения касались преступлений, караемых в то время смертью. При таких обвинениях становятся несколько более понятными так называемое желание путешествовать или неусидчивость Парацельса, которые всю жизнь нигде не дают ему покоя, а гоняют его из города в город через пол-Европы. С полным на то основанием он должен был заботиться о своей шкуре. То, в чем Гесснер обвиняет «Anatome corporis humani», справедливо, поскольку Парацельс действительно насмехался над начинающимися тогда вскрытиями тел, так как врачам-де все равно в разрезанных органах ничего не видно. Для него важнейшими были космические соответствия в том виде, в каком он находил их в астрологической традиции. Учение об «Astrum in corpore»*** — это даже его основная и излюбленная идея, которую мы везде встречаем

* Хорошие авторы (лат.).

** Сам Парацельс упоминает об упреке в ереси в Книге Paragranum.

*** Небосвод в теле (*лат.*).

в различных модификациях. Будучи верным воззрению на человека как на микрокосм, он и в тело людей помещает «небосвод», называя его «Astrum» или «Sydus». Для него это было эндосоматическое небо, движение звезд которого не совпадает с астрономическим небом, а возникает вместе с индивидуальным гороскопом («Ascendenten», или «Horoscopus»).

Пример Гесснера нам показал, как оценил Парацельса его влиятельный коллега-современник. Теперь попытаемся восстановить образ врача Парацельса из его собственных произведений. Для этого я хотел бы, насколько возможно, предоставить слово самому Мастеру, но поскольку это слово «несколько старомодно и по-немецки грубо», а помимо этого и изобилует странными новообразованиями, то мне то и дело придется вмешиваться со своими комментариями.

Одной из задач врача является овладение специфическими знаниями. Парацельс также разделял это мнение*. Он учился, кажется, в Ферраре и

* Правда, с одним странным ограничением! Так, Парацельс говорит, что «сочиненный» врач во сто крат больше нуждается в прилежании, чем естественный, так как последнему все приходит, очевидно, из «света природного».

получил там степень доктора медицины. Там его снабдили знанием тогдашней классической медицины Гиппократа, Галена и Авиценны, после того как он от своего отца уже получил определенное предварительное образование.

Послушаем теперь, что он говорит об «искусном» враче. В «Книге Paragranum» мы читаем: «Что такое искусность врача? Это если он знает, что полезно нечувствительным вещам и что им противно; что морским чудовищам, что рыбам, что зверям приятно и неприятно, что здорово и нездорово: это искусные вещи, касающиеся естественных вещей. Что еще? Благословение от ран и их силы, откуда или из чего они берутся, что, кроме того, есть: что есть Мелюзина, что есть Сирена, что есть Пермутация, Трансплатация и Трансмутация и как их охватить совершенным разумом: что над природой, что над родом, что над жизнью, что есть видимое, что есть невидимое, что дает сладость и что горечь, что дает вкус, что такое смерть, что полезно рыбаку, что кожевнику, что дубильщику, что красильщику, что кузнецу по металлу, что кузнецу по дереву*, что должно быть в кухнях, что в подвале,

* То есть столяру или плотнику.

что в саду, что принадлежит времени, что знает охотник, что знает шахтер, что подобает деревенскому священнику, что подобает другим, в чем нуждается военный человек, что делает мир, что причина духовного, что мирского, что делает каждое сословие, что есть каждое сословие, в чем истоки всякого сословия, что такое Бог, что такое дьявол, что есть яд, что есть противоядие, что в женщинах, что в мужчинах, каково отличие между женщинами и девственницами, между желтым и бледным, между белым и черным, между красным и блеклым, между всеми вещами, почему один цвет тут, другой там, почему короткое, почему длинное, почему благополучное, почему отсутствующее: и как посвященность эту отыскать во всех вещах».

Эта цитата нас, так сказать, одним махом вводит в типично парацельсовскую эмпирию: мы видим его странствующим студентом со всяким «бродячим людом» на проселочной дороге, он заходит к деревенскому кузнецу, который, будучи медицинским авторитетом, знает всякого рода заговоры от крови и ран. Он слушает крепкую «латынь» охотников и рыбаков, чудесные истории о земных и водных животных, например, об испанской черной казарке, которая при разложении превращается в черепаху, или о плодородии ветра в Португа-

лии, создающего мышей в копне сена, надетой на палку. Паромщик ему рассказывает о Лоринде, вызывающем таинственный «крик и шум воды». Животные больны и лечатся, как люди, более того, от шахтеров можно услышать о болезни металлов, о проказе меди и подобных вещах*.

Все это должен был знать врач. Он должен был знать о чудесах природы и о странном соответствии между человеческим микрокосмом и большим миром, и притом не только с видимым универсумом, но и с невидимыми космическими arcanis, с тайнами. У Парацельса мы сразу встречаемся с подобным чудодейственным существом, а именно с Мелюзиной, о которой врач также должен знать. Мелюзина — волшебное существо, принадлежащее, с одной стороны, фольклору, о чем говорит уже имя, а с другой — тайному алхимическому учению Парацельса, о чем свидетельствует также ее упоминание в связи с permutatio и transmutatio. Согласно его воззрению, Мелюзины живут в крови, и поскольку кровь является древнейшим вместилищем души, то можно предположить, что она

* «Leprositas aeris», кстати,— известное алхимическое представление. «Лишь ржавчина придает монете ценность» (Гёте, Фауст, 2).

выступает своего рода anima vegetativa*. По сути, она не что иное, как вариант spiritus mercurialis**, который в XIV и XV веках тоже изображали в виде женщины-монстра.

К сожалению, я не могу здесь подробно останавливаться на этом образе, столь важном для парацельсовского учения о чудодейственных таинственных средствах. Он увел бы нас слишком глубоко в тайны алхимической спекуляции. Но если мы хотим изобразить подлинного Парацельса, то нельзя по меньшей мере не упомянуть и о сокровенных сторонах этого средневекового ума.

Обратимся вновь к нашей особой теме, т. е. к искусству врача, каким его видит Парацельс. В «Книге Paragranum» говорится: врач «видит и знает все болезни вне человека» и в другом месте: «врач должен вырасти из внешних вещей, не из человека». «Поэтому благодаря глазам растет врач, и сквозь внешнее он видит сокрытое за ним, что означает: из внешнего он познает внутреннее. Только внешние вещи дают познание внутреннего, иначе не может быть познана ни одна внутренняя вещь». Это

* Растительная душа (*лат.*).

** Дух ртути (*лат.*).

должно означать, что врач получает свое знание о болезнях не столько от самого больного, сколько из других, кажущихся не связанными с ним природных явлений, прежде всего из алхимии.

«Если они этого не знают,— говорит Парацельс,— то они не знают таинства: и если они не знают, что делает медь, и от чего зарождаются купоросы, то они и не знают, что вызывает проказу. Если они не знают, откуда берется ржавчина на железе, то они и не знают, от чего появляются гнойники. Если они также не знают, что вызывает землетрясения, то они и не знают, откуда холодные боли. Внешнее учит и указывает, откуда происходят недуги у человека, и сам человек не показывает свой недуг».

Отсюда видно, что врач, например, из болезней металлов познает болезни людей. Вообще врач должен быть алхимиком. Он должен использовать scientia Alchimiae не так, «как действуют момпельерские аптекари... со своими грязными кухнями»,— это «половые тряпки, так что даже свиньи предпочитают жрать грязь». Он должен знать здоровье и болезни элементов. «Species Lignoru, Lapidum, Herbarum» в том же соотношении содержатся также и в человеке, поэтому врач все это должен знать. Золото, например, в человеке является «естественным укрепляющим средством».

Существует «внешнее искусство алхимии», а также «алхимия микрокосма», в качестве которой выступает процесс пищеварения. Желудок, по Парацельсу,— это алхимик в животе. Прежде всего врач должен знать алхимию, чтобы производить медикаменты, в частности, так называемые чудодейственные средства, такие как «Aurum potabile» и «Tinctura Rebis», «Tinctura procedens», «Elixir Tincturae» и все остальные. И, как это часто бывает, Парацельс «не зная как» насмехается над самим собой, но говорит он об академических врачах: «Вы для всех арго и сделали для себя странные словари и вокабуляры, кто это увидит, тот не может уйти не обманутым, и вы пошлете его с таким странным арго в аптеку, а ведь у него в саду нашлись бы средства получше».

Чудодейственные средства играют большую роль в парацельсовской терапии (особенно при лечении душевных болезней!). Они получаются в результате алхимической процедуры. «Ибо в arcanis,— говорит он, — туф становится гиацинтом, пирит — алебастром, валун — гранатом, глина — благородным болусом, песок — жемчугом, крапива — манной, копыта — бальзамом. В этом основа описания вещей, на этом врач и должен основываться». И наконец, Парацельс восклицает: «Разве не правда,

что Плиний так и не подтвердил ни одного опыта? Что он тогда писал? То, что услышал от алхимиков. Если ты не ведаешь и не знаешь, кто они, то ты Huimpelartzt*». Кроме того, врач нуждается в алхимических знаниях, чтобы из болезней минералов диагностировать болезни людей по аналогии. И наконец, он сам предмет алхимического процесса превращений. Благодаря ему он «поспевает», т. е. становится зрелым.

Это трудное для понимания замечание опять-таки относится к учению о таинстве. Ведь алхимия не просто химическое предприятие в нашем смысле, а быть может, в еще большей степени — философская процедура преобразования, т. е. своеобразный вид йоги, поскольку и йога нацелена на душевные изменения. По этой причине алхимики и усматривали параллель между трансмутацией и христианско-церковной символикой преображения.

Врач должен быть не только алхимиком, но и астрологом**. Ибо вторым источником познания для него выступает небосвод, или небо. В «Labyrinthus medicorum» Парацельс говорит, что звезды в небе

* Буквально: «хромающий врач» (*нем.*).

** Парацельс не делает разницы между астрономией и астрологией.

«надо свести вместе» и врач должен «из этого понимать суждение небосвода». Без искусства трактовки астрологических констелляций врач — «псевдомедик». Ведь небосвод — это не просто космическое звездное небо, a corpus, который, в свою очередь, является частью или внутренним содержанием видимого человеческого тела.

«Там, где лежит corpus,— говорит он,— там и собираются орлы... Там, где находится лекарство, там и собираются врачи». Небосводный «corpus» представляет собой телесное соответствие* астрологическому небу. И поскольку астрологическая констелляция позволяет поставить диагноз, она одновременно дает намек на терапию. В этом смысле «лекарство и находится на небесах». Врачи «собираются» вокруг небосводного «corpus», как орлы вокруг падали, потому что, как говорит Парацельс в этом не очень-то аппетитном сравнении, «падаль естественного света» пребывает на небесах. Иными словами, «corpus sydereum» — это источник озарения со стороны «lumen naturae», «природного

* «Corpus» в человеке соответствует верхнему созвездию (Paragranum, p. 49). Как на небе, так и в теле звезды свободно парят, они не смешаны и имеют невидимые влияния, как и чудодейственные средства (p. 50).

света», который играет самую большую роль не только в писаниях нашего автора, но и во всем способе его мышления.

Интуитивная формулировка этого воззрения, по моему скромному мнению,— наиболее значимое явление в истории духа, поэтому никому не следует завидовать бессмертной поздней славе Парацельса. Это воззрение, правда, повлияло на современное ему и еще больше на последующие поколения так называемых мистических мыслителей. Но дремлющее в нем общефилософское и специально-гносеологическое значение еще не исчерпало высших возможностей своего развития. Об этом еще предстоит сказать будущему.

Врач должен познать это внутреннее небо. «Ибо если он небо знает лишь снаружи, он остается астрономом или астрологом: но если он это упорядочит внутри человека, он знает два неба. Оба делают врача знающим относительно той части, которая касается высших сфер. Но внутри врача должно быть в полной мере заложено, чтобы он знал Caudam Droconis* в человеке и знал Овна и Полярную ось, знал его полуденную линию, его ориент, его окцидент». «Во

* «Хвост дракона». Созвездие расположено между созвездиями Большой и Малой Медведиц.

внешнем он видит внутреннее». «Итак, в человеке небосвод как на небе, но не из одного куска, их два. Ибо рука, разделившая свет и тьму, и рука, сделавшая небо и землю, сделала то же самое снизу в микрокосме: взяла из верхнего и включила в кожу человека все, что охватывает небо. Поэтому и для нас внешнее небо путеводитель по небу внутреннему: кто же тогда может быть врачом, не зная внешнее небо? Ведь в данном небе мы, и оно лежит перед нашими глазами: и небо внутри нас не лежит перед нашими глазами, а за глазами, поэтому мы его можем и не видеть. Ибо кто смотрит внутрь сквозь кожу? Никто».

Здесь невольно вспоминается знаменитое кантовское изречение о «звездном небе надо мной» и «моральном законе внутри меня», «категорический императив» которых в психологическом плане полностью заменил стоическое heimarmene, принуждение звездами. Не подлежит сомнению, что на интуицию Парацельса здесь повлияла основная герметическая идея о «небе наверху, небе внизу»*. Он, вероятно, видел в своей концепции внутрен-

* Парацельс был, во всяком случае, знаком с текстом «Изумрудной скрижали», классического авторитета средневековой алхимии: «Что внизу, то и наверху. Что наверху, то и внизу. Да свершится чудесным образом единство».

него неба извечный образ, данный в силу своей вечной природы не только ему, но и многим другим в разные времена и в разных местах. В каждом человеке, говорит он, есть свое особое небо, целое и невредимое. «И ребенок, который будет зачат, уже имеет свое небо». «Каково большое небо, таким оно запечатлевается при рождении». Человек имеет «своего отца... в небе и также в воздухе, и есть ребенок, сделанный и рожденный из воздуха и небосвода». Есть Млечный Путь на небе и внутри нас. Галактика проходит через живот. В человеческом теле также имеются полюса и Зодиак. «Так, требуется, чтобы врач познавал, понимал и знал восход зодиакальных созвездий, конъюнкции, экзальтации планет и так далее, и все констелляции: и если он знает это в отце снаружи, то отсюда следует, как оно возникает внутри человека, ибо число людей очень велико, и их много: где ему найти небо внутри каждого из них с его соответствием — где здоровье, где болезни, где начала, где исход, где конец, где смерть. Ибо небо есть человек, и человек есть небо, и все люди — одно небо, и небо — только один человек». Так называемый «отец на небе» и есть само звездное небо. Небо — это homo maximus и corpus sydereum и, если так можно сказать, является представителем homo

maximus в индивиде. «Теперь человек не родился из человека: ибо в первом человеке не было пред-человека, а креатура, и из креатуры возник Limbus, и Limbus стал человеком, и человек остался Limbus'om. Так как он им остался, то он должен, поскольку он замкнут кожей (и никто вовнутрь не заглядывает и действия не видны в нем), он должен быть воспринят из отца, а не из самого себя. Тогда внешнее небо и его небо — одно небо, но две части. Как отец и сын двое, так и анатом, познающий одного, познает и другого».

Небесный отец, т. е. собственно великий человек, также впадает в болезнь, из чего можно вывести диагноз и прогноз для человека. Небо же, как говорит Парацельс, само себе врач, «как собака для своих ран», к человеку же это не относится. Поэтому, говорит он, человек «обязан своему отцу болезнями и здоровьем. И видит: этот член создан Марсом, этот Венерой, этот Луной» и т. д. Это, очевидно, означает, что врач должен усматривать болезнь и здоровье из состояния отца, т. е. неба. Звезды, собственно, этиологичны. «Подходите,— говорит он,— ко всем инфекциям через звезды, а от звезд они затем переходят к людям: т. е. что на небе, то происходит и с человеком. Но дело не в том, что небо побуждает человека изнутри, и из-за

этого мы не должны производить шума и дыма, но звезды в человеке, так распорядилась рука бога, должны повторить, что наружное небо начинает и рождает, так будет затем и в человеке. Если Солнце светит сквозь стекло, Луна дает свет на Землю: не это портит тело человека, вызывая болезни. Так же как маловероятно, что Солнце попадает в это самое место, так и звезды не попадают в человека, и их лучи человеку ничего не дадут: ибо это должны делать Corpora, а не лучи. Это — Corpora Microcosmi Astralia, наследующие род отцовский».

«Corpora Astralia» равнозначны уже упомянутому corpus sydereum sive astrale. В другом месте он говорит: «от отца идут болезни», а не из человека, так же как и древесный червь не происходит из древесины.

Небосвод имеет значение не только для диагноза и прогноза, но и для терапии. «Ибо отсюда возникает причина, если небо к тебе неблагосклонно и не хочет терпеть твое лекарство, то ты ничего не сделаешь: небо должно тебя терпеть. Поэтому искусство заключено не в том, что ты должен говорить: "Мелисса — материнская травка, полынь от головы", — так говорят неразумные. Это заложено в Венере и Луне: если ты их хочешь иметь так,

как ты предполагаешь, то ты должен иметь благосклонное небо, иначе не произойдет никакого действа. В этом заблуждение, чересчур распространенное в медицине: дай лекарство — поможет, так поможет. Таким практическим искусством обладает каждый крестьянский батрак, для этого не требуется ни Авиценна, ни Гален».

Если врач установит верную связь между corpus astrale, т. е. физиологическим Сатурном, а именно селезенкой, или Юпитером, или же печенью, и небом, то он, как говорит Парацельс, «на правильном пути». «И если он потом сумеет звездный Марс и выросший Марс <т. е. corpus astrale> подчинить друг другу, и склонить, и сравнить, то в этом заключается ядро, которое еще ни один врач с древних времен и до меня не раскусил. Именно так понимается то, что лекарства должны приготавливаться в звездах и что они становятся звездами. И если высшие звезды делают больными и умерщвляют, то они же и делают здоровыми. И если что-то должно случиться, то оно не случается без звезды. Так должно произойти со звездами, т.е. приготовление должно проводиться так, что таким же образом лекарства изготовляются небом». Врач «должен узнать

род лекарств по звездам таким образом, чтобы сверху и снизу были звезды.

Итак, поскольку лекарство без неба будет ничем, то оно должно проводиться через небо». Это значит, что астральные воздействия должны управлять алхимической процедурой или же приготовлением чудодейственных средств. Так, Парацельс говорит: «И движение неба изучает ход и режим огня в Athanar*, ибо добродетель, лежащая в сапфире, дается небом через раствор, сгущение и закрепление». Относительно практического применения лекарств он говорит, что лекарства находятся «в воле звезд, и вводятся, и управляются звездами. Что относится к мозгу, Луной привносится в мозг, что относится к селезенке, в селезенку привносится Сатурном, что относится к сердцу, Солнцем привносится к сердцу, и также Венерой — к почкам, Юпитером — к печени, Марсом — к желчи. Так не только с этими, но и со всеми остальными, сложно перечислить»**.

Название болезней также следует поставить в отношение к астрологии — например, анатомию,

* Алхимическая печь.

** Здесь также речь идет о древних алхимических представлениях.

под которой, как было уже отмечено, Парацельс понимает не что иное, как астрофизиологическую структуру человека, а отнюдь не то, что понимал под этим Везалий. Согласно Парацельсу, анатомию следует понимать как «соглашение с мировой машиной». Недостаточно разрезать тело, «как крестьянину увидеть Псалтырь».

«Анатомия» для него означает нечто вроде анализа. Так, он говорит, что «магия есть медицинская анатомия... и так магия расчленяет все corpora лекарства». Но анатомия означает для него и нечто вроде припоминания изначально врожденных знаний человека, открывающихся ему через естественный свет. В «Labyrinthus medicorum» он говорит так: «Во скольких стараниях и трудах нуждался Mille Artifex*, чтобы вывести эту анатомию из памяти человека, чтобы заставил его забыть о благородном искусстве и фантазировать (в чем нет искусства), и таким образом время на земле проходит без пользы. Ибо кто ничего не знает, тот ничего не любит... но кто понимает, тот любит, запоминает, видит».

* Т. е. дьявол. «Mille» — «тысяча», «Artifex» — «ремесленник» (*лат.*).

Относительно названий болезней он считал, что они должны выбираться по Зодиаку и планетам и звучать примерно так: Morbus leonis, sagittarii, Martis и т. д. Но сам он этого придерживался очень условно. Вообще, он часто забывал, как назвал какой-то предмет, и изобретал затем для него новое название, что, кстати говоря, отнюдь не облегчает понимание его произведений.

Таким образом, мы видим, что у Парацельса этиология, диагноз, прогноз, терапия, патологическая терминология, фармакогнозия и изготовление лекарств и равным образом, last not least*, факты практики находятся в непосредственной связи с астрологическими данными. Так, он призывает своих коллег: «Все вы врачи и, значит, должны ориентироваться в знаниях, чтобы знать истоки счастья и несчастья: если вы этого не сможете, так откажитесь от медицины». Это может также примерно означать, что при невыгодных обстоятельствах, которые следует вычислять из гороскопа больного, врач имеет возможность вовремя уйти, что, ввиду жесткости тогдашних времен, имело смысл, как мы знаем из биографии великого Кардано.

* Последнее по счету, но не по важности (*англ.*).

Однако врач должен быть не только алхимиком и астрологом, но и философом. Что же Парацельс понимает под «философией»? Предвосхищая ответ на этот вопрос, заметим, что философия в его понимании не имеет ничего общего с нашей трактовкой этого предмета. У него речь идет, как мы сказали бы, об оккультных делах. Не забывайте, что Парацельс — насквозь алхимик и занимается старой натурфилософией, которая, вопреки современному мнению, имела гораздо меньшее отношение к мышлению, чем к переживанию.

В алхимической традиции выражения philosophia, sapientia и scientia в существенной степени идентичны. Хотя их, с одной стороны, используют как абстрактные идеи, с другой стороны, они странным образом мыслятся как вещественные или хотя бы как содержащиеся в веществе и по нему получают свои названия. Они выступают как ртуть, или Меркурий, свинец, или Сатурн, золото, или aurum non vulgi, соль, или sal sapientiae, вода, или aqua permanens и т. д. Это означает, что данные вещества — чудодейственные средства и что философия, как и они, также чудодейственное средство. Практически все сводится к тому, что философия как бы скрывается в веществе, и поэтому ее

можно в веществе и отыскать*. Речь идет, как видно, о психологических проекциях, т. е. о примитивном состоянии духа, еще явно существовавшем во времена Парацельса, главным симптомом которого является бессознательное тождество субъекта и объекта.

Мне показалось необходимым заранее сделать эти замечания, так как они, наверное, облегчат понимание парацельсовского понятия философии. Так, Парацельс спрашивает: «Что же такое природа, если не философия?» Она в человеке и вне его. Она как зеркало, которое состоит из четырех стихий, ибо в стихиях отражается микрокосм. Его можно познать по его «матери», т. е. из «материи» стихий.

* «Liber quartorum» (X в.) прямо говорит об «извлечении мысли». Соответствующий текст гласит: «На реке Евфрат обитают халдеи, сведущие в звездах, разбирающиеся в атмосферных явлениях, и они — самые первые, которые додумались выяснить, что такое мышление». Этими жителями берега Евфрата являются, вероятно, сабеи или харанипы, ученой деятельности которых мы обязаны знанием о целом ряде естественнонаучных трактатов александрийского происхождения. Как и у Парацельса, мы уже здесь находим связь алхимического преобразования с влиянием звезд. Так, (в том же месте) читаем: «Те, что обитают на реке Евфрат, приводят грубые тела в простой вид при помощи движения небесных тел».

Есть, собственно говоря, «две философии» (!), а именно философии верхних и нижних сфер. В нижней речь идет о рудных жилах (minera), в верхней — о звездах. Последняя и есть, собственно говоря, астрономия, откуда следует, что у Парацельса понятие философии очень мало отличается от понятия scientia. Это становится совершенно ясным, когда мы слышим, что в философии речь идет о земле и воде, а в астрономии — о воздухе и огне, философия — это познание нижней сферы. Она, как и scientia, врождена всем живым существам; так, грушевое дерево приносит груши только благодаря своей scientia. Она — «влияние», скрытое в природе. Она также скрыта в человеке, и требуется «магия», чтобы это чудодейственное средство раскрылось. Все остальное, по его словам,— «пустая фантазия и глупости, на которых растут фантасты». Этот дар (donum) scientia следует возвести «в алхимически высшую степень». Это означает, что scientia, как и химическое вещество, дистиллируется, сублимируется, субтилизируется. Если «scientiae природы» нет во враче, то, говорит Парацельс, «колеблешься туда-сюда и ничего точно не знаешь, кроме болтовни своей пасти».

Таким образом, неудивительно, что философия также выступает в качестве практики. В трактате

«Fragmenta Medica» он говорит: «В философии находится познание всего земного шара посредством практики. Ибо философия не что иное, как практика земного шара или сферы... Философия изучает силу и свойства земных, водяных вещей... поэтому я тебе говорю о философии, что одинаковым образом в земле и в человеке есть философ. Ибо есть философ земли, есть — воды» и т. д. Итак, в человеке есть «философ» в том же смысле, как и алхимик, в роли которого, как мы слышали, выступает не что иное, как желудок. Но ту же функцию можно найти и у земли, из которой в случае чего тоже можно «вытянуть» философию. Это имеется в виду в нашем тексте под practica globuli, которая ведь означает алхимическую обработку massa globosa*, т. е. prima materia**, собственной чудодейственной субстанции. Таким образом, философия представляет собой алхимический метод***. Философское познание для Парацельса фактически является активностью объекта, поэтому он его

* Земная масса (*лат.*).

** Первичная материя (*лат.*).

*** И в этом вопросе Парацельс оказывается консервативным алхимиком. Уже в древности алхимия обозначала свой четвероякий подход как «деление философии на четыре части».

и называет «подбрасыванием». «Дерево... без алфавита дает название дерева», и оно как бы говорит, что оно есть и что содержит, точно так же, как и звезды, которые тоже содержат свое «небосводное суждение». Таким образом, Парацельс может говорить, что «Archasius» человека* притягивает «scientiam atque prudentiam». Более того, он признает с большой скромностью: «Что изобретает человек сам или через самого себя? Недостаточно, чтобы даже пришить заплатку к штанам». К тому же

* «Archasius», вероятно, идентичен «Archeus», внутреннему жизненному теплу, так называемому Vulcanus. Он, кажется, расположен в животе, где отвечает за пищеварение и производит «пищу», наподобие того как «Archeus Terrae» — металлы. Он — алхимик земли, градуирующий «минеральный огонь в горах» (De transmutationibus rerum naturalium, lib. VII, 305). Но и эта идея неоригинальна. Мы ее находим уже в харанитском «Liber quartorum». «Archeus» там называется «Alkian», или «Alkien». «Алкиен — это... дух, питающий и управляющий человеком, благодаря ему происходит обращение питательных веществ и порождение живых существ, и благодаря ему формируется человек...» (Theatrum chemicum, Bd. V, p. 152). «Алкиен земли есть Алкиен живых существ: есть в земле... производящие силы.., например, производящие силы живых существ, которые врачи называют Алкиеном» (Theatrum chemicum, p. 191).

немалое число врачебных искусств «открыто дьяволом и духами».

Хочется приводить слишком много цитат. Из сказанного должно быть ясно, что и философия врача представляет собой таинство. Поэтому почти само собой разумеется, что Парацельс был большим поклонником магии и искусства кабалистики, «Cabal». Если врач не знает магии, «то он сумасшедший и блаженный в медицине, более направлен на обман, нежели на правду... Магия <ему> преподаватель... и педагог». В соответствии с этим Парацельс и разработал наброски многих амулетов и печатей, при этом по собственной вине нажив дурную славу колдуна. О будущих врачах он говорит,— и это прогнозирование будущего для него очень характерно,— что «они будут геомантами, они будут адептами, они будут археями, они будут спагириками, у них будет квинтэссенция» и т. д. Если сбылась химическая греза алхимии, то Парацельс чутко предугадал сегодняшнюю химическую медицину.

Прежде чем закончить свое слишком общее изложение, мне хотелось бы выделить один из весьма важных аспектов терапии Парацельса, а именно психотерапевтический. Парацельс еще знает древнейший метод заговаривания болезней, красноре-

чивые примеры которого содержит уже древнеегипетский «Папирус Эберса». Парацельс называет этот метод «Theorica». Есть, правда, по его словам, Theorica Essentiae Curae и Theorica Essentiae Causae, но, как он поспешно добавляет: «Theorica curae et causae содержатся друг в друге и взаимосвязаны».

То, о чем врач должен говорить больному, следует из собственного состояния врача: «Он должен быть совершенным, иначе он ничего не сможет сделать». «Свет природы» должен руководить им, он должен поступать интуитивно, ибо лишь благодаря иллюминации «Textus libri Naturae» станет понятным. «Theoricus medicus» поэтому должен говорить от бога, ибо бог создал врача* и лекарства, и подобно тому как теолог берет свою истину из откровений Священного Писания, врач — из «света природы». Theorica для него «Religio medica». Он дает пример того, как следует пользоваться Theorica, т. е. как говорить с пациентом: «Или если есть человек, страдающий водянкой, то говорит, что печень у него простыла и т. д. И также у них есть склонность к водянке: этих слов слишком

* Бог якобы больше всех факультетов любит медицинский. Поэтому он не должен быть «человеком в маске», а должен быть подлинным (Paragranum, р. 95).

мало. Но если ты говоришь, это не теоретическое семя, оно становится дождем, дождь падает сверху вниз из промежуточных пространств в такие-то и такие-то части, и таким образом из семени становится вода прудом, озером: так ты попал в точку. Потом вы видите ясное красивое небо, в котором нет облаков: в одно мгновение появляется маленькое облако, оно разрастается и приумножается так, что в течение часа становится большим дождем, градом, ливнем и т. д. Также и мы должны теоретизировать из основы медицины, где болезнь как нарисованная».

Видно, как такое суггестивное обращение должно подействовать на больного. Метеорологическое сравнение предрасполагает к осадкам: сейчас откроются шлюзы тела, и гной вытечет. Подобную психическую стимуляцию никоим образом нельзя недооценивать и для телесных болезней, и я убежден, что немало чудесных излечений нашего мастера связано с его превосходной Theorica.

Об отношении врача к больному Парацельс говорит много хорошего. Из совокупности его высказываний я в заключение хотел бы процитировать немногие, но очень красивые слова из «Liber de caducis». «Прежде всех вещей большая необхо-

димость добиться милосердия, которое должно быть врожденным у врача». «Где нет любви, там нет искусства». Врач и лекарства, «оба суть не что иное, как милосердие к нуждающимся от Бога». Из «дела любви» происходит искусство. «Так, врач должен не меньшим милосердием и любовью, чем бог проявляет к человеку, также запастись». Милосердие — «наставник врачей». «Я под господином, господин подо мной, я под ним вне моей службы, и он подо мной вне его службы. И так каждый на службе у другого, и в такой любви каждый подчиняется другому». Врач — «средство < через которое> природа начинает действовать... лекарство растет без спроса и вылезает из земли, когда мы уже ни о чем не просим». То, что делает врач, не его произведение. «Владение таким искусством лежит в сердце: если твое сердце неправильное, то и врач из тебя неправильный». «Что бы он ни говорил от имени дерзкого сатаны, это невозможно». Поэтому надо доверять Богу. Ибо скорее «с тобой заговорят травы и корни, в которых тогда была сила, в которой ты нуждался бы». «Врач ест с обеда, к которому не пришли приглашенные гости».

Вот я и дошел до конца своего изложения. Я буду доволен, если мне удалось передать хотя бы

некоторое впечатление о сколь странной, столь и гениальной личности, а также о духовной атмосфере вокруг знаменитого врача, которого современники не без основания назвали «Lutherus medicorum»*. Парацельс — это один из великих образов Ренессанса, которые в своей бездонности и сегодня, четыреста лет спустя, все еще представляются нам загадочными.

* Лютером медиков (*лат.*).

Содержание

Парацельс

О НИМФАХ, СИЛЬФАХ, ПИГМЕЯХ, САЛАМАНДРАХ И О ПРОЧИХ ДУХАХ

Ответственный редактор *М. Яновская*
Редактор *Ю. Кулишенко*
Художественные редакторы *А. Пилипенко, А. Сауков*
Компьютерная верстка *Н. Терехова*
Корректоры *В. Безуглый, С. Никулин*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.
Многоканальный тел. 411-50-74. **E-mail: reception@eksmo-sale.ru**

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

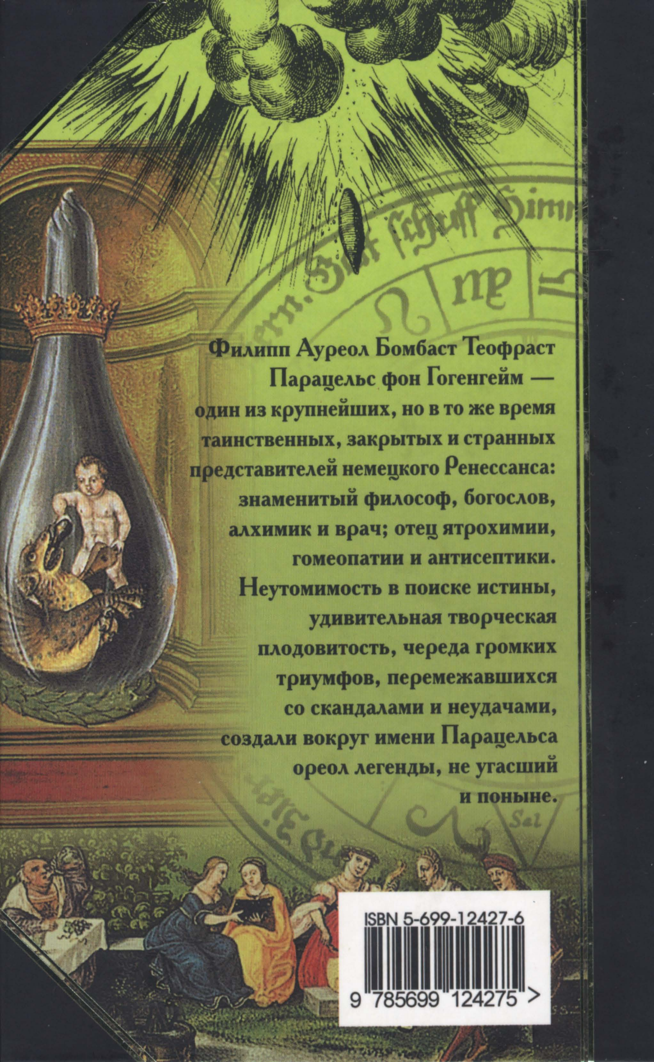
Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать 12.07.2005.
Формат 70×100 1/32. Гарнитура «Академия». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 16,25. Уч.-изд. л. 18,4.
Тираж 5000 экз. Заказ № 3861

Отпечатано во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Филипп Ауреол Бомбаст Теофраст Парацельс фон Гогенгейм — один из крупнейших, но в то же время таинственных, закрытых и странных представителей немецкого Ренессанса: знаменитый философ, богослов, алхимик и врач; отец ятрохимии, гомеопатии и антисептики. Неутомимость в поиске истины, удивительная творческая плодовитость, череда громких триумфов, перемежавшихся со скандалами и неудачами, создали вокруг имени Парацельса ореол легенды, не угасший и поныне.

ISBN 5-699-12427-6
9 785699 124275 >